

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА: ФАКТОРЫ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Под редакцией
Ислама Текушева
Кирилла Шевченко
Сергея Маркедонова

**Прага
Medium Orient
2015**

Северный Кавказ на пороге XXI века: факторы нестабильности

**Издание подготовлено информационным агентством
Medium Orient (Прага, Чехия)**

Северный Кавказ оказался сложным и уязвимым социальным и этнокультурным организмом, чутко и болезненно реагирующим на малейшие внешние раздражители, что далеко не всегда учитывается федеральным центром в его политике в северокавказском регионе. Яркой иллюстрацией к сказанному служат протесты вокруг сочинской Олимпиады в 2014 году, ставшей еще одним фактором нестабильности на Юге России. Конфликтный потенциал на Северном Кавказе продолжает оставаться весьма значительным, усиливая процесс выпадения региона из общероссийского гражданского и правового пространства.

Ислам Текушев

ISBN 978-80-260-8091-6

Проект реализован при финансовой поддержке Национального фонда в поддержку демократии (www.ned.org)

**Издательство Medium Orient
Прага, 2015
www.caucasustimes.com**

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	7
----------------	---

Ислам Текушев

Реальные социальные группы и динамика конфликтов на Северном Кавказе	7
--	---

РАЗДЕЛ 1. ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА .. 21

Сергей Маркедонов

Террористический вызов и безопасность Северокавказского региона	21
---	----

Сергей Маркедонов

Регион повышенной турбулентности	23
--	----

Сергей Маркедонов

Трансформация «чеченского конфликта»	29
--	----

Сергей Маркедонов

От национализма к политическому исламу	33
--	----

Сергей Маркедонов

Джихад: северокавказская версия	43
---------------------------------------	----

Сергей Маркедонов

Российский ответ: победы и издержки	53
---	----

РАЗДЕЛ 2. КОНФЛИКТ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР

59

Михаил Рощин

Имарат Кавказ: эволюция радикального мусульманского проекта	59
---	----

Ислам Текушев

Имарат Кавказ как модель	75
--------------------------------	----

Танзила Чабиева, Михаил Рощин

Конфликт поколений в ингушском исламе: суфии и салафиты	92
---	----

РАЗДЕЛ 3. ЧЕРКЕССКИЙ ВОПРОС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 98

Ислам Текушев

Олимпиада и абхазо-черкесские сюжеты	98
--	----

Ислам Текушев

Разделенный этнос	106
-------------------------	-----

Сергей Маркедонов

«Черкесский мир» и Россия	112
---------------------------------	-----

Ислам Текушев

Хлопонин и черкесы: попытка упрощения	118
---	-----

Ислам Текушев

«Черкесский вопрос» между Анкарой и Москвой	121
---	-----

Аврахам Шмулевич

Черкесы между исламом и Хабзэ.....	129
------------------------------------	-----

Сергей Филатов

Ислам и черкесы: краткая история.....	133
---------------------------------------	-----

Ислам Текушев

Черкесам «шьют» экстремизм	143
----------------------------------	-----

РАЗДЕЛ 4. «КАВКАЗСКИЙ МЕЛОВОЙ КРУГ»: ЗАРУБЕЖНЫЕ ЭКСПЕРТЫ ОЦЕНИВАЮТ ПОЛОЖЕНИЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ146

Сергей Маркедонов

Террористический вызов, российский ответ, международные последствия	151
--	-----

Сергей Маркедонов

Северный Кавказ в России и Россия на Северном Кавказе ...	158
---	-----

Сергей Маркедонов

Абхазия, Южная Осетия Северный Кавказ на очереди?	161
---	-----

Сергей Маркедонов

Игры в Сочи: северокавказское эхо 163

**РАЗДЕЛ 5. КОНФЛИКТЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ЗЕРКАЛЕ
ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ 166**

Вместо вступления 166

Кирилл Шевченко, Ислам Текушев

Социологическая ретроспектива ислама на Северном
Кавказе 168

Ислам Текушев

Конфликт идентичностей в студенческой среде 181

Кирилл Шевченко, Ислам Текушев

Права человека в зеркале общественного мнения 203

Ахмет Ярлыкапов

Кризис идентичности в молодежной среде (на примере
Республики Дагестан) 215

**РАЗДЕЛ 6. КОНФЛИКТЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ФАКТОРЫ
НЕСТАБИЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ 240**

Сергей Маркедонов

Калейдоскоп амиров и социальная реальность 240

Соломон Лебанидзе

«Лезгинский вопрос» как фактор нестабильности 246

Сергей Маркедонов

«Казачья полиция»: защита от мигрантов или новый
конфликтный фактор? 254

Сергей Маркедонов

Кадыров и Евкуров: спор соседей в контексте «пограничных»
проблем 259

Соломон Лебанидзе

«Кумыкский вопрос» в Дагестане 267

Олег Кусов

Балкарцы и кабардинцы: извечный спор за землю 271

Михаил Зильберт

Горцы против «модернизации» 281

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 285

Ислам Текушев

Северный Кавказ и факторы нестабильности: некоторые

выводы 285

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 290

ВВЕДЕНИЕ

ИСЛАМ ТЕКУШЕВ

Реальные социальные группы и динамика конфликтов на Северном Кавказе

Ослабление роли государственных и традиционных общественных институтов, высокий уровень коррупции и социальной несправедливости в обществе привели к усилению роли разного рода социальных групп на Северном Кавказе. Иерархия реальных социальных групп на Северном Кавказе представлена тремя главенствующими социо-культурными общностями, влияющими на процесс самоидентификации и оказывающими прямое воздействие на динамику конфликтов: это этническая, гражданская и религиозные идентификации. Так, если для автохтонных народов Кабардино-Балкарии при самоидентификации первостепенным является этничность, соотнесенность с "корнями", а уже потом гражданская общность, то для русских и украинцев с абсолютно другой ментальностью все с точностью наоборот. При этом

религиозное самосознание становится все более значимой парадигмой мышления.¹

Политические и социально-экономические катаклизмы, потрясшие Россию после распада СССР в 1991 году, резко усилили роль религии, которая оказалась востребованной значительной частью населения, занятого поисками мировоззренческой альтернативы ценностям агрессивно насаждаемого в постмодернистской России общества потребления, живущего по законам откровенного социал-дарвинизма. Так как на Северном Кавказе все негативные процессы, характерные для России в целом, приобрели особенно острый, болезненный и затяжной характер, роль конфессионального фактора проявляется в этом регионе более явно, зримо, и вместе с тем, сложно и неоднозначно.

Яркой иллюстраций к данному тезису служат результаты опросов общественного мнения на Северном Кавказе, проведенные пражским агентством Medium-Orient в разное время при поддержке американского фонда National Endowment for Democracy.

Так, опрос, проведенный Medium-Orient в 2010 году, рисует любопытную, хотя и противоречивую картину роли ислама в северокавказском регионе, свидетельствуя как о значительном влиянии ислама на население в целом (см. таблицу 1), так и о серьезных различиях между отдельными северокавказскими республиками в степени приверженности населения исламским ценностям. Поразительно, на Северном Кавказе в целом 62% опрошенных заявили о «большой» роли религии в их жизни. При этом наибольшую роль религия играет среди населения Чечни (81%) и Ингушетии (68%), в то время как среди жителей Кабардино-Балкарии лишь 42% заявило о «большой» роли религии в их жизни. Несколько десятков лет перестройки и реформ обнаружили небывалый отход населения от общего культурного ядра во взглядах и установках по множеству

¹ Ислам на Северном Кавказе: история и современность. Прага, Medium-Orient 2011.

важных вопросов и возвращение в лоно религии, что можно рассматривать, как попытку компенсировать социальные издержки, понесенные при развале СССР.

ТАБЛИЦА 1

КАКУЮ РОЛЬ ИГРАЕТ РЕЛИГИЯ В ВАШЕЙ ЖИЗНИ? (%)

	Большую	Скорее большую	Скорее небольшую	Небольшую	Я атеист	Не знаю
Кабардино- Балкария	42	35	11	6	3	3
Чечня	81	13	1	0	3	2
Ингушетия	68	27	1	0	1	3
Дагестан	66	26	3	2	1	2
Карачаево- Черкесия	52	27	12	4	2	3
ВСЕГО	62	26	6	2	2	2

На фоне высокого уровня нарушения основных прав и свобод человека в регионе, неспособности региональных властей решать насущные вопросы социального и правового характера, с каждым годом растет потенциал ислама как института, выполняющего роль главного регулятора

общественных отношений. При этом уже в 2012 году шариат стал реальной альтернативой республиканской власти в ряде районов Дагестана.² Анализируя результаты исследований, мы составили ряд представлений, указывающих на устойчивую тенденцию.

Под влиянием усиливающейся роли ислама на Северном Кавказе формируется новая суперэтническая идентичность мусульман Северного Кавказа. При этом деятельность различных джихадистских структур (Имарат Кавказ), все увереннее образующих параллельную систему власти в северокавказских республиках, с их лозунгом «чистоты ислама» и освобождения всего Северного Кавказа от «неверных», оказывает все более заметное влияние на умонастроения молодежи в северокавказских республиках. Эти свидетельства говорят в пользу предположения, согласно которому изменения в духовных убеждениях части населения кардинально могут повлиять на всю социально-политическую панораму жизни региона. Эти выводы подтверждаются и зарубежными экспертами.

По мнению Ивоны Калишевской - сотрудника Института этнологии и культурной антропологии при Варшавском университете, соавтора книги «Матрешка в хиджабе», идеи больших перемен несут в себе разные группы, среди которых явно доминируют салафиты. У них слышна риторика больших модернизационных проектов. Они демонстрируют заботу об обществе в целом, не ограничиваясь заботой о своей общине или семье. Они уделяют внимание молодежи, как социальной группе, акцентируя свое внимание на ее моральном воспитании. По сути, это именно то, чего не делает нынешнее государство, но ранее в советскую эпоху делало государство, проникая во все сферы жизнедеятельности общества и эффективно его контролируя. Запуская процесс диалога и рефлексии, ученый

² Источник: Радио Свобода, «Шариат правит Кавказом?», Малика Рахронова, 7.04.2011. <http://www.svoboda.org/content/article/3550363.html>)

пытается проявить на поверхности сознания причины расхождения субкультур.

Один из моих собеседников в Дагестане мне однажды сказал, докапывается до корня проблемы Илона Калишевская: "Социализм был первым шагом к объединению народов и обеспечению их равными правами, а ислам - второй шаг". И было достаточно ощутимо, что многие мусульмане в Дагестане проявляют симпатии, как к коммунистическому прошлому, так и к современному исламу. При этом меня сильно удивило, что в разговорах жители Дагестана редко говорили о нарушении их религиозных прав в советские времена. Безусловно, ислам сегодня является объединяющей силой в регионе, особенно для молодого поколения, в среде, где не модно быть атеистом. Национальные лозунги родителей уже не привлекательны для молодежи. Очевидно, что влияние ислама на общественно-политические процессы в регионе будут ощутимы». По мнению ученого, проблема в том, что из-за высокого уровня коррупции, попыток решить все проблемы силой, региональные элиты и значительная часть дагестанского общества все больше и больше отдаляются друг от друга, живя в параллельных мирах. «Я могу предположить: так как смена региональных властей не меняет ситуацию к лучшему, высока вероятность того, что эти тенденции в обществе сохранятся. В этих условиях становится возможным существование параллельных систем. С одной стороны, «де-юре» в Дагестане будет действовать российская власть, а с другой, в определенных районах, или же в определенных ситуациях, общество будет обращаться и уже обращается к шариатским институтам. Вот такое будущее, возможно, ожидает Дагестан», - говорит Ивона.³

Безусловная опасность начинается там, где субкультура противостоит целому, становится враждебным в стремлении подавить и уничтожить другое мировоззрение, разрывает его на части, ломая культуру и мироощущение целого народа.

³ Источник: интервью с Ивона Калишевска. Caucasus Times 22.03.2013

По словам Гейдара Джемаля, одного из создателей Исламской партии возрождения в России, «сегодня ислам выступает не как религия в традиционном понимании этого слова, но как всеобъемлющая политическая идеология, защищающая слабых и угнетенных».

При этом молодые приверженцы ислама на Северном Кавказе, воспринимающие его как «политическую идеологию» и орудие борьбы за свои социальные интересы, бросают вызов лояльным власти исламским традиционалистам, отвергая их конфессиональную легитимность и право представлять «истинный» ислам. Противоборство идей радикализируется и, обостряясь, приобретает насильственные формы, усиливая и без того немалый конфликтный потенциал на Северном Кавказе. Убийство муфтия Кабардино-Балкарии А. Пшихачева, потрясшее общественность республики, - яркий тому пример. Всего же с 1998 г. экстремисты на Северном Кавказе совершили более 30 покушений на исламских религиозных деятелей в регионе. Было бы грубейшей ошибкой полагать, что акты насилия они совершили в целях поддержки гражданских прав и свобод. Скорее всего, они культивируют таким образом дискриминационную религиозную политику в республиках региона.

Другое обстоятельство, стимулирующее население Северного Кавказа обращать свои взоры к политическому исламу, - крайне проблемные межэтнические отношения в современной Российской Федерации. По мнению многих авторитетных этнологов и социологов, в нынешней России имеет место не «плавильный котел», объединяющий многочисленные этносы, проживающие на ее территории, в единую общероссийскую гражданскую и политическую нацию; наоборот – наблюдается ошеломляющий процесс атомизации и отчуждения между этносами, идентичность которых начинает строиться не на общегражданских ценностях, а на мифах этноцентризма, поисках внутренних и внешних врагов, что бессознательно провоцирует действие менталитета «наши против чужих». Так, среди протестных надписей на

подмосковных заборах по пути следования подмосковных электричек в последние годы доминируют такие агрессивные лозунги с ярко выраженной этнической окраской, как «Россия - для русских» и «Бей хачей!».

Вместе с тем в северокавказских республиках в целом ряде учебных материалов по истории народов Кавказа, предназначенных для школьников и студентов, целенаправленно культивируются националистические идеи, а также антирусское и антироссийское видение исторических сюжетов. Формируется некая параллельная, этноцентричная система образования и воспитания, постепенно вытесняющая общедошкольные учебные программы из сферы гуманитарных дисциплин. Такая идеологическая ригидность заглушает готовность молодежи к позитивным переменам, когда на личном уровне четкая гражданская идентификация ассоциируется с высокой степенью социальной стабильности в обществе и доверием к тем, кто наделен властью.

Изрядную лепту в ухудшение межэтнических отношений в России вносят российские СМИ, зачастую выступающие в роли откровенных провокаторов, формирующих, укрепляющих и транслирующих в массовое сознание отрицательные этнические стереотипы. По мнению некоторых специалистов в области политической коммуникации, «десятилетнее молчание российских СМИ о том, что жители Чечни - граждане России, способствовало укоренению представлений об этой войне как не гражданской, а о самой республике - как о другой стране...». Подобные взгляды, при своем массовом тиражировании, разрушающие не только единство информационного пространства государства, но и его территориальную целостность, были свойственны, к сожалению, и отечественным политикам. По словам одного из экспертов в области СМИ, понятие «кавказцы» имеет двойной смысл: «Денотативный, указывающий на место происхождения, и коннотативный, связанный с изменившимся в 1990-е гг. восприятием Кавказа в массовом сознании, которое подпитывалось давнишними комплексами, генетикой застарелых обид и стереотипов..., а

также повсеместно тиражируемым словосочетанием «лицо кавказской национальности», под которым подразумевается «не наш», «чужак», а часто и неприятель». ⁴

В происходящей, здесь и сейчас, постепенной трансформации этничности северокавказских народов, которая имеет различные формы и векторы развития, все большее место занимает отношение к исламскому фактору и к его роли в истории отдельных народов Северного Кавказа. При этом исламский фактор все заметнее выступает не только в качестве строительного материала для переделки существующих идентичностей, но и для формирования новой суперэтнической идентичности всех исламских народов Северного Кавказа, прямо или косвенно противопоставляя их соседним немусульманским народам. Именно такой инструментарий в сфере этнокультурной инженерии пытаются использовать идеологи самопровозглашенного Имарата Кавказ. В сущности, идеология, образующая их основу, в сочетании с агрессивной и иррациональной формой протеста и есть источник проблем, которые мы наблюдаем на Северном Кавказе. Следует отметить, что в некоторых случаях исламу удалось сыграть ключевую роль в формировании новой этнической идентичности.

Данная тенденция проявилась в ходе опроса, проведенного агентством Medium-Orient в 2013 году среди студенческой молодежи Кабардино-Балкарии. Всего в ходе опроса было опрошено 235 студентов трех высших учебных заведений Кабардино-Балкарии: Кабардино-Балкарского института бизнеса (КБИБ), Кабардино-Балкарского государственного университета (КБГУ) и нальчикского филиала Современной гуманитарной академии (НПЦ ПП НФ СГА). Так, отвечая на вопрос о том, «к какой социальной группе Вы в наибольшей степени себя относите?» (допускались три варианта ответов) подавляющее большинство опрошенных (72%) указало на

⁴ Источник: «Социологическая ретроспектива ислама на Северном Кавказе», Caucasus Times.com. 2011.

этническую общность, членами которой они являются. Для 66% респондентов наибольшую важность имеет их гражданская принадлежность. Почти половина опрошенных студентов (44%) указала в качестве приоритетной для них группы религиозную принадлежность. Только 4% респондентов затруднились с ответом на данный вопрос, что свидетельствует о том, что подавляющее большинство опрошенных обладает уже сформировавшейся и достаточно четкой иерархией идентичностей.⁵

Как справедливо заметил в своей статье «Черкесский мир между национализмом и исламской глобализацией», корреспондент российского правозащитного интернет-издания «Кавказский узел» Антон Кривенюк, для обывателя данные результаты не несут в себе ничего экстраординарного. Однако для экспертного сообщества, знакомого с черкесским вопросом, это - сигнал. Современная Кабардино-Балкария – регион, с которого начинается компактное расселение черкесского культурного массива. Здесь берет свое начало черкесский мир, а Кабарда является сердцем Черкесии, и так сложилось исторически.

История религии черкесов связана с одновременным почитанием языческих, христианских и мусульманских традиций, при этом последние две религиозные системы, как правило, мифологизировались и приобретали определенные черты языческих культов.

Однако под агрессивным влиянием комплекса различных фактов с 1992 года в Кабардино-Балкарию начал проникать обновленческий ислам, который через усиление исламских традиций начал постепенно разваливать традиционный этноцентризм кавказских культур, что мы наблюдаем на примере Кабардино-Балкарии.

⁵ Источник: «Опрос студентов в Нальчике: этничность против российской и религиозной идентичностей», Caucasustimes.com, Prague, 27.04.2013

Сегодня "новые для Кавказа формы ислама" не столь многочисленны, сколько активны, поскольку представлены в основном наиболее пассионарной частью молодежи. Эта молодежь не только пассионарная, но и образованная. У нее растущий интерес к духовности, она заново и с яростным желанием изобретает религию, но уже свою. И здесь на первый план выходит мировоззренческий конфликт между поколениями. Упрощая, можно сказать, что старшее поколение стремится, как это происходит давно, интегрировать нормы ислама в традиционную систему ценностей или широкий спектр социальных отношений, формирующих новую реальность. Или наоборот, интегрировать их в ислам. В течение многих веков это получалось. Новейший пример - Чечня. Это единственная республика, где еще раз удалось воспроизвести симбиоз этнического национализма и традиционного ислама - суфизма. Пока эта конструкция крепка и способствует внутренней самоорганизации. Но законы жизни непреложны и смена поколений неизбежна. Старшие поколения, умеющие искусно соединять совершенно разные ценности, а в себе лично - разные культуры, будут уходить с неумолимостью быстротечного времени. Молодежь же, не перенимая ни эти ценности, ни образ жизни, ни даже уникальную способность старших поколений быть одновременно махровыми националистами и патриотами большой страны, будет искать свой путь познания, активно участвуя в оспаривании каждого аспекта религии. Очевидно, что для выживания в глобальном обществе разных миров, которому не всегда присущ плюрализм, необходимо мирное сотрудничество между людьми, придерживающимися различных религиозных взглядов и культурных стереотипов. Межконфессиональный и межэтнический диалог снижает склонность к предубежденности. В связи с этим актуальность структурной перестройки менталитета северокавказской молодежи в ответ на вызовы современного мира становится бесспорным. Ценности старшего поколения, чуждые для сегодняшнего понимания, упадок традиционной культуры и религии наряду с

неуемной коррумпированностью на Северном Кавказе сформировали в общественном сознании триумф демонстративного потребления, когда главное – нажива и роскошь. Эта потребительская культура – и манит, и раздражает, и это единственное, что связывает кавказскую молодежь со старшими поколениями. И она же начинает вытесняться радикальной исламской традицией в силу отрицания.

При этом, по мнению эксперта из Варшавского университета Ивоны Калишевской, реакционный ислам становится более востребованным у городской молодежи, нежели сельской. «Процесс исламизации молодежи ярче выражен в городе, чем в селе. Для городских понятнее и ближе речь знающего Коран молодого салафита, нежели представителя Духовного управления, ровесника их родителей, ассоциирующегося с властью, а значит с поколением, погрязшем в коррупции. Кроме того, так называемый традиционный ислам не понятен городской молодежи, он ассоциируется с селом, с провинциализмом». По мнению французского кавказоведа, профессора Университета Кан (Нижняя Нормандия) Фредерик Лонге-Маркс (Frédérique Longuet-Marx), на процесс исламизации северокавказской молодежи значительное влияние оказывает советское прошлое. Система запретов, которая затрагивала все сферы жизни советского человека, включая и религию, сегодня определила повышенный интерес общества, особенно молодежи к исламу. При этом, по ее словам процесс глобализация информации оказывает значительное влияние на мировоззренческие устремления молодежи. Особую роль стал играть в этой связи интернет, ставший главным медиатором новых идеологий.⁶

Между тем, хотя глобализация оказывает осязаемое влияние на политические и социо-культурные процессы на Северном Кавказе, влияние таких глобальных идеологических

⁶ Источник: Frédérique Longuet-Marx, интервью для Caucasus Times. 29.12.2011

фабрик, как «Имарат Кавказ» на радикализацию северокавказских обществ не стоит преувеличивать. В гораздо большей степени на процесс радикализации молодежи в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Чечне, Ингушетии и Карачаево-Черкесии воздействуют внутренние проблемы, среди которых базисной является проблема нарушения основных прав и свобод жителей северокавказского региона.

Согласно опросу общественного мнения, проведенному в марте - апреле 2013 года Пражским информационным агентством "Medium Orient" по заказу издания CaucasusTimes.com. в Дагестане, в числе наиболее распространенных случаев нарушения личных прав и свобод человека респонденты назвали «право на защиту жизни граждан со стороны государства» - (48,6%); «право на защиту от незаконных арестов и задержаний» высказали - (26,3%); «право на неприкосновенность имущества» граждан - (10,6%); «право открыто демонстрировать свою религиозную принадлежность» - (8,7%); «право открыто демонстрировать свою национальную принадлежность» - (5,7%). Вместе с тем, - 24,4% затруднилось с ответом на данный вопрос.

По мнению большинства опрошенных (36,9%), из политических прав и свобод человека в наибольшей степени государство нарушает «избирательные права» граждан. Так, 28,2% респондентов считают, что в республике в большей мере нарушается «право граждан на свободное обращение в государственные службы»; 22,5% опрошенных уверены, что государство ограничивает их «право на участие в управлении республикой»; 19,5% опрошенных обеспокоены ограничением свободы слова; 12,7% респондентов полагают, что государство нарушает их «право на свободный доступ к информации». При этом довольно значительная часть опрошенных - (13,4%) затруднилась дать ответ на данный вопрос.

Налицо тугой узел политических, социальных, экономических проблем в республиках Северного Кавказа, необходимость модернизационных процессов в России, неспособность российского руководства системно подойти к

северокавказской проблематике. Все это создает колоссальное различие между сообществами людей, когда вынужденная социальная изоляция или же добровольная самоизоляция влекут за собой агрессию и разделяют Северный Кавказ на параллельные миры. При этом сообщества, живущие по обе стороны «демаркационной линии», все чаще разделяют призывы тех, кто предлагает самые радикальные меры в разрешении насущных проблем жизни.

По мнению российского политолога Сергея Маркедонова, «терроризм сам по себе не может достигать цели, если политические силы, использующие его как инструмент, будут лишены моральной легитимности. А для лишения врагов государства (здесь без всякой иронии) этой легитимности сама держава должна выглядеть достойно. Только в этом случае люди, недовольные властью, пойдут с государством и будут рассматривать его не как меньше зло, а как партнера». Далее Маркедонов предлагает цивилизованное решение для достижения мира для всех: «Для этого терроризм нужно сделать экономически и политически нерациональным. Это возможно только тогда, когда российские граждане, проживающие на Северном Кавказе, ощутят выгоду от поддержки и защиты России. А эта цель принципиально нереализуема только в рамках одного отдельно взятого региона».⁷

Пока же Россия на Северном Кавказе борется с последствиями, при этом, делая основной упор на силу и сворачивание свобод под предлогом борьбы с терроризмом. При таком развитии событий едва ли можно ничего не предпринимать в отношении системных проблем, которые заключаются в высоком уровне коррупции региональных элит и низкой дееспособности государственных институтов. Так, в Ингушетии и Кабардино-Балкарии в ходе смены региональных руководителей российский президент предложил региональным депутатам кандидатуры силовиков. В итоге

⁷ Источник: «Калейдоскоп амиров и социальная реальность» ПРАГА, 20 января, 2014, Caucasus Times

главой Ингушетии стал кадровый военный Юнус - Бек Евкуров, а главой Кабардино-Балкарии стал Юрий Коков, много лет проработавший в системе Министерства внутренних дел России. Общее число жертв вооруженного насилия на Северном Кавказе за последние несколько лет снизилось. Но, увы, увеличилось, к несчастью, число невинных жертв среди гражданского населения, погибших по вине различного рода экстремистов. Более того, северокавказский конфликт за последние несколько лет расширил свои границы, включив в орбиту насилия Татарстан и Волгоградскую область. Яркой иллюстрацией к сказанному являются теракты в Волгограде, имевшие место в 2013 и в начале 2014 года. Представители северокавказских джихадистов, демонстрируя миру агрессивную религиозность - «Я делаю это во имя Всевышнего» - принимают участие в сирийском конфликте на стороне оппозиции.⁸

Сказанное – лишь некоторые единичные представления, иллюстрирующие сложность и многогранность неоднозначного конфликта на Северном Кавказе. Предлагаемая читателю книга полностью посвящена изучению различных аспектов конфликта на Северном Кавказе. Значительная часть издания, состоящего из шести глав, посвящена анализу исламского фактора как источника напряженности на Северном Кавказе.

При этом читателю предлагается рассмотреть факторы напряженности в исторической и современной ретроспективе. Отельный интерес представляют результаты опросов общественного мнения, которые проводились агентством Medium-Orient в разное время. Уникальным источником аналитической информации также является подборка аналитических статей и публицистических материалов ученых и журналистов, сотрудничавших с Medium Orient в рамках проекта www.caucasustimes.com.

⁸ Источник: Террористический вызов и безопасность Северокавказского региона (Сергей Маркедонов) ПРАГА, 20 марта, 2014, Caucasus Times

РАЗДЕЛ 1.

Проблемы безопасности Северного Кавказа

СЕРГЕЙ МАРКЕДОНОВ

Террористический вызов и безопасность Северокавказского региона

В феврале 2014 года на известном черноморском курорте Сочи прошли XXII зимние Олимпийские игры. В канун этого события проблемы безопасности на российском Северном Кавказе были одной из самых острых дискуссионных тем среди журналистов, экспертов и политиков всего мира. Ранее ни одна из Олимпиад не проходила в непосредственной близости к турбулентному региону, переполненному многочисленными угрозами и рисками. Многие обозреватели предсказывали Сочи

судьбу Мюнхена или, как минимум, Атланты⁹. К счастью, неприятных эксцессов в ходе главного спортивного соревнования не произошло.

По завершении Олимпиады украинский политический кризис вытеснил на второй план северокавказскую проблематику. Между тем, игры в Сочи были всего лишь небольшим историческим эпизодом, который сам по себе в отрыве от других контекстов не мог внести кардинальные изменения в северокавказскую динамику. И в нынешних условиях обращение к ней вне привязки к Олимпийским Играм представляется чрезвычайно актуальным. Еще в 1999 году в канун своих первых президентских выборов Владимир Путин говорил: «Моя миссия, моя историческая миссия, - это звучит пафосно, но это правда, - разрешить ситуацию на Северном Кавказе»¹⁰. Если не сегодня, то завтра и внутри России, и за ее пределами будут оценивать то, насколько эффективным оказался российский лидер в выполнении своей стратегической цели.

⁹ Во время летних Олимпийских игр в Мюнхене 4-6 сентября 1972 года членами террористической палестинской организации «Черный сентябрь» был совершен теракт, жертвами которого стали 11 членов израильской олимпийской сборной (4 тренера, 5 участников соревнований и двое судей), а также один западногерманский полицейский.

Во время летней Олимпиады в Атланте 27 июля 1996 года состоялся взрыв в Олимпийском парке. В результате теракта погибли два человека, более ста получили ранения. Обвиняемый во взрывах Эрик Рудольф признал свою вину. Рудольф привел в действие взрывное устройство, упакованное в рюкзак с гвоздями и шурупами.

¹⁰ Цит.по: Геворкян Н., Колесников А., Тимакова Н. От первого лица. Москва. Вагриус. 2000. С. 133. Книга представляет собой собрание бесед журналистов с Владимиром Путиным (на тот момент преемником Бориса Ельцина, премьер-министром правительства РФ и главным фаворитом досрочных президентских выборов).

СЕРГЕЙ МАРКЕДОНОВ

Регион повышенной турбулентности

По итогам 2013 года общее число жертв вооруженного насилия на Северном Кавказе сократилось по сравнению с предыдущим годом на 239 человек или на 19,5%. Но ситуация здесь по-прежнему далека от того, чтобы считаться стабильной и безопасной. Во-первых, на общем фоне снижения числа жертв, увеличились потери среди гражданского населения¹¹. Во-вторых, с 1 января по 30 декабря 2013 года на территории Южного и Северо-Кавказского федеральных округов были совершены 33 террористических акта, 9 из которых были совершены при участии террористов-смертников.

Достаточно сказать, что в «Едином федеральном списке организаций, признанных террористическими Верховным судом Российской Федерации» среди 20 структур 3 связаны с Северным Кавказом (остальные 16 иностранного происхождения, главным образом из стран Ближнего Востока, Афганистана, Пакистана). Это - «Высший военный Маджлисуль-Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа», «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана» и «Эмират Кавказ». Последняя (из трех перечисленных) террористических организаций стала единственной структурой, действующей на российской территории и включенной при этом в «террористические списки» иностранного государства.¹² Что же касается организации «Объединенный Валаят Кабарды, Балкарии и Карачая», то решением Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 09 июля 2010 года она была запрещена за ведение экстремистской деятельности.

¹¹ «Кавказский узел» проанализировал итоги 2013 года на Северном Кавказе: число жертв вооруженного конфликта сократилось // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/237362> 2014 - 31 января.

¹² <http://nac.gov.ru/document/832/edinyi-federalnyi-spisok-organizatsii-priznannykh-terroristicheskimi-verkhovnym-sudom-r.html>

При этом в 2013 году в список террористических структур была внесена и так называемая «Автономная боевая террористическая организация» (АБТО). Участники этой структуры в 2009 – начале 2010 года совершили восемь терактов против сотрудников правоохранительных органов и выходцев из республик Кавказа. Стоит отметить, что решение о включении в него АБТО – первый случай, когда данная мера применяется к праворадикальной, а не к исламистской структуре. Но он также показывает, что в среде крайних русских националистов формируются попытки именно террористического ответа на угрозу, исходящую из Северного Кавказа.

Сегодняшний Северокавказский регион распространяет нестабильность далеко за пределы самого региона. Террористические атаки северокавказских джихадистов имели место на железной дороге (атака поезда Невский экспресс между Москвой и Санкт-Петербургом в 2009 году), Москве (атаки московского метро в 2010 году, аэропорта Домодедово в 2011 году), в Волгограде (взрывы городского автобуса, здания железнодорожного вокзала и троллейбуса в 2013 году). Джихадисты Северного Кавказа также заявляли о распространении своей активности на территорию Поволжского федерального округа.

Весной 2010 году лидер «Эмирата Кавказ» Доку Умаров заявил о готовности «освободить Астрахань и поволжские земли, находящиеся под «оккупацией» «русских кяфинов»». В ноябре 2010 - январе 2011 года сторонники и последователи Умарова опубликовали несколько материалов и создали сайт, посвященный деятельности так называемого «Валаята Идель-Урал» (Волга-Урал), его границам (на сегодняшний день он заблокирован), в котором пообещали бороться за создание «исламского порядка» на «освобожденных» от «неверных» волжско-уральских землях. В последние несколько лет исламистские группы, включая и радикалов, стали в последние

годы намного более значимым фактором в социально-политической жизни Волжско-Уральского региона.¹³

В Татарстане 19 июля 2012 года была совершена двойная террористическая атака против тогдашнего муфтия Духовного управления мусульман республики Илдиса Файзова (был ранен) и известного исламского богослова Валиуллы Якупова (убит). Через три месяца после этого ФСБ РФ заявило о предотвращении теракта в Казани, запланированного в канун празднования мусульманского праздника Курбан Байрам. При этом два человека, подозреваемые в покушении на Файзова и Якупова, были ликвидированы в ходе антитеррористической операции. Все эти акты стали своеобразным сигналом: Северный Кавказ опасен не только внутри себя, он может экспортировать турбулентность далеко за его пределами. При этом лидеры северокавказского подполья не единожды заявляли о своей готовности сорвать проведение Олимпиады в Сочи, подвергнув атаке либо олимпийские объекты, либо гражданские цели в любой точке России. Это делали лидеры т.н. «Джамаата Шариат», также известного, как «Валаят Дагестан» или «Дагестанский фронт» (2007), а также Доку Умаров, лидер самой крупной северокавказской террористической сети «Эмират Кавказ» (июль 2013).

Безопасность Северного Кавказа имеет помимо регионального и общероссийского измерения международное значение. В этой связи отнюдь не случайно, что Госдепартамент США 26 мая 2011 года обозначил «Эмират Кавказ» в качестве угрозы не только для национальных интересов РФ, но и Соединенных Штатов¹⁴. За год до этого лидер «Эмирата» Доку Умаров был

¹³ См. подробнее нашу работу: Sergey Markedonov, "The Rise of Radical and Nonofficial Islamic Groups in Russia's Volga region". Report. Center for International and Strategic Studies. Washington, D.C. 2013. January

¹⁴ U.S. Department of State, Office of the Spokesman. Designation of the Caucasus Emirate. Media Note. Washington, DC, May 26, 2011 // <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/05/164312.htm>

включен в персональные списки террористов, чья деятельность представляет собой угрозу американским интересам.

Самая крупная террористическая атака на территории США после 11 сентября 2001 года, произошедшая во время марафона в Бостоне, принесла всемирную негативную известность двум братьев аварско-чеченского происхождения Тамерлану (1986-2013) и Джохару Царнаевым. При этом старший из них Тамерлан (был убит в результате операции по поимке предполагаемых террористов) допрашивался ФБР по поводу возможных связей с северокавказским подпольем (2011). В 2012 году он в течение полугода пребывал на территории Российского Северного Кавказа, где, скорее всего, имел связи с представителями кавказских джихадистов¹⁵.

И хотя последнее слово в этом процессе будет сказано судом присяжных, дискуссия вокруг «дела Царнаевых» заставила официальный Вашингтон не только минимизировать критику в отношении к российским действиям на Северном Кавказе, но и интенсифицировать кооперацию по обеспечению безопасности игр в Олимпийском Сочи. В июне 2013 года президенты США и РФ Барак Обама и Владимир Путин заявили о наличии общего интереса к кооперации по вопросам безопасности, а в ноябре Мэттью Олсен, Директор Национального контртеррористического центра США подтвердил, что уровень сотрудничества спецслужб двух стран в преддверии зимней Олимпиады значительно улучшился¹⁶.

U.S. Department of State, Office of the Coordinator for Counterterrorism. Designation of Caucasus Emirates Leader Doku Umarov. Washington, DC, June 23, 2010, <http://www.state.gov/s/ct/rls/other/des/143564.htm>.

Подробнее о мотивах американской стороны см. нашу работу: Markedonov S. Caucasus Cauldron //Journal of International Security Affairs. – 2010. - № 19 (Fall).. Pp. 123-128.

¹⁵ Дагестанский след Тамерлана Царнаева // http://www.youtube.com/watch?v=y31Vn1_76g4 2013, 22 апреля

¹⁶ Обама пообещал помочь обеспечить безопасность Олимпиады в Сочи // <http://lenta.ru/news/2013/06/18/summit> 2013, 18 июня.

Северный Кавказ оказался «засвеченным» и во время эскалации украинского кризиса. Российские СМИ сообщали о том, что лидер праворадикальной националистической организации «Правый сектор» (ПС) Дмитрий Ярош, якобы, обращался за помощью к лидеру «Эмирата Кавказ» Доку Умарову с просьбой о поддержке киевского «Майдана» и тех, кто участвовал в свержении президента Украины Виктора Януковича. Однако эта информация была опровергнута пресс-секретарем ПС. Тем не менее, среди членов ПС есть те, кто отметился участием в боевых действиях в Чечне (наиболее известным среди таковых был куратор «Сектора» на Западной Украине Александр Музычко, убитый 25 марта 2014 года в ходе столкновения с силами украинского МВД.¹⁷

Одним из центральных вопросов сегодняшней международной повестки дня является положение дел на Ближнем Востоке в целом, и в первую очередь в Сирии. И хотя Москва и Вашингтон достигли компромисса относительно утилизации запасов химического оружия, имеющегося у сирийского правительства Башара Асада, сирийский гражданский конфликт продолжается. И российское руководство чрезвычайно обеспокоено вовлеченностью выходцев из республик Северного Кавказа в ближневосточное противостояние. Этот сюжет является одним из факторов, определяющих отношение Москвы к сирийскому конфликту. Так, в сентябре 2013 года первый заместитель директора ФСБ РФ Сергей Смирнов заявил, что порядка 300-400 граждан России принимают участие в конфликте на стороне противников президента Башара Асада. При этом одной из наиболее многочисленных иностранных групп, вовлеченных в конфликт, была «Катаиб аль-Мухаджирин». Ее возглавлял этнический чеченец Омар аль-Шушани (он, вероятно, был убит

Timothy M. Phelps, "Official say terrorist threat on U.S. soil is declining" // <http://www.latimes.com/world/worldnow/la-fg-wn-us-terrorist-threat-declines-20131114,0,2603061.story#ixzz2lg747aLX> November, 14, 2013

¹⁷ Токарев А. Правый сектор украинской политики

<http://www.foreignpolicy.ru/analyses/ukraine-geroyam-ne-dostalos-nichego>

в сентябре нынешнего года). Согласно информации информационного агентства Reuters (февраль 2013 года), 17 выходцев из Чечни были убиты в столкновении у города Алеппо. В середине июля 2013 года информацию об участии этнических чеченцев в событиях в Сирии подтвердило руководство Чеченской республики. В своем сентябрьском выступлении Сергей Смирнов особо подчеркивал, что выходцы из Северного Кавказа могут вернуться на родину и принести с собой новую дестабилизацию¹⁸. Таким образом, от качественного реагирования на имеющиеся вызовы во многом зависит не только безопасность России, но и положение дел в сопредельных странах и территориях (Черноморский регион, Ближний Восток).

¹⁸ См. детализированные обзоры: Emil Souleimanov, “North Caucasian Fighters Join Syrian Civil War” <http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/12794-north-caucasian-fighters-join-syrian-civil-war.html> August, 27, 2013

Alissa De Carbonel, “Insight - Russia fears return of fighters waging jihad in Syria” // <http://uk.reuters.com/article/2013/11/14/uk-russia-caucasus-syria-insight-idUKBRE9AD06820131114> November, 14, 2013

Трансформация «чеченского конфликта»

В 2000-х годах на Северном Кавказе принципиально изменился характер угроз. Во-первых, вопрос о выходе Чечни из состава РФ на сегодня перестал быть актуальным. Геополитическая угроза российскому единству более не зарифмована с чеченским национально-сепаратистским проектом. Чечня – это единственная из непризнанных республик (breakaway republics), отколовшихся от новых независимых постсоветских государств, которая была возвращена под контроль центральных властей. И не просто была возвращена, а превращена в витрину образцовой лояльности центру. Глава Чечни Рамзан Кадыров публично называл себя «пехотинцем Путина». Его усилиями в республике стал насаждаться культ российского лидера (повсеместно размещаются его портреты, а его именем называют школы и улицы). При этом результаты голосований на парламентских выборах за правящую партию «Единая Россия» и на президентских кампаниях за действующего президента РФ являются традиционно одними из самых высоких показателей по России в целом. Как правило, они превышают 90% и стремятся к стопроцентной отметке.

Республика под началом сначала Ахмада, а потом его сына Рамзана Кадырова (действующего главы Чечни) стала важным политическим символом для Владимира Путина, пришедшего к власти под лозунгами замирения Кавказа и борьбы с терроризмом. И политическая стабильность ставится в заслугу Кадырову, как федеральной властью, так и экспертным сообществом. В 2009 году в Чечне был отменен режим КТО (контртеррористической операции) республиканского значения. Этот режим в Чечне был введен 23 сентября 1999 года указом Президента РФ Бориса Ельцина «О создании Объединенной группировки войск на Северном Кавказе и о

подготовке контртеррористической операции на территории Чечни»¹⁹.

В 2009 году в столице республики Грозном был открыт международный аэропорт (первый рейс в Саудовскую Аравию состоялся 16 ноября 2009 года). Защитники сепаратистского проекта либо физически ликвидированы (Аслан Масхадов, Шамиль Басаев), находятся в эмиграции (Ахмед Закаев), либо перешли на службу к Рамзану Кадырову (Магомед Хамбиев). Количество террористических атак, несмотря на то, что они по-прежнему сохраняют свою актуальность, уменьшается. В 2012 году от них пострадало 174 человека (82 убитых), что незначительно меньше, чем за 2011 год (186 жертв, 92 убитых). Для сравнения, в соседнем Дагестане в 2012 году жертвами терактов стали 695 человек (405 убитых). В 2013 году жертвами в Чечне стали не менее 101 человека, 39 из них убиты и 62 ранены²⁰.

Осенью 2011 года было объявлено, что Кадыров окончательно искоренил кровную месть – вековой институт, побороть который не удалось ни царской, ни советской власти. За год Кадыров примирил 450 семей, и уже распустил созданную им за год специальную комиссию по примирению за ненадобностью. Благодаря масштабным федеральным

¹⁹ На сегодняшний день полный текст указа недоступен. В «открытой» части указа не было дано ни четкого определения режима КТО, ни его регламентации, ни географических рамок операции, хотя к этому времени северокавказский кризис уже перешагнул административные границы собственно Чеченской республики. В тексте указа не было ни единого слова о проведении войсковых операций с применением авиации, танков, артиллерии. Понятие «правовой режим КТО» фактически было введено «задним числом». Оно появилось только в федеральном законе 2006 года «О противодействии терроризму» (статьи 11-17, статьи 9-10 регламентировали использование вооруженных сил в антитеррористических мероприятиях внутри и за пределами РФ).

²⁰ Кавказский узел» проанализировал итоги 2013 года на Северном Кавказе: число жертв вооруженного конфликта сократилось // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/237362> 2014 - 31 января.

трансфертам республика стала региональным инвестиционным лидером. В последние годы оттуда регулярно поступали сообщения не только о восстановительных работах, но и об открытии масштабных объектов (мечеть в столице республики Грозном считается самой крупной в Европе, комплекс небоскребов «Грозный-сити», аквапарк). Приглашение известных «звезд» шоу-бизнеса, кино и спорта (Жерар Депардьё, Майк Тайсон, Ксения Собчак, Филипп Киркоров и многие другие) стало частью пиара республиканской власти.

Однако у этой блестящей стороны есть обратная медаль. Прежде всего, следует вести речь о «цене вопроса» инкорпорирования Чечни в состав России. Модель «чеченизации» предполагает, что в республике де-факто устанавливается особый политический режим. На ее территории законы Российской Федерации действуют далеко не в полном объеме (фактически игнорируется конституционный принцип отделения религии от государства и от образования, гендерное равенство). Более того, федеральные власти (суды, прокуратура и воинские части на территории Чечни) могут выполнять свои прямые функции лишь в определенной степени. Сегодня правоохранительные органы Чечни де-факто подчинены главе республики. Рамзан Кадыров - единственный из лидеров республик, кто контролирует силовые структуры на своей территории. Сама же республиканская власть фактически проводит кампании по борьбе с радикальным подпольем. При этом благодаря «эффекту Кадырова», группы боевиков просто передислоцируются в другие республики Северного Кавказа (Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария) и за пределы России. В Чечне также существует определенная категория преступлений, которые не могут расследовать находящиеся в Чечне российские следственные органы (убийства, похищения людей), а наказания уроженцы республики проходят только в исправительных учреждениях на территории Чечни (в случае их задержания за пределами республики их должны доставить этапом на их историческую родину). Чеченские призывники не

проходят действительную военную службу за ее пределами в других субъектах РФ. Сам призыв фактически охватывает лишь небольшой круг призывной молодежи (в 2012 году в армию были призваны только 150 юношей из Чечни).

При этом глава Чеченской республики претендует на роль главного политика на всем Северном Кавказе. В 2012 году Рамзан Кадыров интенсифицировал территориальные претензии к соседней Ингушетии (Сунженский район), что выразилось в принятии поправок в закон о данном муниципальном образовании республики²¹. В феврале 2013 года эти поправки вступили в силу. Согласно им в состав Сунженского района Чечни оказались включенными ряд населенных пунктов Ингушетии. Данный шаг вызвал негативную реакцию ингушских властей. И хотя в дальнейшем территориальный спор не получил своего развития, проблема в двусторонних отношениях между соседними республиками сохраняется.

²¹ Спор о границах между Чечней и Ингушетией обозначился в ноябре 1991 года, когда единая Чечено-Ингушская АССР разделилась. В начале 1992 г. граница между двумя республиками условно прошла по административным рубежам районов бывшей Чечено-Ингушской АССР. После выделения Чечни из единой автономии к ней отошли 11 районов (83% территории ЧИАССР), к Ингушетии – 3 района. Четвертый Джейрахский район в составе Ингушетии (ее южная часть) был образован уже в октябре 1993 года. И части территорий Малгобекского и Сунженского районов с тех пор являются спорными. При этом претензии на них обозначали, как лидеры чеченских сепаратистов, так и пророссийские власти Чечни.

СЕРГЕЙ МАРКЕДОНОВ

От национализма к политическому исламу

Во-вторых, конфликты 1990-х годов развивались преимущественно вокруг этнополитических сюжетов (суверенизация, взаимоотношения республик с федеральным центром и друг с другом). Однако, начиная с 2000-х годов, значительно возросло значение ислама в северокавказской политике. На первое место вышли конфликты на религиозной основе. Это расширило географию конфликтов, выведя их далеко за рамки формата «Федеральный Центр - Чечня». Центр террористической и диверсионной активности, начиная с 2005 года, переместился из Чечни в Дагестан. В 2011 году в результате вооруженного насилия в Дагестане погибли 413 человек и 411 получили ранения. В 2012 году в этой республике погибло 405 человек, 290 были ранены. Несмотря на незначительное снижение количества инцидентов, Дагестан продолжают сотрясать резонансные убийства. Так в августе 2012 года в результате теракта был убит известный суфийский шейх Саид-Афанди аль Чиркави (или Чиркейского),²² а в январе 2013 года произошло убийство судьи республиканского Верховного суда Магомеда Магомедова (в свое время он выносил приговор по громкому теракту во время военного парада в Каспийске 9 мая 2002 года).

По сравнению с предшествующим периодом повысился уровень нестабильности в Ингушетии и в западной части российского Кавказа. В первую очередь, речь идет о

²² Саид-Афанди не занимал официальных постов в республиканской администрации или в депутатском корпусе. Однако его неформальное влияние на социально-политические процессы в республике было велико. Погибший был влиятельным духовным наставником (улазом), а среди его учеников и последователей были представители дагестанского истеблишмента и Духовного управления мусульман республики, которое в постсоветский период превратилось фактически в министерство по исламу.

Кабардино-Балкарии (КБР), которую в 1990-х годах называли «спящей красавицей Северного Кавказа». В 2009 году увидело свет исследование известного российского кавказоведа Константина Казенина под названием «"Тихие" конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия». Опытный журналист и политолог, имеющий за плечами солидный опыт полевой работы, противопоставлял относительно стабильные образования западной части российского Кавказа (с «тихими конфликтами») беспокойным образованиям на востоке региона (Чечне, Дагестану, Ингушетии): «Ситуация в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии лишь в редкие моменты достигала того накала, который стал уже привычным для восточных соседей этих республик, а Адыгея и вовсе счастливо избежала в постсоветское время каких-либо грозowych событий. Однако во всех западных республиках Северного Кавказа в последние годы происходили весьма непростые процессы, и не раз приходилось слышать прогнозы, что имеющиеся там внутренние противоречия могут вырваться наружу и вызвать серьезные социальные катаклизмы».²³ И тогда подобный подход, наверное, разделили бы многие профессиональные кавказоведы, несмотря на то, что в октябре 2005 года при нападении боевиков на Нальчик эти «серьезные катаклизмы», упомянутые Казениным, уже вырывались наружу²⁴.

Однако сегодня назвать события, происходящие в Кабардино-Балкарии (КБР), «тихими конфликтами» язык не повернется. Террористическая атака на Нальчик 2005 года была

²³ Казенин К.И. «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. М.: REGNUM, 2009. С.5.

²⁴ Речь идет о нападении групп радикальных исламистов (общей численностью до 150 человек) на Нальчик 13 октября 2005 года. По официальным данным, в ходе боев 13—14 октября погибли: 97 боевиков, 35 сотрудников правоохранительных органов и 14 мирных граждан. Впоследствии по подозрению в причастности к нападению были задержаны около двух тысяч человек. Из них 71 было предъявлено обвинение. После завершения следственных действий перед судом предстало 58 человек.

событием из ряда вон выходящим. Она воспринималась, скорее, как политическая сенсация. В последние три года сообщения о терактах, взрывах и нападениях из КБР стали привычным явлением. Кабардино-Балкария все больше напоминает Дагестан, Ингушетию и Чеченскую Республику. В 2010 году Ингушетия, а в 2011 году Кабардино-Балкария даже обходили Чечню по количеству террористических инцидентов. В Ингушетии локальные режимы КТО вводились в 2010 году 7 раз, а количество жертв терактов и диверсий составило 326 человек (134 из них погибли). В Кабардино-Балкарии в 2010 году случилось 48 взрывов, 21 обстрел и 14 покушений на сотрудников правоохранительных структур и спецслужб. Жертвами вооруженного насилия стали 161 человек (79 были убиты). За этот же период локальные режимы контртеррористической операции вводились в КБР дважды. При этом операция в Тырнаузе продолжалась 2 месяца (с 20 октября по 25 декабря). В 2010 году в результате терактов были убиты муфтий КБР (известный своими непримиримыми взглядами в отношении к радикальным исламистам) Анас Пшихачев, а также известный этнограф, один из ярких лидеров кабардинского движения Аслан Ципинов. В первом полугодии 2011 году КБР вообще вышла на второе место по количеству террористических инцидентов после Дагестана, а в сентябре того же года перешла на третью позицию. Жертвами вооруженного насилия стали 173 человека (129 убитых). Ситуация в КБР несколько улучшилась в 2012 году (жертвами стали 156 человек при 105 убитых), а в 2013 году тенденция сохраняется (погибли 92 человека и не менее 31 человека получили ранения). В Ингушетии в 2011-2013 гг. пострадали соответственно 108, 167 и 94 человека при 70, 84 и 36 убитых²⁵. Однако говорить о кардинальных изменениях в лучшую сторону по-прежнему не представляется возможным.

²⁵ «Кавказский узел» проанализировал итоги 2013 года на Северном Кавказе: число жертв вооруженного конфликта сократилось // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/237362> 2014 - 31 января.

Многие западные эксперты видят причину такого поворота в политике президента РФ Владимира Путина по централизации власти и управления в стране, репрессивной политике Москвы, а также деградации российского федерализма²⁶. Но данная оценка выглядит, как упрощение. Напряженность в отношениях между представителями суфийского («традиционного») и салафитского ислама была отмечена еще в 1994-1995 гг., когда Владимир Путин еще не занимал постов на федеральном уровне власти²⁷. Имели место и другие конфликты между представителями Духовных управлений мусульман, поддерживаемых светской властью и их оппонентами.

И хотя чеченское сепаратистское движение 1990-х годов не было связано с салафитами, оно использовало ислам, как инструмент для политической легитимации (в 1995 году был объявлен джихад России, начавшей незадолго до этого операцию по восстановлению юрисдикции над территорией отколовшейся республики). Заметим также, что укрепление позиций неофициального ислама и радикального исламизма в последние годы происходит и в Волжско-Уральском регионе, который долгое время рассматривался, как пример для выстраивания конструктивного диалога между представителями различных религий, а также между центром и

²⁶ Zeyno Baran, Frederick Starr, Svante Cornell, "Islamic Radicalism in Central Asia and the Caucasus: Implications for the EU" //Central Asia-Caucasus Institute. Silk Road Studies Program. Silk Road Paper. 2006. July.

²⁷ Суфии (от арабского «суф»-шерсть) - мистическое учение в исламе. На Северном Кавказе распространены три суфийских братства (тариката) – Накшбандийа, Кадирийа и Шазилийа.

Салафия (от арабского «салафа» - «изначальное») - направление в исламе, последователи которого выступают против «новшеств» (того, что они считают заимствованиями из других религий) и рассматривают себя в качестве поборников первоначального ислама (его фундамента). В российской публицистике их идентифицируют, как «ваххабитов». Сами салафиты рассматривают термин «ваххабит» как ругательное прозвище или политический ярлык.

регионами. В отличие от Дагестана и Чечни на территории Татарстана или Башкирии не проводилось масштабных военных действий, не создавалось непризнанных республик. Там разрабатывались прогрессивные формы мирного сотрудничества, поддерживающие отношения между людьми различных религиозных взглядов. «Татарстанский вариант» договорной федерации рассматривался в качестве возможной модели для урегулирования этнополитических конфликтов руководством Азербайджана (армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха) и Грузии (разрешение конфликта в Абхазии). Однако сегодня и российское Поволжье демонстрирует немало признаков нестабильности и конфликтности именно на религиозной основе.

Для превращения политического ислама в ведущий дискурс на Кавказе были свои причины, не связанные с той или иной конкретной личностью. Прежде всего, следует отметить разочарование населения в светском национализме. Под этими лозунгами в начале 1990-х годов многие политики пришли во власть, однако оказались не в состоянии разрешить проблемы, стоящие перед северокавказскими республиками. При этом многие из них оказались вовлечены в процесс приватизации власти и собственности в узкогрупповых интересах. Сыграл свою роль и провал государственного проекта «Чеченская Республика Ичкерия», резко противопоставивший чеченцев всему Кавказу и явивший миру непомерную цену амбиций сепаратистских лидеров. В ходе двух военных кампаний непризнанной республики против российской армии и частей внутренних войск наиболее боеспособными оказались джихадисты, взгляды которых стали разделять и те полевые командиры, которые изначально не были ориентированы на эти воззрения (самый яркий пример - Шамиль Басаев). Кроме этого рост популярности исламских норм в отдельных населенных пунктах в других северокавказских республиках связан не столько с усилиями местных или иностранных проповедников, сколько с распадом светских систем регулирования различных сфер жизни. В этом контексте следует особенно отметить

земельный дефицит и продолжающуюся урбанизацию. Сельские населенные пункты пустеют из-за того, что больше нет работы. Привычные этнические ареалы размываются, а принципы частной собственности вступают в противоречия с представлениями о собственности этнической, когда представители «своего народа» могут иметь преференции при доступе к имущественным и властным ресурсам на той или иной территории. И все это происходит на фоне недостаточно эффективной судебной и управленческой системы. Отсюда и апелляция к мечети, шейхам или салафитским группам, как к возможным арбитрам. В итоге такая «конкуренция юрисдикций» ведет и к конфликтам, и к насилию, ибо есть проблемы с признанием того или иного религиозного авторитета единственно легитимным.

У процесса «исламизации» на Кавказе есть свои границы. Укрепление религиозных начал неравномерно и географически (религиозное возрождение развивается намного успешнее в Дагестане и намного менее заметно в Карачаево-Черкесии, не говоря уже о Северной Осетии, где доминируют православные христиане). При этом религиозная «палитра» Северного Кавказа не сводима только к противостоянию между «традиционалистами» (суфиями) и салафитами (которых в СМИ называют ваххабитами). В общественно-политических процессах присутствуют и представители «неофициального ислама», то есть мусульмане, отрицающие террористические методы борьбы, но в то же время и не подчиняющиеся юрисдикции Духовных управлений мусульман республик. И в этих различных конфликтных полях исламский фактор используется по-разному и с разной мотивацией. Конечно, среди сторонников салафитов есть люди убежденные, искренне считающие необходимым вернуться к первоизданной вере, очищенной от кавказских «искажений». В том числе и с помощью терроризма. Но есть и те, кто с помощью привлекательных лозунгов социальной справедливости и защиты чистоты веры пытается установить контроль над не менее привлекательными и прибыльными отраслями бизнеса.

Однако при этом было бы серьезной ошибкой представлять дело так, что представители «традиционного ислама» только и делают, что продвигают государственные интересы России. На самом деле, салафиты в значительной степени оказались втянуты в вооруженное противостояние и экстремистскую деятельность. Но и представители официального духовенства сыграли немалую роль в исламизации республик на повседневном уровне. Это видно и на примере Чечни, где суфийская традиция стала частью национального проекта, основанного на идее «особого пути» и укреплении региональной замкнутости на практике. Это же относится и к Дагестану, где республиканское Духовное управление в значительной степени способствовало минимизации светских принципов и сращиванию этой «официальной исламской структуры» с государственным аппаратом республики. Во время вторжения Шамиля Басаева и Хаттаба в Дагестан в 1999 году и впоследствии, во время замирения Чечни в начале 2000-х годов, «традиционалисты» оказали неоценимую помощь Москве. Но у всякого сложного вопроса есть много разных измерений. И помощь, которая была оказана РФ тогда, привела к фактическому сосредоточению всей религиозной политики в рамках Духовных управлений. Со всеми известными плюсами и минусами от такой концентрации.

Российские власти не раз пытались противопоставить развитию салафитского ислама на Кавказе поддержку официальных структур (Духовных управлений мусульман). Но уже давно отчетливо видно, что сейчас они не могут должным образом конкурировать с нетрадиционными и радикальными версиями исламской религии. В 1999 году под мощным давлением суфийского лобби был принят закон «О запрете ваххабизма и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан». Однако он не принес должного эффекта.

Причиной этого является то, что сам «традиционный ислам» находится в серьезном кризисе: он расколот, в значительной степени слился с властью и, как следствие, подвержен тем же порокам, что и она (например, присваивание

общественных денег и роскошь на фоне нищенского положения паствы). В его современном виде, «традиционный ислам» служит, скорее, интересам мулл, имамов и местной администрации, а не интересам рядовых верующих. В понимании немалой части кавказцев-мусульман «традиционный ислам» является продолжением власти и это еще больше отталкивает от него значительную массу народа. В особенности недовольство официальными Духовными управлениями проявляет молодежь (в северокавказских условиях это крайне важно, ибо в Дагестане молодые люди от 18 до 30 лет составляют 33% от всего населения). Сегодня на Северном Кавказе принадлежность к салафитскому исламу среди молодежи стала уже элементом моды. Само это течение превратилось в своеобразную квази-идеологию определенной части кавказской молодежной среды. Популярность салафитских взглядов определила еще одно связанное с ним явление – под сторонников радикального ислама стали мимикрировать многие откровенно бандитские группировки, прикрывающие свои дела исламом, но на самом деле далекие от религии вообще. Это приводит к тому, что, по мнению специалистов, определенная часть преступлений, относимых СМИ и общественным мнением на счет салафитов, на самом деле совершаются именно такими людьми из криминальных побуждений.

Существует разное отношение к попыткам интеграции салафитов в российский социум путем переговоров и непрямого воздействия. Самым ярким примером такой политики стал дагестанский проект, активно осуществляемый в период президентства Магомедсалама Магомедова (2010-2013). 15 декабря 2010 года в Махачкале прошел Съезд народов Дагестана, на котором прозвучали призывы подвергнуть коррекции республиканское законодательство по религиозным вопросам. Прежде всего, речь шла о региональном законе «О запрете ваххабизма и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» (1999). На тот момент Постпред республики при президенте РФ Гаджи Махачев (в

настоящее время заместитель Председателя дагестанского правительства) заявлял, что данный документ противоречит российскому законодательству: «Раз мы находимся в составе России, надо отменить закон»²⁸. Затем весной 2011 года были предприняты попытки организации диалога между различными направлениями ислама, а в ноябре того же года была создана Комиссия по адаптации боевиков и экстремистов, решившихся перейти к мирной жизни. Указом № 264 президента Дагестана от 2 ноября 2011 года Аббас Кебедов, лидер религиозного движения «Ахлю-сунна-ва-Джамаа», которое в прессе называют «мирными исламистами», был включен состав Комиссии для содействия в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить террористическую и экстремистскую деятельность на территории республики. В апреле 2012 года представители суфиев и салафитов достигли первой компромиссной публичной договоренности. Однако переговорный процесс вошел в состояние «застоя» после трагического убийства влиятельного суфийского шейха Саида-Афанди Чиркейского. Как бы то ни было, а по итогам 2012 года уровень политического насилия в Дагестане (теракты, диверсии, нападения) снизился по сравнению с 2011 годом, хотя и сегодня он остается стабильно высоким, большим по сравнению с другими республиками региона.

Аналогичные попытки были предприняты и в Ингушетии. 9 сентября 2011 года ее глава Юнус-бек Евкуров создал Комиссию по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить террористическую и экстремистскую деятельность на территории республики. 20 октября 2012 года Юнус-Бек Евкуров призвал членов вооруженного подполья явиться с повинной. Он пообещал «каждому, кто придет с миром и сдастся, обеспечить все условия и защитить его права». Для тех, кто хочет воспользоваться предложением, он даже оставил в своем блоге

²⁸ Цит.по: Ищенко С., Полунин А. Дагестан: Ваххабиты больше не враги народа // <http://svpressa.ru/all/article/35701/> 2010, 16 декабря

мобильный телефон для связи с ним. До июня 2013 года под гарантии республиканского руководства сдались около 45 человек²⁹.

Однако после убийства в результате террористической атаки Ахмеда Котиева, Секретаря Совбеза Ингушетии, куратора Комиссии по адаптации к мирной жизни (27 августа 2013 года), риторика Юнус-бека Евкурова заметно изменилась. Он, в частности, выступил с инициативой сноса домов людей, укрывавших боевиков или оказывавших им содействие.

²⁹ Котиев: в Ингушетии Мусса Полонкоев оставил ряды боевиков и вернулся к мирной жизни // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/225713/> 2013, 15 июня.

Джихад: северокавказская версия

В последнее десятилетие наряду с дискуссиями о роли и формах ислама и процессов религиозного возрождения идеи и практики джихада в северокавказском контексте заметно расширились. Вехами на этом пути стали трагедия в Беслане (сентябрь 2004)³⁰, нападение боевиков на Нальчик (октябрь 2005). В мае 2005 года была предпринята серьезная попытка координации различных террористических организаций на общекавказском уровне. Был создан так называемый «Кавказский фронт», включивший в себя т.н. «Дагестанский сектор» («джамаат Шариат», «Дербентский джамаат»), «Ингушский сектор» («джамаат Галгайче»), «Кабардино-балкарский сектор» («Кабардино-Балкарский джамаат»), «Ставропольский сектор» (так называемый «Ногайский батальон»), «Карачаево-Черкесский сектор» («Карачаевский джамаат»). Создание фронта провозгласил т.н. «президент Чеченской Республики Ичкерия» Абдул-Халим Садулаев (1966-2007). Садулаев был последним из лидеров «ичкерийцев», кто пытался соединить линию радикальных исламистов с линией сепаратистов. Какое-то время ему это удавалось. Однако исламистское начало постепенно взяло верх. В 2006 году командующим «Кавказским фронтом» стал этнический ингуш Али Тазиев (известный так же, как Ахмед Евлоев или «амир Магас»)³¹.

Однако после гибели Садулаева последний ичкерийский «президент» Доку Умаров продолжил идеологический дрейф в сторону исламизма. 23 июня 2006 года он заявил, что для борьбы против «колонизации Кавказа» он намерен создать несколько «фронтов». 6 июля он подписал «указ» о создании

³⁰ В течение трех дней террористы удерживали 1100 заложников (главным образом учеников, их родителей и учителей школы). В результате теракта погибло 334 человека (включая и 186 детей в возрасте от 1 до 17 лет).

³¹ Тазиев был захвачен спецназом ФСБ 9 июня 2010 года.

«Уральского и Поволжского фронтов». Оговоримся сразу. Все эти террористические ячейки, называющие себя «фронтами», «секторами» и т.п. в действительности осуществляли свои операции не в соответствии с принципами единоначалия. «Кавказский фронт» (забегая вперед, скажем, что и «Эмират Кавказ») – сетевая структура, части которой объединены неким общим набором идеологических представлений. При этом конкретные операции могли проводиться в соответствии с местной «повесткой дня», а не неким стратегическим планом, присылаемым «сверху».

На посту «президента» Чеченской Республики Ичкерия Умаров также прославился тем, что присвоил звание «генералиссимус» «террористу номер один» Шамилю Басаеву. В октябре 2007 года чеченский полевой командир, он самый, заявил о ликвидации т.н. «Чеченской Республики Ичкерия», превращении ее в один из «валаятов» и объявил о создании так называемого «Эмирата Кавказ» с введением шариатского правления на его территории. В Декларации о провозглашении «Кавказского Эмирата» его лидер «объявил вне закона... названия, которыми неверные разделяют мусульман... этнические, территориально-колониальные зоны под названием “Северокавказские республики”»³².

В июле 2008 года в прошлом один из идеологов чеченского сепаратизма, на тот момент глава так называемой «службы информации Эмирата Кавказ» (отстраненный от этой должности летом 2010 года) Мовлади Удугов заявил: «У этого исламского государства пока отсутствуют границы. Говорить о том, что мы хотим сегодня на территории этих нескольких республик Северного Кавказа построить какой-то анклав, неправильно. Нет, сегодня многие мусульмане, проживающие в Татарстане, Башкортостане, Бурятии, русские, принявшие

³² Цит.по: The Statement by Amir Dokka Umarov about the Declaration of the Caucasus Emirate (07.10.2007) //http://caucasus.wordpress.com/2007/12/02/the-statement-by-amir-dokka-umarov-about-the-declaration-of-the-caucasus-emirate-07102007/.

ислам, из самых разных регионов России, приносят присягу Доку (Умарову- *Авт.*) как законному руководителю мусульман»³³. Таким образом, исламизация Северного Кавказа для идеологов «Эмирата» виделась и видится сегодня только как предварительная цель. С этого времени язык антироссийского движения на Кавказе перестал строиться вокруг сепаратистских символов и лозунгов. Появились новые символы антироссийской борьбы на Северном Кавказе. Вряд ли такие люди, как Саид Бурятский (1982-2010 гг., Александр Тихомиров, по отцу - бурят, по матери - русский), Виктор Двораковский (род. в 1987 году, этнический русский из Махачкалы, приговоренный в 2012 году за свою деятельность к 23 годам колонии), Виталий Раздобудько (1978-2011гг., этнический русский, ставропольчанин) могли бы вдохновлять на борьбу защитников светского националистического проекта. На первое место вышли цели создания исламского государства (чьи границы в перспективе могут и не ограничиваться Северным Кавказом) и участия в глобальном джихаде против всех «врагов ислама» (включая не только Россию, но и США, Европу, Израиль).

«Мы неотъемлемая часть исламской Уммы. Меня огорчает позиция тех мусульман, которые объявляют врагами только тех кафилов, которые на них напали непосредственно. При этом ищут поддержки и сочувствия у других кафилов, забывая, что все неверные — это одна нация. Сегодня в Афганистане, Ираке, Сомали, Палестине сражаются наши братья. Все кто напал на мусульман, где бы они не находились — наши враги, общие. Наш враг не только Русня, но и Америка, Англия, Израиль, все кто ведут войну против Ислама и мусульман», - заявлял Умаров³⁴.

³³ Цит. по: Мы взяли в руки оружие, чтобы установить законы (интервью с Мовлади Удуговым, ч. 2) // <http://www.watchdog.cz/?show=000000-000015-000006-000042&lang=2>.

³⁴ Цит. по: Smirnov A. Is the Caucasian Emirate a Threat to the Western World? //

Политический язык, используемый умаровцами, также принципиально отличается от языка сепаратистов. На их главном Интернет-ресурсе «Кавказ-центр» в материалах проводится последовательная антироссийская, антиамериканская и антиевропейская пропаганда. Так, например, войска США и Великобритании в Афганистане называются «оккупантами», «врагами»³⁵.

Сами сторонники «Эмирата» называют себя не «освободителями Чечни», а «моджахедами». Свою борьбу они называют кампанией против «кяфилов» (неверных) и «мунафиков» (ложных мусульман). При этом «Эмират» повел последовательную борьбу против «этнонационалистического прошлого». В августе 2009 года умаровцы приговорили к смерти одного из эмиссаров Чеченской Республики Ичкерия Ахмеда Закаева (проживающего в Великобритании и остающегося верным идеалам начала 90-х годов). По мнению Умарова и его сторонников, публичные выступления Закаева «доказывают, что он покинул ислам. Суд постановил, что убийство этого вероотступника - долг каждого мусульманина»³⁶. В этой связи неудивительно, почему Госдеп США включил и «Эмират Кавказ», и его лидера в число террористических организаций и террористов, опасных для американской национальной безопасности. Фактически эти шаги Вашингтона остались одними из немногих содержательных достижений «политики «перезагрузки».

Среди северокавказских джихадистов есть разные сегменты. Есть и те, у кого отсутствует элементарная

http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=4596

³⁵ Изначально «Кавказ-центр» был основан в марте 1999 года, как «чеченский международный исламский интернет-ресурс». Однако впоследствии он трансформировался в исламистский информационный проект. Публикует материалы на русском, украинском, турецком, арабском, английском языках. Примеры антизападной пропаганды см. : <http://www.kavkazcenter.com/russ/content/2010/11/01/76223.shtml>

³⁶ Цит.по: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/158455> 2009. - 25 августа.

теологическая подготовка, а в некоторых случаях и элементарная образовательная база. По справедливому замечанию востоковеда Сергея Давыдова, «вопиющее невежество авторов некоторых северокавказских исламистских сайтов уже подверглось жесточайшему осмеянию со стороны их оппонентов»³⁷. Но и есть среди них и те, кто соответствует идеалам «моджахеда будущего» (то есть защитника идеалов «чистого ислама», который сочетает в себе дар проповедника и мастера автомата Калашникова). К таковым мы можем отнести помимо упомянутого выше Саида Бурятского, Анзора Астемирова, известного так же, как «Сейфуллах» (1976-2010 гг.), одного из организаторов террористической атаки на Нальчик 13 октября 2005 года. Этнический кабардинец Астемиров получал духовное образование в Саудовской Аравии, работал корреспондентом известного канала «Аль-Джазира», занимал пост заместителя директора по науке Кабардино-Балкарского института исламских исследований. В настоящее время мы можем говорить об интеллигентской части радикалов (выходцы из исламских медресе и региональная гуманитарная интеллигенция), радикалах «бедных» (пауперизированное население городов и сел Северного Кавказа) и радикалов «богатых» (бизнесмены, финансирующие террористические джамааты, их деятельность, занимающиеся теневой деятельностью для финансирования кровавого бизнеса).

О структуре «Эмирата Кавказ» сложно судить со стопроцентной определенностью. Во-первых, сам по себе проект Умарова является в значительной степени виртуальным. Не в том смысле, что за ним нет реальных преступных дел, а в том смысле, что организационно-управленческая иерархия здесь отсутствует. Российскому государству противостоит террористическая сеть, отдельные части которой могут пребывать какое-то время в «спящем режиме», а в

³⁷ Давыдов С. Уроки Алжира. Генезис конфликта
<http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=13769> 2008, 20 марта.

определенные периоды выходить на авансцену. При этом сами сведения о структуре «Эмирата» меняются. Так некоторое время на сайте «Кавказ-центр» размещалась «портретная галерея» командующих подразделениями «Эмирата». Впоследствии от этой идеи отказались, стали публиковать новости, поступающие из «валаятов». При этом стоит отметить, что различные ячейки «Эмирата» (это подтвердила практика 2007-2013 гг.) редко действуют за пределами «своих» национальных республик, несмотря на то, что сегодня на первый план вышла джихадистская «интернациональная» идеология, а принципы светского национализма перестали выдвигаться. При этом попытки «Эмирата» расширить свою активность за границами собственно Северного Кавказа (а на уровне призывов и деклараций такая решимость демонстрировалась) имели место, хотя и не привели к коренному изменению формата диверсионно-террористической борьбы.

Наиболее мощной террористической структурой на территории Дагестана и всего Северного Кавказа считается «Джамаат Шариат». Именно он еще в 2007 году распространил заявление, в котором призывал помешать проведению Олимпиады на российской территории. На счету «Шариата» убийство заместителя начальника штаба Северо-Кавказского регионального командования внутренних войск МВД РФ генерал-майор Валерий Липинского (в 2004—2006 гг. он возглавлял группу МВД оперативного управления по Дагестану). В разные годы во главе нее находились такие полевые командиры, как Расул Макашарипов (убит в июле 2005 года), Раппани Халилов (убит в октябре 2007-го, подозревался в организации взрыва в Каспийске), Магомедали Вагабов (убит в августе 2010-го, подозревался в организации терактов в московском метро). Против боевиков этой группировки проводились самые масштабные на Северном Кавказе операции, если не считать двух чеченских кампаний. «Шариат» ответственен за резонансный теракт в Каспийске, который произошел в 2002 году во время военного парада, устроенного

в честь Дня Победы 9 мая (тогда 43 человека были убиты, а 170 ранены). Полиция Чехии 3 мая 2011 года заявила об аресте восьми человек (граждан России, Болгарии и Молдовы), связанных с деятельностью северокавказского исламистского «Джамаата Шариат».

В Кабардино-Балкарии же наиболее значимой единицей считается «Кабардино-Балкарский джамаат» («Командование муджахидов Объединенного вилайета Кабарды, Балкарии и Карачая»). С его деятельностью связывают первомайский взрыв на ипподроме в Нальчике в 2010 году (там был ранен экс-глава МВД республики Хачим Шогенов), фактический срыв курортного сезона в КБР в 2011 году, показательная казнь старшего лейтенанта ВВС Дениса Николаева в Нальчике (январь 2012 года). С «Джамаатом Галгайче» (Ингушский джамаат) связаны громкие террористические акты на территории Ингушетии, в частности покушение на президента республики Юнус-бека Евкурова 22 июня 2009 года.

Предметом особого интереса (а также многочисленных спекуляций) является вопрос об иностранном вмешательстве в северокавказский терроризм. С одной стороны лидеры зарубежных исламистских сетей также не провозглашали Северный Кавказ (как Ирак или Афганистан) полем для борьбы с «крестоносцами и иудеями». Но в то же самое время российский Кавказ не раз попадал в фокус внимания террористических сетей из-за рубежа. Видеокассеты, показывающие «героические дела» северокавказских боевиков распространялись в Ираке и в Афганистане. На Северном Кавказе «засветились» такие персонажи, связанные с «Аль-Каидой», как Абу Омар Аль-Сейф, Абу Омар Кувейтский (Абу Дзейт), Муханнад (Абу Анас). Абу Хафс Аль-Урдани, хотя и высказывал публично свои симпатии в адрес Бен Ладена, но никогда не идентифицировал себя с известной террористической сетью. Как справедливо полагает сирийский журналист и политолог Басель Хадж Джасем, «практически во всех случаях арабские боевики, которые заявили о своем участии в делах на Кавказе, не поддерживались своими

правительствами. И большинство из них у себя дома проходили по обвинению в терроризме. Так что сложно сказать, что правительства и арабские режимы, поддерживают радикализм и те экстремистские действия, что происходят на Северном Кавказе»³⁸. Сегодня выходцы из республик Северного Кавказа все чаще оказываются вовлеченными в конфликты в странах арабского мира. В этой связи «арабская весна», радикально изменившая повестку дня на Ближнем Востоке, требует пристального внимания и скрупулезного анализа (что не входит в число задач настоящей статьи).

За 2007-2013 гг. Умаров не единожды брал ответственность за громкие теракты, включая и российскую столицу. 27 ноября 2009 года в результате теракта произошло крушение скоростного фирменного поезда № 166 «Невский экспресс», следовавшего по маршруту Москва - Санкт-Петербург (погибло 28 человек, ранено 90). Взрывы на двух станциях московского метрополитена («Лубянка» и «Парк культуры») 29 марта 2010 года унесли жизни 40 человек (ранения получили еще 88 человек). Террористическая атака в московском аэропорту Домодедово 24 января 2011 года привела к гибели 37 человек. Она стала самым крупным терактом в аэропортах мира по количеству жертв. В своих обращениях 2010-2011 годов он заявлял о том, что российское население поддерживает политику Кремля, а потому должно рассматриваться, как мишень для террористов. Однако в феврале 2012 года Умаров заявил о «моратории» на атаки гражданских объектов на территории России. Между тем, в реальности «мораторий» выглядел, как пропагандистский шаг, призванный на фоне усиления противоречий между Москвой и Вашингтоном (после парламентских выборов 2001 и президентской кампании 2012 гг., а также возвращения Владимира Путина в кресло главы государства), изменить имидж «Эмирата». Между тем, в том,

³⁸ Цит.по: Басель Хадж Джасем о взаимосвязях арабского мира и Кавказа <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20701> 2011, 4 января.

что касается северокавказских джихадистов, Запад свою позицию не изменил.

Теракт в Бостоне в апреле 2013 года в очередной раз актуализировал проблему российско-американской антитеррористической кооперации. И хотя такая возможность ограничена многими обстоятельствами сложного контекста двусторонних отношений, попытка Умарова представить свою борьбу, как антиколониальное движение (не ведущее борьбу с гражданскими лицами), провалилась. При этом жертвами терактов и диверсий после объявленного «моратория» становились и гражданские лица. Только в последнем квартале 2012 г. таковых было 22 человека, включая и ректора сельскохозяйственного института из Кабардино-Балкарии (КБР) Бориса Жерукова, журналиста ВГРК КБР Казбека Геккиева, а также ряд религиозных деятелей, практиков «альтернативной медицины», бизнесменов.

В июле 2013 года Доку Умаров нарушил свое молчание и заявил о необходимости активизации деятельности подполья с целью срыва Олимпиады в Сочи. В своем видеообращении к сторонникам на Северном Кавказе и в Поволжье он заявил о снятии «моратория» на проведение террористических атак против гражданских объектов на территории России. По его словам сворачивание боевой деятельности «Эмирата» было воспринято Москвой, как проявление слабости. Лидер джихадистов выразил готовность продемонстрировать наличие у него ресурсов и возможностей для продолжения диверсий и терактов.

В последние годы «Эмират» также предпринял попытки закрепления в Абхазии, то есть в непосредственной близости от места проведения Белой Олимпиады. В мае 2011 года российские пограничники в Абхазии обнаружили три тайника с оружием и боеприпасами. В частности, в разрушенном здании на территории старой крепости Абаата (город Гагры) был обнаружен схрон с боеприпасами. В феврале 2012 года аналогичный тайник был найден в восточной части Абхазии (Гульрипшский район). Затем 4-5 мая того же года ФСБ РФ при

содействии Службы госбезопасности Абхазии задержали троих человек - членов «Эмирата Кавказ» по подозрению в участии в подготовке терактов в Сочи, а через 2 недели были обнаружены 6 тайников с боеприпасами. При этом закрепиться в Абхазии у северокавказских джихадистов не получилось в виду отсутствия значительной местной базы для их поддержки. По словам одного из абхазских источников (чиновник в администрации президента), в республике есть единичные приверженцы радикального ислама, но нет среды для распространения этих взглядов. Так, в состав «Джамаата Абхазия» (который рассматривал себя, как ячейку «Эмирата Кавказ»), фактически ликвидированного в 2011-2012 гг., входило не более 20 человек. Даже приверженцев официального ислама в Абхазии немного. Сегодня большинство посетителей мечети в Сухуми - это сезонные рабочие из республик Центральной Азии, привлекаемые для восстановительных проектов и нового строительства.

В то же самое время вопреки чиновничьему оптимизму следует отметить ряд инцидентов последних лет (убийства представителей Духовного управления мусульман Абхазии в 2007 и в 2010 гг.). 9 сентября 2013 года в Сухуми был убит вице-консул посольства России Дмитрий Вишернев. Через 10 дней после этого российский Следственный комитет озвучил версию этого преступления. Согласно ей исполнителем покушения был уроженец Чечни Юсуп Лакаев, а организатором - северокавказское террористическое подполье. Ранее Лакаев уже упоминался в контексте связей с радикальными исламистами. В 2010 году его судили за пособничество боевику, хотя провел в местах лишения свободы и недолго (освободился в 2011 году). Этот персонаж был включен в список лиц и организаций, представляющих потенциальную опасность для зимних игр в Сочи.

СЕРГЕЙ МАРКЕДОНОВ

Российский ответ: победы и издержки

Таким образом, в последние годы отмечено некоторое снижение количества террористических инцидентов. В течение 2009-2013 гг. были ликвидированы такие знаковые лидеры джихадистского подполья, как Мусса (Артур) Мукожев, Марат Гулиев, Анзор Астемиров, Магомедали Вагабов, Саид Бурятский, Аскер Джаппуев, Исрапил Валиджанов, Супьян Абдуллаев, Казбек Ташуев, Адам Цыздоев, Алим Занкишиев, Руслан Батырбеков, Джамалейл Муталиев и многие другие. В декабре 2013 и в январе 2014 гг. глава Чечни Рамзан Кадыров выражал уверенность, что Доку Умаров мертв.

И хотя данная информация не нашла подтверждение, исчезновение «эмира» и из информационного пространства говорит о том, что как минимум, эту версию стоит принять во внимание. Но означает ли это стратегическую победу?

Думается, что скоропалительные выводы в данном случае неуместны. Решительного психологического и политического перелома в борьбе с подпольем не произошло. Эта ситуация объясняется, в первую очередь, тем, что российская власть делает ставку на сокрушение боевиков, уделяя намного меньшее внимание изменениям социальной реальности, которая делает возможным их повторное воспроизводство. До сих пор практически игнорируется возможность изменения существующих республиканских моделей власти. Продвижение на пост главы Дагестана Рамазана Абдулатипова, политика и ученого общероссийского уровня, стало практически единственной попыткой поменять правила игры внутри республик Северного Кавказа. Однако арест влиятельного мэра Махачкалы Саида Амирова (2 июня 2013 года), игравшего огромную неформальную роль в республиканской системе власти стал лишь демонстрацией готовности центра и его протеже к очистке власти и борьбе с коррупцией. Он не стал началом системы мер по изменению

властных отношений, в которых определяющую роль играют не институты, а личные договоренности и лояльности. Нельзя признать и слишком эффективными такие инициативы властей, как распространение уголовной ответственности на семьи и родственников террористов, поскольку они базируются не на вполне адекватных представлениях о сохранении на Северном Кавказе в первозданном виде неких «особых традиций» и кровнородственных связей. В реальности же традиционные общественные структуры кавказских народов переживают серьезный кризис и трансформации. Тот же чеченский тейп более не проживает компактно, не владеет общей землей. Институт старейшин вырождается, будучи подорванным вооруженными конфликтами, когда обладание оружием становилось важнее возраста. Процесс исламского возрождения сопровождается конфликтом поколений. И для салафитской молодежи старшее поколение, являющееся «неправильными», «поверхностными» мусульманами не является авторитетом. В этой связи попытки использования практик «коллективной вины» могут сработать против Российского государства, консолидировав жителей Кавказа вокруг неприятия политики Москвы.

В условиях роста исламистского движения (представляющего собой самый серьезный вызов российской государственности) необходимы также серьезные изменения российской политики. Сегодня российский Северный Кавказ во многом повторяет опыт Ближнего Востока, Северной Африки, стран Центральной Азии (когда этнический национализм отступает перед агрессивной исламистской пропагандой, использующей идеи социальной справедливости и наднациональные ценности и лозунги). В этой связи первостепенной задачей является понимание того, кто может стать основным союзником государства в решении этой проблемы «на местах». Официальное исламское духовенство республик не может рассматриваться, как единственный надежный инструмент российской политики. Нередко его представители является частью кланово-олигархических

группировок (это - их идейно-политический аппарат), занятых приватизацией власти, а значит, заинтересованы в сохранении местничества, регионального апартеида, закрытости власти, ксенофобии, и, напротив, не заинтересовано в модернизации страны. Значительным резервом власти могут стать так называемые «неофициальные мусульмане» (те, кто занимает нонконформистскую позицию по отношению к официальному духовенству, но не связал себя с салафитским (ваххабитским) подпольем). Их идеологическая база может быть востребована российской властью (лозунги социальной справедливости, неприятие коррупции и кумовства, отказ от жесткой «национализации ислама»)). Таким образом, представляется чрезвычайно важным втягивание неофициальных мусульман в открытую публичную политику, выведение их из тени посредством как существующих партийно-политических структур («Справедливая Россия» и даже КПРФ), так и иницилируемых из центра гражданских, правозащитных и других структур. В 1919 году на пике гражданской войны партия большевиков провозгласила своей приоритетной задачей «битву за середняка». Сегодня российская власть должна выиграть битву за «неофициальных мусульман». Переход их на лоялистские позиции гарантирует существенную минимизацию исламистской угрозы. Таким образом, реализация новых задач на Северном Кавказе потребует серьезного оживления внутривластной дискуссии. Данная либерализация - не реакция на требования Запада, а насущная прагматическая необходимость. Во-первых, без этого существует риск «забалтывания» серьезных острых проблем (когда анализ подменяется пропагандой). Во-вторых, более высокая степень информационной свободы позволит федеральному центру иметь инструмент против региональных властей (в особенности, если те проводят партикулярную политику). Продолжение же однобокой политики «силового давления» консолидирует кавказские общества на негативной антироссийской основе. Допущенные же при такой политике

«перегибы» делегитимируют и те успехи, которые властям удается достичь.

Решение поставленных выше задач позволит минимизировать предпосылки для экстремистской и террористической антигосударственной активности, поскольку сама эта активность, по сути своей, является радикальной реакцией на приватизацию власти, коррупцию, сращивание власти и бизнеса, монополизацию экономических ресурсов, закрытость от критики и несправедливость в правоохранительных структурах и судах. Купирование этих социальных болезней сделает экстремальные политические лозунги менее востребованными.

Чрезвычайно важная проблема - творческий анализ иностранного опыта антитеррористической борьбы. В последние годы активно обсуждаются израильские методы по борьбе с терроризмом. Споры нет, с точки зрения технической и профессиональной уничтожение конкретных террористических групп израильскими специалистами вызывает восхищение. Чего стоят такие всемирно известные операции, как «Энтеббе» («Шаровая молния») или «Гнев божий»³⁹! Но проблема в том, что антитеррористическая стратегия - это не ситуативные атаки групп типа «Альфа» или «Вымпел». Это – целостный дискурс, включающий в себя помимо силовой составляющей идеологические, политические, психологические и прочие элементы. Поэтому, признавая высокий профессионализм израильтян (который, кстати, не спас их ни от ХАМАС, ни от «Хизбаллы», ни от различных интифад после, казалось бы, громких побед над арабскими

³⁹ Известные операции израильских спецслужб. «Гнев божий» был нацелен на палестинских террористов, причастных к теракту во время Мюнхенской Олимпиады 1972 года. Продлилась около 20 лет. Стала широко известной благодаря фильмам «Меч Гedeона» и «Мюнхен». «Энтеббе»- рейд особого подразделения Армии обороны Израиля для освобождения заложников — пассажиров захваченного 27 июня 1976 года террористами самолета компании «Эр Франс», севшего по их приказу в аэропорту Энтеббе близ столицы Уганды Кампалы.

государствами), особо подчеркнем: Израиль на оккупированных территориях не ставил своей задачей интеграцию местного населения. Он занимался гарантиями безопасности для Еврейского государства, и, если угодно, обеспечением элементарного выживания во враждебном окружении. Проблема объединения с «арабскими гражданами» у лидеров Израиля не стояла в повестке дня. Ни о каком «плавильном котле» или ассимиляции-аккультурации на занятых территориях речи не шло. И трудно было бы предположить подобный результат, принимая во внимание сам характер государства Израиль. Квинтэссенцией израильской политики в отношении занятых территорий стали слова Маше Даяна, обращенные к арабской общественности: «Мы не просим вас полюбить нас. Мы хотим, чтобы вы позаботились о своих согражданах и сотрудничали с нами в восстановлении их нормальной жизни»⁴⁰. Как следствие, стремление к преобладанию силовых методов борьбы.

Но на Северном Кавказе задача Москвы - это формирование единой политической нации. Следовательно, антитеррористическая философия в России не может строиться на ближневосточном опыте (иначе нам гарантирован такой же результат, смотри итоги операции в Ливане в 2006 году или операции «Литой свинец»). Она должна скорее обращаться к британскому, испанскому или французскому опыту, где жесткость государственной позиции сочеталась с поиском механизмов «мягкой силы», с разделением экстремистских группировок на «умеренных» и «радикалов», на применение переговоров в сочетании с ликвидациями (точечными, а не траловыми). Зададимся вопросом, какой террорист опаснее для страны, ликвидированный и затем рассматриваемый в качестве «мученика в борьбе с кяфирами», или радикал, кающийся и дающий показания в суде (государство и отличается от террористов приверженностью к праву и закону)? Думается,

⁴⁰ Цит.по: От Кавказа до Ливана: право и сущность двух конфликтов // http://www.kontinent.org/article_rus_450206dd7f098.html

что психологический эффект от покаяния вчерашнего «супермена» будет намного сильнее, чем труп врага, чей образ станет примером для одурачивания и промывания мозгов морально неокрепших юнцов.

Следовательно, надо понимать, что не все исламские «обновленцы» перешли линию, разделяющую терроризм и борьбу с Россией от простого негодования по поводу коррупции и закрытости местной власти, отсутствия сильной судебной системы и справедливого федерального вмешательства в локальные вопросы. Сегодня еще не поздно отделить экстремистов и террористов от фрустрированной региональной интеллигенции и обыкновенных «лузеров». Необходимо выстраивать антитеррористическую стратегию, которая, по сути, будет не узкой ведомственной бумагой, а комплексным курсом по преодолению нынешней кризисной ситуации на Северном Кавказе. Таким образом, власти и на региональном, и на федеральном уровне должны сделать все от них зависящее, чтобы понять реальную политическую динамику региона, не прячась за словами о «бандитах».

РАЗДЕЛ 2.

Конфликт на Северном Кавказе: исламский фактор

МИХАИЛ РОЩИН

Имарат Кавказ: эволюция радикального мусульманского проекта

Доку Умаров, ставший последним президентом Чеченской Республики Ичкерия после гибели Абдулхалима Сайдулаева 17 июня 2006 г., был близким соратником Басаева. Последний, в свою очередь, ненадолго пережил Сайдулаева и погиб 10 июля 2006г. Вооруженное движение в Чечне к лету 2006 г. было сильно обескровлено, большинство полевых командиров убито, и только некоторым удалось выбраться за границу. В силу этого в движении сопротивления произошла смена поколений. Влившаяся в его ряды молодежь тяготела к радикальному

мусульманскому фундаментализму, получившему известность на Северном Кавказе как «ваххабизм». В самой Чечне ряды боевиков заметно поредели: население устало от кровопролитного и бесперспективного сопротивления федеральным силам. Кроме того, многие чеченцы являются приверженцами суфийских традиций, глубоко укорененных в местной культуре, а северокавказские «ваххабиты» стремятся к искоренению суфизма, в котором они видят отход от так называемого «чистого ислама». Вместе с тем, движение сопротивления получило серьезную поддержку со стороны военных джамаатов радикальных мусульман, хотя и малочисленных, но спаянных дисциплиной и хорошо организованных.⁴¹

Такие джамааты стали возникать и в соседних мусульманских республиках Северного Кавказа, что в определенной степени укрепляло позиции чеченского центра движения. Очевидно, что военные джамааты вполне вписываются в то явление, которое принято называть «политическим исламом» и наиболее заметным и ярким идеологом которого в 2000-е гг. был Ясин Расулов, аспирант Дагестанского государственного университета.

По его мнению, «вторжение на территорию Дагестана «Исламской Армии Кавказа» (джихад августа-сентября 1999 г. – М.Р.) с целью установления шариата, уничтожение шариатского анклава Кадарской зоны («ваххабитские» общины

⁴¹ Вот что пишет, например, о военных или боевых джамаатах Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания России: «Провозглашаемый ими лозунг – борьба с коррупцией власти, - безусловно, находит отклик среди населения. Демографический состав боевых джамаатов – в основном молодежь, родившаяся после 1980 г., которая не нашла своего места в регионе, где царит бедность и безработица, а все доходные сферы деятельности находятся, как правило, в собственности людей постарше, которые имеют устойчивые коррупционные связи с местными администрациями».
<http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2005/vestniksf263-11/vestniksf263-11030.htm#p2>

сел Кармахи и Чабанмахи в Дагестане – М.Р.) и сегодняшние карательные акции властей против приверженцев «ваххабизма» – это продолжение исторической традиции противостояния российских властей и оппозиционно-вооруженного ислама на Северном Кавказе. Сотрудничество официально-лояльного духовенства с властями и силами Министерства внутренних дел выглядит логичным и закономерным явлением в рамках этой же традиции, продолженной новой Россией»⁴². Ясин Расулов был убит 10 апреля 2006 г. в Махачкале в ходе одной из регулярных спецопераций местного МВД, но его идеи получили широкое распространение среди единомышленников на Северном Кавказе. Доку Умаров – разумеется, полевой командир, а отнюдь не идеолог, но он понял, что замена Чеченской Республики Ичкерия на Имарат Кавказ способна возродить и расширить ряды вооруженного сопротивления, а кроме того перенести боевые действия на территорию соседних республик. Поэтому он в октябре 2007 г. снял с себя обязанности главы ЧРИ и объявил себя «амиром (главнокомандующим) боевиков Кавказа и предводителем Джихада», а также «единственной законной властью на всех территориях, где есть моджахеды»⁴³.

В состав нового самопровозглашенного государства был включен ряд северокавказских регионов России — Дагестан, Чечня, Ингушетия, Ставропольский и Краснодарский края, Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия, которые стали отныне именоваться валаятами, например, Чечня получила название «Валаят Нохчичо». По мнению одного из авторов сепаратистского сайта Чеченпресс, «единственная цель последних речей Абу-Усмана (так называют Доку Умарова его сторонники - М.Р.) - выработать наиболее общие и одинаково понятные всем кавказским партизанам вне зависимости от их этнической самоидентификации лозунги, которые смогли бы объединить

⁴²Зеркало кавказской судьбы // Черновик.

http://www.chernovik.net/article.php?paper_id=35&article_mode=

⁴³ <http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1200657.html>

их и выстроить джихадистское движение на Северном Кавказе таким образом, чтобы сам Умаров и любой, кто придет ему на смену, воспринимался бы как его естественный лидер»⁴⁴. Это, так сказать, официальная история, но вопрос на самом деле состоит в том, насколько Имарат отражал и отражает существующую реальность, а не является виртуальным проектом, активно пропагандируемым радикально-мусульманскими сайтами. Что можно сказать по этому поводу? Очевидно, что наиболее прочная база Имарата сначала была в Чечне, где ряд сел в горных районах Чечни находился под фактическим контролем чеченских боевиков. На дорогах в этих районах моджахеды время от времени выставляли свои посты на короткие промежутки времени и ловили представителей администрации Кадырова и его силовых структур. В первый период короткой истории Имарата его активность была весьма заметна в соседней Ингушетии, где при наличии хороших дорог, высокой плотности населения и небольшой территории моджахеды часто проводили диверсионные операции и устраивали террористические акты, а затем легко растворялись среди местного населения. Следует также отметить, что командующим Кавказским фронтом Имарата, то есть заместителем Доку Умарова в течение почти трех лет был ингуш Али Тазиев, больше известный под своим прозвищем «Магас». В те годы он практически полностью контролировал так называемый «Ингушский Сектор Кавказского фронта»⁴⁵.

Ситуация в Дагестане отличалась в том смысле, что там военная деятельность Имарата была несколько размыта ввиду достаточно большой территории, но зато идеи так называемого ваххабизма или салафизма, как любят сами себя называть сторонники этого течения в исламе⁴⁶, пожалуй, наиболее

⁴⁴ <http://www.chechenpress.info/events/2008/01/14/02.shtml>

⁴⁵ <http://www.chechentimes.net/content/view/1560/34>

⁴⁶ Салафизм – направление в исламе, последователи которого выступают против внесения в ислам того, что они считают элементами других религий и философских течений, они считают себя проповедниками изначального понимания ислама, заложенного в Коран Аллахом. Своей основной задачей

быстро распространялась среди населения, прежде всего молодежи. Учитывая высокую степень религиозности дагестанского населения и прочность там суфийских традиций, вполне можно говорить о тлеющей религиозной войне в этой республике. В остальных республиках Северного Кавказа: Кабардино-Балкарии и особенно Карачаево-Черкесии и Северной Осетии-Алании, активность военных джамаатов Имарата не так заметна. Определенным успехом Имарата стал переход на его сторону в июне 2008 г. видного проповедника салафизма, мусульманина-неофита из Бурятии Саида Бурятского. Из его формальной биографии не вполне очевидно, что привлекло бурята-полукровку из Улан-Удэ в ряды активистов радикального ислама, но впоследствии выяснилось, что в детстве его приёмным отцом был чеченец или ингуш, познакомивший его с основами мусульманской религии.

С самого начала движение военных джамаатов, оформившееся в виртуальное государство Имарат Кавказ, постаралось вписаться в международное сетевое сообщество радикальных мусульман и стало заметным фактором дестабилизации на Северном Кавказе. Ввиду отсутствия какой-то ясной локализации боевики Имарата в разные годы создавали очаги напряжения в разных республиках. Так, лето 2009 г. выдалось весьма бурным в Ингушетии. 22 июня 2009 примерно в 8.30 утра в кортеж президента Ингушетии Юнусбека Евкурова врзался и взорвался моджахед-смертник на

салафиты считают борьбу за очищение ислама от различных чуждых, с их точки зрения, ему примесей, основанных на культурных, этнических или каких-то других особенностях тех или иных мусульманских народов. Они отвергают различные, с их точки зрения, нововведения (араб. *бид'а*), не дозволенные исламом. Салафиты отрицают возможность «посредничества» между Аллахом и человеком. Отрицают суфизм, который в Российской Федерации получил распространение на Северном Кавказе. Являясь сегодня наиболее распространенной формой мусульманского фундаментализма, салафизм на Северном Кавказе и, прежде всего в Дагестане, привел к серьезному конфликту не только со светскими властями, федеральной и республиканской, но и к настоящей религиозной войне внутри самой мусульманской общины.

автомашине «Lexus» с московскими номерами. В результате этой атаки Евкуров был тяжело ранен и отправлен на лечение в московскую больницу. Сначала было непонятно, сможет ли ингушский президент поправиться и как быстро.

Инциденты местной милиции с моджахедами происходили с завидной регулярностью в разных уголках небольшой северокавказской республики. 12 августа в собственном кабинете в правительственном комплексе в Магасе был застрелен министр строительства Руслан Амирханов, причем его убийца спокойно покинул здание правительства. Дальше больше: 17 августа в 9.00 утра во время утреннего построения милиционеров перед зданием ГУВД и РОВД в Назрани взорвалась начиненная взрывчаткой автомашина «Газель» с двумя смертниками. В результате мощного взрыва погибло свыше 20 человек и примерно 150 было ранено. 26 августа на сайте ингушских мусульманских радикалов hunafa.com появилось видео, на котором молодой и вполне европеизированный шейх Саид Бурятский объяснял и рассказывал, как готовился взрыв перед зданием ГУВД и почему эта акция справедлива и оправданна. В конце закадровый голос диктора сообщал, что одним из смертников-шахидов стал сам Саид Бурятский. Однако буквально через два дня представитель боевиков Ингушетии опроверг это сообщение, а 5 сентября на том же сайте hunafa.com появилось видеообращение Саида Бурятского, в котором он рассказал, что он жив и здоров и что концовка предыдущего видео была ошибочной. «Каждый мусульманин в свой черед станет шахидом, но только в срок, предписанный ему Аллахом. Мой еще не пришел», – говорил Саид. Двусмысленность ситуации бросалась в глаза, и срок Бурятского наступил вскоре: он был убит 3 марта 2010г. в ингушском селе Экажево сразу после завершения им своей последней проповеди⁴⁷. Президент Евкуров поправился к концу лета 2009г. и уже 13 августа вернулся к исполнению своих обязанностей. Постепенно волна

⁴⁷<http://www.rosbalt.ru/2010/03/05/717962.html>

терактов и отстрел сотрудников МВД в республике пошли на спад. Евкуров – в прошлом военный разведчик, и его старые профессиональные навыки, вероятно, помогали ему на новом поприще.

В Дагестане май – июнь 2009 г. тоже выдались напряженными. В течение длительного времени там борьбой с «ваххабитами» руководил министр внутренних дел Дагестана Адильгирей Магомедтагиров. Против него было организовано несколько покушений, а 5 июня 2009 г. он был застрелен снайпером. Это преступление так и не раскрыто до сих пор. Чуть раньше 25 мая 2009 г. в Махачкале был убит заместитель муфтия Ахмед Тагаев, фактически руководивший Духовным управлением мусульман Дагестана и активно выступавший против исламского фундаментализма. 27 ноября 2009г. северокавказский джихад выплеснулся на территорию центральной России, когда боевики взорвали «Невский экспресс», курсирующий между Москвой и Петербургом. Вечером 27 ноября на перегоне Алешинка - Угловка в результате взрыва самодельной бомбы неподалеку от Бологого сошли с рельсов три последних вагона пассажирского поезда "Невский экспресс". В результате аварии погибли 28 человек, более 90 человек были госпитализированы. Впоследствии, когда в ходе спецоперации в начале марта 2010г. удалось разгромить диверсионный центр радикальных мусульман, сторонников Имарата в селе Экажево, там были арестованы Зелимхан Аушев и девять братьев Картоевых, входивших в группу, готовившую подрыв «Невского экспресса»⁴⁸.

Позднее в том же месяце, вечером 24 марта 2010 года в Нальчике на углу улиц Тарчокова и Байсултанова в микрорайоне "Горный" Анзор Астемиров, духовный отец и создатель концепции Имарата, и его охранник были остановлены сотрудниками правоохранительных органов для проверки документов, в ответ на что сидевшие в машине открыли огонь. В ходе перестрелки Анзор Астемиров был убит.

⁴⁸ <http://www.digester.ru/Cluster.aspx?uid=2010031030&id=7>

Все последние годы он был главой шариатского суда Имарата Кавказ⁴⁹.

К концу марта стало ясно, что по Имарату нанесены тяжелые удары силовых структур, но 29 марта 2010 г. волна насилия и противостояния дошла и до Москвы, когда две дагестанских террористки-смертницы взорвались в московских станциях метро «Лубянка» и «Парк культуры» (радиальная). В результате этих взрывов 24 пассажира погибли на «Лубянке» и 12 – на станции «Парк культуры», 102 человека получили ранения различной степени тяжести, четверо из раненых позднее скончались в московских больницах.

Впоследствии выяснилось, что на «Лубянке» взорвала себя аварка Марьям Шарипова (1982 г. рождения) из села Балахани Унцукульского района Дагестана, бывшая женой лидера губденских боевиков Магомед-Али Вагабова, убитого позднее в ходе спецоперации в Гунибе 21 августа 2010⁵⁰. Второй смертнице, кумычке Джанет Абдуллаевой, (1992 г. рождения, село Костек Хасавюртовского района) было всего 17 лет. Примерно за год до этого она вышла замуж за Умалата Магомедова, известного под псевдонимом аль-Бара, назначенного в апреле 2009 г. Доку Умаровым амиром Дагестанского фронта Имарата Кавказ. Тогда же, одновременно в Интернете появляются фотографии этой пары: молодые обнимаются, зажав в руках гранаты и пистолеты. 31 декабря 2009 года, за несколько часов до Нового года, сотрудники ФСБ остановили на Грозненской улице в Хасавюрте автомобиль, в

⁴⁹ <http://www.izvestia.ru/obshchestvo/article3140159/>

⁵⁰ <http://www.extra-m.ru/society/articles/245276-mnogorazovaya-smertnitsa-maryam-sharipova> Магомед-Али Вагабов (Амир Сайфуллах), даргинец по национальности, родился 1 января 1975 года в селении Губден (Карабудахкентский район Дагестана. Весной 2004 года организовал в Губдене группу моджахедов. В 2009 возглавил Центральный сектор Дагестанского фронта Имарата Кавказ. 15 июля 2010 года Магомед-Али Вагабов был назначен командующим Дагестанским Фронтом и одновременно верховным кадием (судьей) Шариатского Суда Имарата Кавказ <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/173122> Был убит 21 августа 2010 во время спецоперации в Гунибе.

котором находились Умалат Магомедов и трое других боевиков.

Они попытались выхватить оружие, однако их застрелили на месте. Таким образом, к моменту взрыва в метро Джанет Абдуллаева была уже вдовой и, вероятно, могла мстить за своего мужа⁵¹. 9 июня 2010г. Имарату был нанесен еще один сокрушительный удар, когда был захвачен «Магас» (Али Тазиев). В течение всех последних лет «Магас» был лидером ингушских боевиков и одновременно считался руководителем военных операций всего Имарата. Есть основания предполагать, что он непосредственно руководил захватом школы в Беслане в начале сентября 2004г. Захваченный спецслужбами «Магас» был доставлен в Москву и помещен в СИЗО Лефортово⁵². Реакция руководства Имарата на арест

⁵¹ <http://www.kommersant.ru/doc-y.aspx?DocsID=1348776>

⁵² «Магас» был ранее известен, как Ахмед Евлоев. Впоследствии выяснилось его настоящее имя – Али Мусáевич Тáзиев, ингуш по национальности. По данным российских спецслужб, Тазиев был создателем первых отрядов на территории Ингушетии вместе с полевыми командирами Абу Дзейтом и Магомедом Хашиевым, организация называлась «Джамаат-Халифат». Впервые в сводках МВД имя Ахмеда Евлоева прозвучало в 2004 году. В апреле, перед июньским нападением на Ингушетию, он был назначен командующим ингушским сектором вооружённых формирований Чеченской Республики Ичкерия. В ночь на 22 июня 2004 года более ста боевиков под личным руководством Басаева, Абу Кутейба и Али Тазиева (он же Магас) ворвались в Назрань, захватили здание республиканского МВД и оружейный склад, расстреляли около 90 сотрудников милиции, прокуратуры и просто мирных жителей, после чего скрылись. Позднее следственные органы Ингушетии выяснили, что с 2007 года Али Тазиев под фамилией Горбаков проживал в одном из частных домовладений на улице Мержоева в пригороде Сагопши ингушского города Малгобек. Соседям он представился переселенцем из Чечни. Вел себя тихо и неприметно и никаких подозрений не вызывал. Операция по захвату "Магаса" началась за полгода до его задержания. Трижды он попадал в прицелы снайперов, но приказ был взять его живым. В ночь на 9 июня 2010 года дом был окружён спецназом ФСБ. В момент задержания Тазиев не успел оказать сопротивления. В тот же день самолётом Магас был этапирован в Москву, где решением Лефортовского районного суда

«Магаса» была шоковой. Даже обычно весьма словоохотливый и велеречивый сайт Кавказ-центр так и не смог внятно прокомментировать это событие, а главный лидер Имарата Доку Умаров предпочел тихо залечь на дно и отмалчиваться. Наконец, 7 июля 2010г. сайт hunaфа.com опубликовал официальное заявление ингушских боевиков, в котором сообщалось о ликвидации 21 июня Тимура Арсельгова, внедренного в ряды движения тайного агента ФСБ, выдавшего «Магаса».

Последние события в Ингушетии и Дагестане подтверждают предположение, что сегодня именно там, а не в Чечне, как многие полагают по инерции, происходят самые серьезные столкновения федеральных и республиканских сил с боевиками Имарата Кавказ.

2 августа 2010г. Доку Умаров неожиданно объявил о своей добровольной отставке с поста Амира Имарата Кавказ по состоянию здоровья и о передаче своих полномочий чеченскому полевому командиру Асламбеку Вадалову. Видимо, этот шаг был вызван последними провалами в деятельности Имарата. Однако 4 августа Доку Умаров отозвал свое заявление и подтвердил свою решимость возглавлять джихад на Северном Кавказе. В ответ на это 14 августа ряд видных полевых командиров Чечни: чеченцы Асламбек Вадалов и Хусейн Гакаев, и араб Муханнад, – опротестовали это заявление и не признали над собой власти Умарова⁵³. В то же время в Дагестане и Ингушетии его продолжали признавать амиром. Последнее резонансное событие, связанное с именем Доку Умарова, произошло в 16.32 24 января 2011 года, когда в зале прилетов Домодедово произошел мощный взрыв, в результате которого погибло 36 человек, и 116 было ранено. Впоследствии стало известно, что во время взрыва погибла

Москвы был взят под стражу и ему были предъявлены обвинения.

<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1383992>

⁵³ Их видеообращение можно прослушать по ссылке

http://www.youtube.com/watch?v=zyUX4zf8tAQ&feature=player_embedded

известная писательница и драматург из Одессы Анна Яблонская. Ей было всего 29 лет, и она прилетела в этот злополучный день в Москву, чтобы получить премию журнала «Искусство кино».

<http://www.themoscowtimes.com/columns/article/finding-words-for-the-death-of-anna-yablonskaya/429796.html> Взрыв потряс своей жестокостью москвичей и гостей города: в первые дни после взрыва люди старались меньше бывать вне дома. Довольно быстро стало ясно, что это – дело рук террориста-смертника, а следы ведут на Северный Кавказ. В какую именно республику сначала было непонятно, но то, что к взрыву причастны люди из Имарата Кавказ было очевидно. Довольно быстро все это и подтвердилось.

4 февраля директор ФСБ Бортников назвал фамилию смертника-шахида – Магомед Евлоев, 20-ти лет, недоучившийся бухгалтер из селения Али-юрт в Ингушетии. Вечером в тот же день сайт последователей Имарата выложил видео, на котором кавказский амир Доку Умаров отправляет будущего шахида на задание. Шахид на видео удивительно похож на Магомеда Евлоева. Еще через несколько дней Умаров сделал весьма пространное видео-заявление, в котором сказал, что террористические акты членов Имарата не прекратятся до тех пор, пока Россия не уйдет из республик Северного Кавказа.

Через год 3 февраля 2012 г. Доку Умаров в своем видеообращении призвал приостановить атаки на гражданское население России. Он, в частности, заявил: «Поскольку пошли процессы гражданского протеста, и население более не приемлет политики Путина, я приказываю всем группам, осуществляющим специальные операции на территории России, не подвергать страданиям мирное население». Одностороннее перемирие людьми Имарата соблюдалось до второй половины 2012г., когда вновь происходит активизация вооруженного подполья.

Наверное, немногие связывают период перемирия с началом процесса примирения суфиев и салафитов в Дагестане, но, тем не менее, это именно так. Ключевая встреча

представителей Духовного управления мусульман Дагестана и умеренных салафитов из Ассоциации Ахлю-Сунна состоялась 29 апреля 2012г. в соборной мечети Махачкалы. Вел встречу имам соборной мечети Магомедрасул Саадиев. Кроме него, выступил также глава Духовного управления Ахмад-хаджи Абдуллаев. Со стороны умеренных салафитов выступили руководитель Ассоциации Ахлю-Сунна Халил Рахман и известный молодой алиим Абу Умар Саситлинский (Исраил Ахмеднабиев). Пожалуй, впервые представители суфизма и салафизма в Дагестане продемонстрировали явное желание достичь компромисса и взаимопонимания. В предыдущие годы конфронтация между этими двумя течениями суннитского ислама в республике только нарастала⁵⁴. После примирительной встречи и принятия совместной резолюции в Facebook была создана специальная площадка для диалога суфиев и салафитов, со стороны которых активное участие в дискуссиях принимал известный махачкалинский адвокат Зияутдин Увайсов. Иногда споры принимали острый характер, тем не менее, обе стороны постепенно привыкали слышать друг друга. Однако радикалы Имарата не дремали, и всему этому процессу серьезный удар был нанесен убийством шейха Саида-эфенди Чиркейского 28 августа 2012г.

«Смертница вошла во двор шейха во время его проповеди вместе с верующими. Она подошла как можно ближе к богослову и взорвала себя в самом большом скоплении народа»⁵⁵. Смертницей оказалась Аминат Курбанова (Алла Сапрыкина), молодая русская женщина из Дагестана, принявшая ислам. Её мать Вера Сапрыкина позже вспоминала:

Она окончила школу с пятерками. Она ходила на танцы, посещала музыкальную школу по классу фортепиано - активная была девочка, дома было много грамот, - продолжала мать. - Актерское отделение выбрала сама. Мы пришли поступать на

⁵⁴ Смотрите подробнее <http://www.keston.org.uk/russianreview/edition61/01-Rostshin-about-Suffies-and-salafits.htm>

⁵⁵ <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=21070>

филологическое и журналистское отделение, но когда она увидела, что есть набор на актерское, она тут же переиграла и сказала, что хочет туда. Она закончила с красным дипломом, по дипломной работе ее взяли актрисой в русский театр. У нее была главная роль в спектакле «Олеся».

В театре Аминат (Алла) пробыла недолго. Она вскоре приняла ислам и стала последовательницей салафизма. За 10 лет после обращения в радикальный ислам Аминат четырежды успела побывать замужем за боевиками, трое из которых погибли в спецоперациях, проведенных в Дагестане⁵⁶.

Деятельность Имарата продолжалась, но заметно было, что его активность как действующей боевой структуры постепенно снижается. На мой взгляд, здесь важную роль сыграл ряд обстоятельств. Убийство в конце марта 2010г. Анзора Астемирова, ключевого лидера салафитов из Кабардино-Балкарии, сильно ослабило это подразделение (валаят) Имарата. Еще более серьезным ударом стало задержание «Магаса» (Али Тагиева), который держал в своих руках все нити военных операций ингушских боевиков. В Чечне, на мой взгляд, после двух войн и переориентации вооруженной борьбы на джихадистские рельсы, чем дальше, тем больше стало просматриваться вырождение вооруженного сопротивления. Тем более, что при новом руководителе Чечни Рамзane Кадырове наблюдалась и наблюдается забота об этнической консолидации чеченского народа и одновременно делается серьезный упор на экономическое развитие. Пожалуй, единственной республикой, где вооруженный джихад имеет какие-то шансы, остается Дагестан, хотя и там, на мой взгляд, стремление к мирному салафизму будет неизбежно нарастать. Таким образом, кризисные явления в Имарате Кавказ всерьез стали наблюдаться с лета 2010г. Последнее громкое заявление Доку Умаров сделал 2 июля 2013г., когда в своем видеообращении он призвал к срыву Зимних Олимпийских Игр

⁵⁶ <http://lifenews.ru/news/100393>

и грозил провокациями⁵⁷, хотя дальнейшее развитие событий показало, что сил для этого у амира и его сподвижников не было. Вскоре после этого Доку Умаров исчез, и о нем ничего не было слышно. Деятельность Имарата в это время перешла в «спящее» состояние.

В конце 2013 г. вновь нагнетается страх чередой страшных событий, уносящих жизни людей. Три подрыва произошли в Волгограде: первый – 21 октября 2013, а два других – 29-го и 30-го декабря в самый канун нового года. Все три взрыва оказались связаны с дагестанским вооруженным подпольем, причем ответственность за два последних взяла на себя неизвестная ранее организация «Ансар ас-Сунна», возможно связанная с иракскими и сирийскими боевиками-джихадистами⁵⁸.

Через несколько месяцев после исчезновения Умарова 16 января 2014г. в Интернете на YouTube появился видеоролик, на котором кадий Имарата Кавказ Абу Мухаммад (Алиасхаб Кебеков) рассказывает, что он «получил скорбную весть» об эмире⁵⁹. Фактически это видео стало первым серьезным подтверждением гибели Доку Умарова. Правда, ничего не было сказано о том, как и почему это произошло. Было ощущение того, что видео появилось в открытом доступе в результате утечки информации.

«Кавказский узел» 11 марта 2014 предложил мне проанализировать это видео. Я сказал: «Похоже, что она правдивая – хотя бы потому, что мы не имеем никакой противоположной информации. Не последовало опровержения ни от самого Доку Умарова, ни от его ближайших сподвижников, которые, конечно же, знают о появлении такой записи. Никто из них в эфир не выходил и ничего не опроверг». Кроме того, на мой взгляд, появление такого видео в

⁵⁷http://www.chaskor.ru/news/doku_umarov_prizval_boevikov_sorvat_olimpiadu_v_sochi_32726

⁵⁸<http://www.svoboda.org/content/article/25235678.html>

⁵⁹<http://www.youtube.com/watch?v=guloX7RFhc0>

преддверии Сочинской Олимпиады само по себе свидетельствовало о каком-то глубоком упадке Имарата Кавказ, оказавшегося, по меньшей мере, в сложной ситуации. Впоследствии по данным информированного сайта ЛентаРи.ру стало известно, что Умаров был отравлен в августе 2013г. внедренным в окружение нового амира ингушских боевиков Артура Гетагажева. Как сообщает сайт, ссылаясь на чеченского журналиста Саида Дениева, «Доку в рамках инспекции по зимним базам боевиков в Чечне посетил одну из них и остался там с четырьмя боевиками, тогда как остальные удалились по делам (возможно, за продуктами). По их возвращении, утверждается, что Доку уже был мертв». Вернувшиеся моджахеды расстреляли всех, кто оставался с Доку Умаровым. Эта мрачная история, выдержанная в духе классического вестерна, завершила важный этап в деятельности Имарата.

Теперь вернемся к видео. Оно ясно показывает: Абу Мухаммад, сообщая скорбную весть, и которому было предложено стать новым эмиром, совсем не спешит занять этот пост. Мы имеем возможность изучать происходящее только с помощью Интернета и ограниченных ресурсов. Нужно понимать, что это не то же самое, что знать проблему изнутри. Но судя по активности в Интернете и по наблюдениям, есть салафиты, которые в принципе не стремятся к вооруженной борьбе, а говорят, что есть другие дела, намного более важные. В конце концов, ислам, как и другие монотеистические религии, говорит, прежде всего, об отношениях между Творцом и человеком. Поэтому, разумеется, разделение в салафитской среде реально имеет место, и как представляется, человек на записи, то есть Абу Мухаммад внутренне тяготеет именно к этой мирной группе и не спешит себя связать обязательствами. Тем не менее, позднее стало известно, что все-таки именно он стал новым амиром Имарата Кавказ. Что это будет означать для самого Имарата, как проекта, и для жителей Дагестана, пока не ясно. Одно очевидно, Чечня сегодня перестала играть в Имарате ключевую роль. На первый план выдвинулся Дагестан с его ярко выраженным интересом к мусульманскому

интеллектуальному дискурсу. Безусловно, Имарат остается важным элементом мусульманского ландшафта на Северном Кавказе, но там также все больше людей склоняется к мирному, а не военному салафитскому пути. А те, кто настроен более решительно, в значительной степени переместились в Сирию или сирийско-иракское пограничье. Не все поголовно, разумеется, но такая тенденция в последнее время просматривается.

Имарат Кавказ как модель

Под влиянием исторических предпосылок и современных геополитических условий на Северном Кавказе в течение последних десятилетий наблюдается процесс формирования особой исламской фундаменталистской структуры. Данная эмпирическая статья - попытка раскрыть тезис о том, что действующая в регионе террористическая организация Имарат Кавказ являет собой уникальную (что означает: единственную в своем роде) исламскую фундаменталистскую модель. Исследуя природу стоящей перед нами задачи отметим, что модель эта сфокусирована на отрицании всего, что олицетворяет современный Северный Кавказ. Каковы бы не были истоки движения, внутренним ядром формирования модели служит нежелание некоторой части молодежи стать членами общества - такого как оно есть.

В этой специфике заключен секрет ее жизнеспособности. В этой же особенности лежит ключ к ее потенциальному саморазрушению. Опираясь на свою религиозную символику, Имарат позиционирует себя как часть международного исламского фундаменталистского движения. Во многом сетевая организация Имарата Кавказ повторяет под копирку деятельность таких же сетевых организаций, как «Аль-Каида» в Афганистане или «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами» в Таджикистане и Узбекистане. Идеология этих организаций держится на единой матрице исламского фундаменталистского учения - салафизме. Однако, по нашему мнению, на Северном Кавказе сформировалась единственная в своем роде фундаменталистская модель, которая не только жестко привязана, но и, учитывая реальные условия, искусно адаптирована к политическим, социальным, экономическим особенностям региона. Она имеет свои принципиальные отличия, которые определяются историческими, политическими, социально-экономическими и общественными

предпосылками, несмотря на формальную унифицированность. И как видно из хроники событий на Северном Кавказе, фундаменталисты считают своим долгом предпринимать решительные и кровавые действия против тех, кто не согласен с ними в оценке позитивных и негативных сторон нынешней жизни не только в регионе, но и в целом по России. Таким образом, сложная система значений внутри сети Имарата Кавказ подпитывается разными мотивами и импульсами.

Главная особенность северокавказского подполья заключается в его звеньевой структуре и системе самообеспечения, которые базируются на социокультурной и политической интеграции подполья в северокавказские социумы. О том, что современное северокавказское исламское подполье представляет собой сетевую структуру, состоящую из десятков ячеек - джамаатов, формально подчиняющихся единому центру - Имарату Кавказ, но фактически действующих самостоятельно в рамках отдельных секторов, написано достаточно много. Но о самих звеньях в структуре подполья, принципе цикличности этих звеньев, системе сбора и распределения средств сказано очень мало.⁶⁰ Однако именно этот принцип позволяет нам говорить о формировании на Северном Кавказе отдельной, уникальной по своей структуре и принципам существования, фундаменталистской модели.

Звенья как основа в обновленческой структуре северокавказского подполья

Структура Имарата Кавказ в значительной степени определяется салафитской идеологией. Иерархия Имарата Кавказ с точностью повторяет структуру аналогичных исламских сетевых организаций на Ближнем Востоке таких, как «Аль-Каида».

⁶⁰ Исключением являются Gordon M. Hahn, *Russia's Islamic Threat* (New Haven and London: Yale University Press, 2007) и *Islam, Islamism, and Politics in Eurasia Report*, которые содержат анализ по данным темам.

Схожесть прослеживается в том, что все исламские фундаменталистские организации являются сетевыми структурами. Они образуются из структурных единиц, которые, согласно салафитской идеологии, называются джамаатами (община). Каждая сетевая структура имеет многоуровневую систему управления. Во главе сети стоит высший Амир. На уровне джамаатов власть сосредоточена в руках амиров джамаатов. Джамааты объединены вокруг общей цели - создания Халифата в той точке мира, где они создаются. Т.е., существует некая матрица для всех подобных структур. Однако все эти сетевые структуры принципиально отличаются по содержанию и принципам взаимодействия с общественными институтами той социально-политической среды, в которой они осуществляют свою деятельность. Потому как, заметим: от степени интегрированности исламской фундаменталистской структуры в общественные институты той или иной общественно-политической системы зависит жизнеспособность самой идеи. Именно поэтому названные структуры жизнеспособнее в мусульманских республиках и в странах с преобладающим количеством мусульманского населения, и практически неуязвимы, когда фундаменталистская модель адаптирована под локальные этнокультурные особенности.

Джамааты, формально входящие в Имарат Кавказ, объединены вокруг первичных структур, называемых внутри сети секторами. Сектора объединены, в свою очередь, в валааты, которые и образуют Имарат Кавказ. Крупные сектора могут включать в себя от 4 до 6 джамаатов. Джамааты в среднем состоят из 8-12 человек. Таким образом, крупные сектора могут достигать по численности от 30 до 80 человек в среднем. Как правило, география секторов повторяет в точности географию государственных административных образований. Так, например, Юго-западный сектор в Кабардино-Балкарии повторяет административные границы Чегемского района. Северо-восточный сектор контролирует территорию

Баксанского района Кабардино-Балкарии, Северо-западный - территорию Эльбрусского района.

В отдельных случаях один сектор действует на территории двух или трех районов. Данная практика используется подпольем либо в случае, когда джамааты, входящие в определенный сектор, весьма малочисленны, либо тогда, когда контролируемое ими административное образование, имеет несоизмеримо крупный масштаб. Таковым, например, является Центральный сектор, включающий в себя несколько районов столицы Кабардино-Балкарии - Нальчика, а также населённые пункты (поселки Хасанья, Белая Речка, Вольный Аул, Кенже, Адиух), прилегающие к нему. Сами джамааты чаще всего состоят из жителей района, на территории которого действует сектор. Этим объясняется доминирование этнического фактора в отдельных джамаатах и секторах.

В условиях Северного Кавказа чаще всего этносы расселены компактно, особенно в сельской местности. Так, например, город Баксан Баксанского района Кабардино-Балкарии и прилегающие к нему селения в подавляющем своем большинстве заселены кабардинцами (Северо-восточный сектор), а поселок Эльбрус или, к примеру, село Жанхотеко Эльбрусского района более чем на 80% заселены представителями балкарского населения (Северо-западный сектор).

Таким образом, если в целом Кабардино-Балкарское подполье формально выглядит интернациональным, сами джамааты имеют ярко выраженный этнический окрас. Выраженная этничность джамаатов за последнее десятилетие является следствием изменившихся общественно-политических условий в республике. Без учета этих особенностей проект Имарат Кавказ был бы обречен на быстрый провал и самоистребление. Здесь мы подошли к очень важному моменту. Сегодня мы наблюдаем процесс сращивания фундаменталистской идеологии с общественно-политическими системами на Северном Кавказе, что с определенной степенью уверенности позволяет говорить об эволюции

Северокавказского подполья и формировании уникальной «исламской этно-фундаменталистской модели» на Северном Кавказе.

Если ранее джамааты не имели общей координации действий и единой бюджетной системы, а всего лишь являлись вооруженными группами, движимыми собственными внутригрупповыми мотивами, в числе которых доминировали реваншистские настроения ущемлённых в своих правах этнических групп (как это было в случае с джамаатом «Ярмук» в Эльбрусском районе Кабардино-Балкарии), или же религиозными амбициями части кабардинской мусульманской молодежи, не признаваемой официальным мусульманским духовенством республики, то сегодня мы уже имеем дело с разветвленной сетевой структурой, обладающей своими институтами, включая судебную власть (кадии), фискальную систему, и соответственно - исполнительную власть в лице амиров различных уровней. С каждым днем действенность этой параллельной власти становится все более зримой на Северном Кавказе. Условный успех Имарата Кавказ стал возможным лишь после сращивания салафистской идеологии с кавказскими общественными институтами и ее адаптации к современным общественно-политическим условиям на Северном Кавказе.

Эволюционный процесс в Имарате Кавказ шел синхронно с процессом интеграции реакционного салафизма в северокавказские социумы. Локомотивом в процессе эволюции послужили родоплеменные связи, которым во все времена придавалось большое значение в самоорганизации северокавказских этносов. Так, на первоначальном этапе формирования подполья национальный фактор играл ключевую роль в системе жизнеобеспечения джамаатов, поскольку он позволял использовать племенные связи в вопросах вербовки новых членов и организации военных операций.

Территориальная привязанность помогала и помогает сегодня джамаатам эффективно противостоять федеральным и республиканским силовым структурам. Она помогает им

предупреждать спецоперации, контролировать местный бизнес, который они облагают данью (закят), а также вербовать новых членов, используя родственные или племенные связи. Более того, привязанность к территории позволяет подпольщикам создавать дополнительные звенья, которые выходят за рамки самого Имарата Кавказ. Это тылы – самое главное звено в обновленческой структуре Северокавказского подполья. Здесь мы вплотную подходим к системной структуре подполья.

Звенья и принцип цикличности в Северокавказском подполье

Северокавказское подполье состоит из трех главных сетевых звеньев. Все эти звенья вовлечены в процесс противостояния, они задействованы в вооруженном конфликте (джихаде), но при этом выполняют разные роли в сети. Все звенья находятся в постоянном цикличном движении, обновляя всю сетевую структуру.

Первое звено. Первое звено состоит из людей, которые принимают непосредственное участие в боевых действиях. В самой сети их называют «воинами Аллаха», в СМИ принято употреблять определение «джихадисты». Эти люди, как правило, находятся в розыске, о них известно силовым структурам и за ними ведётся планомерная охота. Они обычно выступают открыто, при помощи видео-обращения призывают мусульман к священной войне - джихаду. Это боевое звено подполья. Потенциальные смертники, для которых данный мир является лишь мостом, через который они должны переправиться к всевышнему Аллаху. Пополнение первого звена происходит за счет второго. Люди из третьего звена в редких случаях попадают в первое, потому как условное лицо должно предварительно показать себя, проявив старания на пути к джихаду. Однако известны отдельные случаи, когда допускается исключение. Яркий тому пример - случай с Александром Тихомировым (мусульманское имя Саид Бурятский), который, являясь проповедником

фундаменталистской идеологии салафитов, минуя второе звено (не оказывая тыловую поддержку подполью), был призван в первое. Следует отметить, что случай с Бурятским уникален. Поскольку, будучи теологом и известным проповедником, он оказался крайне востребован в ходе реализации проекта Имарата Кавказ.

Второе звено состоит чаще всего из родственников и односельчан. Здесь работает территориальный принцип, о котором мы говорили выше, и о котором подробнее расскажем сейчас. Данная категория членов сети задействована в обеспечении первого звена нужной информацией, продуктами, съемными квартирами. Одним словом, обеспечивают тыловое прикрытие. В силовых структурах их называют тыловиками. Возрастной состав этого звена смешанный, так как чаще всего он формируется из жен, сестер и братьев членов первого звена, а также из односельчан. В силу того, что тейпы (род) в северокавказских обществах многочисленны, второе звено значительно больше первого. Реже членов этого звена используют в подготовке спецопераций, происходит это по разным причинам:

- а) когда ими начинают интересоваться силовые структуры и их жизни угрожает опасность;
- б) когда в результате столкновений потери в первом звене вызывают необходимость в обновлении;
- в) за определенные заслуги на пути джихада, (чаще всего, это происходит после выполнения какой-либо боевой задачи);
- г) когда начинает действовать институт кровной мести, т. е., перемещение происходит либо после убийства близкого родственника, состоявшего в джихадистской сети, либо после его похищения силовиками. Необходимо заметить, что институт кровной мести существует только в Чечне, Ингушетии и в отдельных районах Дагестана. Эта традиция не характерна для Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии.

Третье звено самое многочисленное. В основной массе оно состоит из сочувствующих и симпатизирующих молодых людей, которые по тем или иным мотивам выражают симпатии исламскому подполью, но не связаны с ним непосредственно. Ядро звена составляют молодые мусульмане, соблюдающие исламские традиции, посещающие регулярно мечеть. Процесс инфильтрации этих людей в третье звено происходит через мечети, которые они посещают, а также через интернет-форумы, которые на сегодняшний день являются открытой рекрутской платформой для исламских пропагандистов. Данное звено достаточно размыто, и определить степень его участия в противостоянии является практически невыполнимой задачей. Тем не менее, именно это звено является основным и постоянно возобновляющимся источником для рекрута новобранцев. Именно на этом уровне люди часто становятся жертвами похищений, внесудебных казней со стороны силовиков.⁶¹ Часто после того, как молодой человек, не имеющий отношение к подполью, был похищен, подвергнут пыткам и унижениям, он начинает искать защиты у подполья, которое на Северном Кавказе позиционируется у определенной части населения, как альтернативная власть. Так, например, многочисленные факты издевательств силовиков Кабардино-Балкарии над верующими мусульманами привели к добровольному переходу молодых мусульман на сторону чеченского сопротивления в 2005 году. Но не только правовой произвол питает Северокавказское исламское подполье. Ведущую роль в формировании исламского подполья играют политические и социально-экономические факторы.

Принципы национальной паритетности и автохтонности

Система управления в Северокавказском подполье имеет свои отличительные особенности. Несмотря на то, что

⁶¹ «Мемориал: в Дагестане тайно похищают молодых мусульман», *Кавказский узел*, 2 август 2007, www.kavkaz-uzel.ru/articles/120148/.

идеология салафизма, на которой базируется политический проект Имарат Кавказ, исключает вопрос национальности, при назначении глав валаятлов формальный лидер северокавказского подполья - Амир придерживается принципа национальной паритетности. То есть, согласно ему, амиром чеченского валаята Нохчичо не может быть ингуш или осетин, равно как и амиром Осетинского валаята не может быть ингуш. Амиром объединённого валаята также не был чеченец и вряд ли это будет возможно. И хотя формально идеологи Имарата Кавказ демонстрируют ничтожность национальной идеи в системе отношений Имарата Кавказ, в действительности они следуют сложившемуся задолго до возникновения проекта советскому административному принципу национальной паритетности в системе иерархического управления кавказскими территориями. Точно также первичные единицы в сети – джамааты чаще всего объединены в автохтонные ячейки, имеющие ярко выраженный этнический окрас. Как любая организация при кажущейся горизонтальности Имарат имеет свое основание и вершину – иначе не возникало бы всей этой схемы. Такой вывод можно сделать на основе наблюдений за сменой глав практически всех валаятлов.

Принцип национальной паритетности

Принцип национальной паритетности заключается в том, что при назначении глав валаятлов - амиров секторов учитывается национальность кандидата. Парадокс в том, что данная практика диктовалась историческими предпосылками, которые возникли ещё при СССР. И без учета национального фактора в системе управления Имарата Кавказ жизнеспособность проекта равнялась бы нулю. Ибо игнорирование этого фактора приводит к расколу в сети – фитне, что собственно уже имело место в августе 2010 года, когда часть чеченских амиров вышли из под подчинения верховного Амира Доку Умарова. Признавая себя частью Имарата, чеченские полевые командиры отказались делить зону

своего влияния на территории Чечни с представителями других этнических групп и арабскими миссионерами. То же самое мы наблюдаем и в 2014 году после смерти лидера Имарата Кавказ Доку Умарова. Существование принципа национальной паритетности при утверждении амиров различных уровней подтверждают представители самого подполья, они об этом открыто заявляют в своих комментариях, которые публикуются на различных форумах. С другой стороны, это подтверждается динамикой смены глав валайатов. Это также видно при анализе этнического состава доминирующего большинства джамаатов.

Исключительная по своей банальности ситуация сложилась в объединённом валайте Кабарды, Балкарии и Карачая (ОВКБК). Здесь при смене амира ОВКБК учитывается этнический конфликт между двумя титульными народами – кабардинцами и балкарцами. Во избежание фитны в этом валайте смена амира происходит путем поочередного амирства представителей обеих этносов.

Так, первым амиром ОВКБК был кабардинец по национальности Анзор Астемиров (мусульманское имя – Сайфуллах). После его гибели место амира занял балкарец по национальности Аскер Джаппуев (мусульманское имя – Абдуллах). После ликвидации Джаппуева подполье вновь возглавил кабардинец Алим Занкишиев. С долей уверенности можно предположить, что следующим амиром ОВКБК будет балкарец по национальности.⁶²

В конкретном случае суть вопроса состоит в том, идёт ли данная управленческая модель снизу, или же диктуется сверху руководством Имарата Кавказ. Судя по ссылкам на хадисы, которые оставлены на форумах сайта ОВКБК www.islamdin.com - община сама может предложить или выбирать себе амира. На сайтах, близких подполью, было обнаружено следующее теологическое обоснование инициативы снизу, мол , Ибн Хаджар сказал: «И в нем

⁶² «Черные ястребы против ваххабитов», *Caucasus Times* (Ппара), 9 март 2011, <http://caucasustimes.com/article.asp?id=20780>.

дозволенность избрания амира во время войны, без того, чтобы он назначался амиром – другими словами – без наличия приказа от Имама. Далее : Ат-Тахави сказал: «Это основа, из которой выводится то, что обязательно для мусульман выдвигать вперёд человека, если Имам отсутствует, для того, чтобы он заменял его до возвращения». На самом деле это означает, что в определённых обстоятельствах община решает сама, совещаясь между собой, кто станет возглавлять общину. Принцип паритетности в системе назначений в Имарате Кавказ был продиктован объективными причинами. Несмотря на то, что Имарат Кавказ в целом декларирует абсолютный интернационал, подполье не может существовать в отрыве от сложившейся системы разделения зон влияния между этносами, особенно в условиях партизанской войны, где жизнеспособность и неуязвимость подполья обеспечивают тылы. А в условиях Северного Кавказа, тылы - это тейпы в Чечне и Ингушетии, родоплеменные связи в Дагестане и Кабардино-Балкарии. Именно, понимание этой особенности вынудило руководство России, сначала в Чечне⁶³ и Кабардино-Балкарии⁶⁴ использовать практику коллективной ответственности родов и тейпов за связи с подпольем, а затем принять адекватный вызову федеральный закон.

Чтобы завуалировать определяющее значение территориально-этнического фактора в системе управления Имарата Кавказ, идеологи данного проекта придумали сектора. Таким образом, местные исламисты демонстрируют неправомочность названий районов, разделенных по этническому принципу. Однако в действии система опирается именно на сложившиеся этнические образования.

⁶³ «Взорвавшийся в Грозном террорист вырос в неблагополучной семье», *Кавказский узел*, 29 июль 2009, 19:00, www.kavkaz-uzel.ru/articles/157273.

⁶⁴ «Глава Кабардино-Балкарии за принцип коллективной ответственности родственников боевиков», *Caucasus Times*, 14 январь 2011, www.caucasustimes.com/article.asp?id=20720.

Принцип автохтонности в подполье

Основу северокавказского подполья образуют джамааты. Северокавказские джамааты создаются по территориальному принципу. На Северном Кавказе исторически сложилось так, что границы населенных пунктов проходят по границам расселения отдельных этнических групп. Этим и обуславливается выраженный этнический окрас местных джамаатов. Так, до ликвидации амиров секторов ОВКБК в апреле 2011 года этнический состав джамаатов выглядел следующим образом: Баксанский джамаат, населённый преимущественно кабардинцами (Северо-восточный сектор), возглавлял амир «Абдуль Джаббар» - Казбек Ташуев – кабардинец; Чегемский район (Юго-западный сектор), населенный также преимущественно кабардинцами, возглавлял амир «Закария» - Ратмир Шамеев – кабардинец; Эльбрусский джамаат (Северо-западный сектор), населенный преимущественно балкарцами, возглавлял амир «Муса» - Хаджиев Бузжигит - балкарец. Лишь в отдельных случаях (имеются в виду большие города), когда этнический состав населения многообразен и не может быть ограничен территориальными пределами, допускается произвольная рокировка амиров. Примером может послужить Центральный сектор, который включает в себя несколько джамаатов в Нальчике и прилегающих к нему поселков (Кенже и Хасанья, Белая Речка, Вольный Аул и Адиях).

В этой обозначенной особенности заключена и сила, и слабость северокавказского подполья. Преимущество же состоит в том, что принцип автохтонности обеспечивает местным джамаатам высокую жизнеспособность. Заметим, что они создавались в условиях глубочайшего подполья, и чаще всего люди попадали в состав того или иного джамаата через родственников и знакомых. Так, например, первый вооружённый джамаат «Ярмук», созданный уроженцами Кабардино-Балкарии состоял из балкарцев, и его лидеры, балкарцы по национальности, уроженцы Эльбрусского и

Чегемского районов Муслим Аттоев, Адам Джаппуев и Аскер Джаппуев создавали его из числа своих ближайших родственников и односельчан, что в условиях Северного Кавказа означает тождественность одному и тому же этносу.

Тем не менее, у северокавказских джамаатов есть уязвимые места. И главная их слабость кроется в том, что этничность джамаатов приводит со всей неизбежностью к закрытости системы. А так как мотивы членов одних джамаатов при всех ограничениях на раздор, предписанных внутригрупповыми установками, идут вразрез с этническими интересами представителей других джамаатов, возникает питательная среда для раскола.⁶⁵ Убийство в 2011 году представителями кабардино-балкарского подполья известного черкесского общественного деятеля и ученого Аслана Ципинова вызвало недовольство черкесской части мусульманской общины, которая открыто обвиняла лидера объединенного валаята Кабарды, Балкарии и Карачая в национальных мотивах убийства авторитетного лидера черкесской общественности. Тогдашний Амир ОВКБК Аскер Джаппуев, балкарец по национальности, отрицал аргументы, выдвигаемые против него.

Обобщив вышесказанное, можно сказать, что по такому же автохтонному принципу образовывались и действуют в дальнейшем Ингушский валаят и джамааты Дагестана.

⁶⁵ Смотрите анализ Гордона Хана о возможной роли межэтнических конфликтов в расколе в ИК в августе 2010 года: Gordon M. Hahn, *Islam, Islamism and Politics in Eurasia Report*, No. 52. Раскол (фитна) преодолен в конце июля 2011 года. Смотрите Gordon M. Hahn, *Islam, Islamism and Politics in Eurasia Report*, No 50.

Система жизнеобеспечения подполья: сбор и распределение средств внутри сети

Северокавказское фундаменталистское подполье представляет собой устойчивую и независимую в финансовом плане систему, имеющую многоуровневый бюджет.

В этой связи можно выделить четыре бюджетных уровня:

- а) Бюджет Имарата Кавказ
- б) Бюджет валайатов
- в) Бюджет секторов
- г) Бюджет джамаатов

Бюджет Имарата Кавказ формируется из бюджетов валайатов, а бюджеты валайатов формируются из бюджетов секторов, а бюджеты секторов, в свою очередь, черпают средства из бюджетов джамаатов. При этом на каждом уровне имеется своя касса. Формирование бюджетов происходит за счет закята - налога на джихад, которым ваххабиты облагают бизнесменов и чиновников в республиках Северного Кавказа.

Суть системы налогообложения цинична, она основана на вымогательстве, которому руководители Имарата Кавказ придали теологическое обоснование. Сбор и распределение средств происходит по отработанной технологии взаимодействия всех подразделений Имарата. На первом этапе сбор средств осуществляется на уровне джамаатов сел. На втором этапе сбор средств реализуется на уровне секторов, на третьем - на уровне валайатов, и уже на четвертом уровне средства аккумулируются в кассе Имарата Кавказ. При этом, можно предположить, что определенный процент от собранных денег оседает на всех четырех уровнях. Кассой валайатов, секторов и джамаатов распоряжаются амиры. Это особенность идеально работает на эффективность всей системы, так как в условиях подполья и террористической деятельности финансовая независимость позволяет быстро разрабатывать и реализовывать теракты и диверсии на всех уровнях. В систему же сбора закята вовлечены все три звена. Расстановка сил при

сборе средств имеет следующую комбинацию: в сбор и отработку информации об объекте налогообложения вовлечены третье и второе звено. Однако непосредственным сборщиком закята являются люди, которые находятся на первом уровне. Они же по решению шариатского судьи валаята осуществляют казни людей, отказавшихся от уплаты налога.⁶⁶ Так, в городе Тырнауз (Кабардино-Балкария) исламские радикалы за отказ выплатить закят (налог) в размере 500 тысяч рублей убили директора учебно-спортивной базы "Ушба" Мухтара Байзуллаева.⁶⁷ Информирование об обязанности каждого мусульманина платить закят осуществляется путем тиражирования видеороликов, а также через сборщиков, которые посылают налогоплательщику видеообращение амира валаята о налоге на джихад. В случае первого отказа от уплаты налога объекту налогообложения высылается предупреждение, в случае второго отказа-бизнесмена убивают. За своевременную уплату налога бизнесмен получает гарантии неприкосновенности, а также всяческую помощь в защите его бизнеса.⁶⁸

Налог на джихад или закят, как его называют сами ваххабиты, не является изобретением северокавказских фундаменталистов. Практика обложения налогом на джихад бизнесменов издавна существует на Ближнем Востоке, широко практиковалась в Центральной Азии и во время гражданской войны в Таджикистане. В Северный Кавказ она пришла во время первой чеченской компании, но это были скорее

⁶⁶ Источник: структурное интервью, проведенное Исламом Текушевым с сотрудником МВД Кабардино-Балкарии (имя не разглашается по желанию интервьюируемого), курирующим уголовные дела в отношении лиц, задержанных по подозрению в связях с исламскими экстремистами.

⁶⁷ Источник: И. А. «Кавказский узел». «Директора учебно-спортивной базы убили за невыплату закята» 10.10.2011 <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/193834/>

⁶⁸ Источник: структурное интервью, проведенное Исламом Текушевым с сотрудником МВД Кабардино-Балкарии, курирующим уголовные дела в отношении лиц, задержанных по подозрению в связях с исламскими экстремистами.

единичные акты вымогательства, лишённые всякой системы и работающие на интересы отдельных группировок. Сложно сказать, когда данная практика была перевоплощена в систему сбора и распределения средств, работающую в интересах сети Имарат Кавказ. Однако впервые о практике закята как системе заговорили в 2010 году, когда на сайте кабардино-балкарских боевиков появились первые угрозы в адрес бизнесменов, отказывавшихся платить.

В Кабардино-Балкарии апробировалась единая система налогообложения, работающая на весь кабардино-балкарский валаят. Она была внедрена первым амиром КБК Анзором Астемировым и лишь потом, после его назначения кадием Имарата Кавказ, схема была экстраполирована и адаптирована к специфике каждой территории, где действует современное подполье. Таким образом, становится очевидностью, что теологическое обоснование практике закята в пределах Северокавказского региона дал шариатский судья, кадий Имарата Кавказ Анзор Астемиров (мусульманское имя Сайфуллах). Именно он разработал и реализовал в Кабардино-Балкарии систему налогообложения, привел в движение звенья, о которых мы говорили выше. Четкое взаимодействие этих звеньев обеспечило подполью значительный приток финансов, который укрепил подполье и расширил его ряды.⁶⁹

Фундаменталистские структуры возникают на крутом сломе социальной системы, или ее явных дефектов, когда публичные институты власти слабы и не нацелены на решение всего жизненного комплекса государственных задач, но это не означает, что общество и власть должны стать объектом манипуляций со стороны группировок, сформированных по клановому, местническому или же конфессиональному признаку. Пока же общество и власть на Северном Кавказе находятся в периоде мучительных поисков преодоления

⁶⁹ Источник: Институт религии и политики. 01.02.2010. Ислам Текушев. «Внутренние ресурсы джихада». Институт религии и политики. <http://i-r-p.ru/page/stream-event/index-25483.html>

собственных фобий перед необходимостью синтеза религии и демократии.

ТАНЗИЛА ЧАБИЕВА, МИХАИЛ РОЩИН

Конфликт поколений в ингушском исламе: суфии и салафиты

В Ингушетии острые противоречия в понимании ряда положений ислама и его обрядовой практики, дискуссии между фундаменталистами и традиционалистами стали не просто специфической формой борьбы, но и фактором религиозно-доктринального противостояния.⁷⁰ Традиционный ислам в процессе борьбы также политизируется. Наиболее конфронтационный характер приобрели отношения между тарикатистами и «ваххабитами» (чаще в последнее время называемыми салафитами). В Ингушетии представители государственных силовых структур постоянно заявляют о захваченных полевых командирах, ликвидированных ячейках боевиков, террористов, «ваххабитов». Но на практике влияние исламских радикалов не уменьшается, а противостояние их существующим порядкам становится все более ожесточенным. Наблюдение за деятельностью мусульманских общин постоянно ведут службы МВД и ФСБ, отслеживающие присутствие среди них радикально настроенных групп и лиц. В случае, если кто-то попадает под надзор как «радикально настроенный», то его ближайшее окружение так же попадает под контроль спецслужб; нередко попавший под подозрение покидает дом или уезжает за пределы республики.

У «ваххабизма» в Ингушетии есть сильные и слабые стороны. К сильным следует отнести мощный идеологический потенциал, которым «ваххабиты» привлекают целые группы. Это идеи братства, единого шариатского государства, равенства и справедливости. Но при этом четкая программа действий отсутствует. Общественные разногласия между

⁷⁰ Димаева Ф.В. Ислам в современной Чеченской республике // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. №159. М., 2003. С.

последователями и противниками «ваххабизма» подчас связаны с отсутствием специалистов, способных разобраться в исламском праве - фикхе. «Ваххабизм» не идет на диалог ни с одной традиционной религиозной общиной, и это частично подрывает его социальную базу.

Одной из особенностей борьбы с «ваххабизмом» в Ингушетии является сотрудничество государственной власти и муфтията. При этом государство несет главную ответственность за противодействие радикализму, и оно инициирует необходимые меры. Традиционный ислам длительное время развивался и направлялся самой властью. Руслан Аушев, будучи президентом республики в условиях ее становления, решительно запретил «ваххабизм». Он признавал на территории Ингушетии только традиционный ислам. Влияние государства на религиозную жизнь ингушского общества подтверждается и введением шариатских судов, преподавания «правильного» ислама в школах. Можно сказать, ислам в Ингушетии стал своего рода частью системы органов государственной власти. Нередко муллы и имамы читают работникам МВД лекции о том, как отличить «традиционный» ислам от «нетрадиционного». Гибель ичкерийского лидера Абдулхалима Сайдулаева, а впоследствии и Шамиля Басаева позволили властям на время поверить, что вооруженное сопротивление «ваххабитов» подавлено. Однако после объявления Доку Умаровым о создании «Имарата Кавказ», в Ингушетии значительно активизировались местные радикальные группировки. Ингушетия стала ареной войны между боевиками и государственными силовыми структурами, и ей предсказывали перспективу превратиться чуть ли не во «вторую Чечню». В 2007 г. столкновений стало намного больше, улицы патрулировали военные машины, воинские подразделения были размещены практически во всех районах республики. Все это свидетельствовало о действительно тяжелой ситуации. Именно в указанный период так называемые «ваххабитские чистки» в республике стали приобретать массовый характер. Спецоперации, обстрелы колонн,

нападения на сотрудников милиции происходили практически ежедневно. Все это не могло не вызывать возмущения народа. В сознании ингушского населения происходившие диверсии боевиков не воспринимались как «действия ингушского сектора Кавказского фронта». В обществе распространялось мнение о незаконном произволе, и отчасти такие общественные суждения были направлены в адрес республиканских властей. Сказывалась боязнь военных действий подобных тем, что были в Чечне. С лета 2009 г. был отменен режим контртеррористической операции в Чечне, но диверсионно-террористическая активность не снизилась, напротив, она распространилась на соседние республики - Ингушетию, Дагестан и Кабардино-Балкарию.

Лето 2009 г. выдалось в Ингушетии весьма бурным. 22 июня 2009г. примерно в 8:30 утра в кортеж президента Ингушетии Юнус-бека Евкурова врезался и взорвался моджахед-смертник на автомашине «Lexus» с московскими номерами. В результате этой атаки Евкуров был тяжело ранен и отправлен на лечение в московскую больницу. Сначала было непонятно, сможет ли ингушский президент поправиться и как быстро. Инциденты местной милиции с моджахедами происходили с завидной регулярностью в разных уголках небольшой северокавказской республики. 12 августа в собственном кабинете в правительственном комплексе в Магасе был застрелен министр строительства Руслан Амирханов, причем его убийца спокойно покинул здание правительства. Дальше больше: 17 августа в 9:00 утра во время утреннего построения милиционеров перед зданием ГУВД и РОВД в Назрани взорвалась начиненная взрывчаткой автомашина «Газель» с двумя смертниками. В результате мощного взрыва погибло свыше 20 человек, и примерно 150 было ранено. 26 августа на сайте ингушских мусульманских радикалов hunafa.com появилось видео, на котором молодой и вполне европеизированный шейх Саид Бурятский объяснял и рассказывал, как готовился взрыв перед зданием ГУВД и почему эта акция справедлива и оправдана. В конце закадровый

голос диктора сообщал, что одним из смертников-шахидов стал сам Саид Бурятский. Однако буквально через два дня представитель боевиков Ингушетии опроверг это сообщение, а 5 сентября на том же сайте hunaфа.com появилось видео-обращение Саида Бурятского, в котором он рассказал, что он жив и здоров и что концовка предыдущего видео была ошибочной. «Каждый мусульманин в свой черед станет шахидом, но только в срок, предписанный ему Аллахом. Мой еще не пришел», - говорил Саид. Двусмысленность ситуации бросалась в глаза, и срок Бурятского наступил вскоре: он был убит 3 марта 2010 в ингушском селе Экажево сразу после завершения им своей последней проповеди. А 8 сентября 2011 г., по словам сотрудников правоохранительных органов, были ликвидированы остатки подпольной группы Бурятского.

9 июня 2010 г. в ходе спецоперации правоохранительных органов был захвачен Али Тазиев, известный как «Магас», подозреваемый в нападении на Ингушетию в июне 2004 г. и организации захвата заложников в средней школе в Беслане в сентябре того же года. Реакция руководства Имарата на арест «Магаса» была шоковой. Даже обычно весьма словоохотливый сайт Кавказ-центр так и не смог внятно прокомментировать это событие, а главный лидер Имарата Доку Умаров предпочел тихо залечь на дно и отмалчиваться. Наконец, 7 июля 2010 сайт hunaфа.com опубликовал официальное заявление ингушских боевиков, в котором сообщалось о ликвидации 21 июня Тимура Арсельгова, внедренного в ряды движения тайного агента ФСБ, выдавшего «Магаса». В настоящее время Али Тазиев находится в тюрьме ФСБ Лефортово, и начало судебного процесса откладывается на неопределенное время. Следует отметить, что еще 13 августа 2009г. быстро поправившийся президент Ю. Евкуров вернулся к исполнению своих обязанностей, и постепенно волна терактов и отстрел сотрудников МВД в республике пошли на спад. Евкуров - в прошлом военный разведчик, и его старые профессиональные навыки помогают ему на новом поприще. Хотя основу воззрений «ваххабизма» составляет идея объединения «разрозненных племен» и

создание единого государства, в Ингушетии и в других северокавказских республиках «ваххабизм» стал фактически средством не сплочения, а раскола мусульман. Сегодня «ваххабизм» все так же привлекает в свои ряды молодежь республики и дестабилизирует обстановку в Ингушетии. Как следствие: не прекращаются террористические акции и жертвы.

Установившийся контроль властей и местного духовенства сдерживает распространение "ваххабизма". Но окончательно остановить процесс радикализации части населения, прежде всего, молодежи, в современных условиях недостижимо без изменения самих этих условий.⁷¹ Вследствие того, что ряды сторонников «чистого ислама», то есть салафизма, пополняет молодежь, зачастую не имеющая иной возможности самореализации, властям и обществу нужно предпринимать шаги именно в социальном направлении. Необходимо создавать новые и достойные рабочие места, ликвидировать массовую безработицу, в целом улучшить социально - экономическую жизнь населения. И, конечно, есть прямой резон принять во внимание, что уровень влияния ислама на жизнь населения в северокавказских республиках достиг высокой отметки.⁷² Нужно понимать, что религиозные гонения усиливали позиции ушедших в подполье «ваххабитов» как сначала 2000-х гг.,⁷³ так и в настоящее время. Как отмечают эксперты, сегодняшняя ситуация в Ингушетии - это принципиально новый вызов для России. Он требует иных подходов и решений, совсем не таких, какие практиковались в Чечне. Очередной проблемой в деле борьбы с радикализмом в республике является отсутствие устойчивого процесса глубокого научного исследования причин появления

⁷¹ Булатов А. Суфизм на Северо-Восточном Кавказе. История и трансформации. М., 2006. С. 112

⁷² Булатов А. О ваххабизме новой волны //Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. №78 март-апрель 2008 г. М., С. 36

⁷³ Бобровников В. Исламофобия и религиозное законодательство в Дагестане //Центральная Азия и Кавказ, 2000, №2 (8).

«ваххабизма». В основном исследователями данной проблемы являются специалисты извне. Чтобы вывести Ингушетию из сложившейся тяжелой ситуации, наряду с социально-экономическими преобразованиями требуется комплексная, совместная и планомерная работа по организации постоянного диалога молодежи и старшего поколения. Совместная неустанная работа со стороны властей республики, духовенства и гражданского общества. Необходимо не только дать молодому поколению социальную перспективу, но и приобщать молодежь к знанию своей истории и культуры, к вековым достижениям народа. Пока же данные открытых источников СМИ говорят о том, что активность боевиков в Ингушетии снова усиливается. За лето и осень 2012 г. было убито 30 и ранено 34 человека, в основном полицейских и военнослужащих. Это больше, чем в 2010 и 2011 гг. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/218986/#n2> По мнению местных аналитиков, вооруженное подполье, оправившись от понесенных потерь, действует теперь более осмотрительно и осторожно.

РАЗДЕЛ 3.

Черкесский вопрос в современной России

ИСЛАМ ТЕКУШЕВ

Олимпиада и абхазо-черкесские сюжеты

Олимпиада в Сочи, призванная мобилизовать российское общество, привела к мобилизации разного рода протестов на юге России, среди которых, пожалуй, ключевое место занимает «черкесский вопрос». Между тем, «черкесский вопрос» тесно связан с абхазской проблематикой, так как Абхазия является органичной частью «черкесского мира». Особенно ярко данное обстоятельство проявилось во время грузино-абхазского конфликта в 1992 году. Абхазы, как и адыгейцы, черкесы, абазины и кабардинцы, принадлежат к адыго-абхазской языковой группе кавказской семьи народов. Административные границы, разделившие Большой Кавказ на

Северный и Закавказье (позже Южный Кавказ), появились только в первой четверти 20 столетия. Как заметил ученый-политолог Сергей Маркедонов, это явно недостаточно для того, чтобы начать «воображать по-другому».

К тому же, воображаемая историко-географическая реальность единого «адыго-абхазского пространства» благополучно дожила и до наших дней. И если внутри самой Абхазии собственно абхазская идентичность играет доминирующую роль (и только затем речь идет об общеадыгской), то среди абхазов - потомков мухаджиров (оставивших свою землю после восстания 1866 года и после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и являющихся сегодня гражданами Турецкой Республики), «идея адыгской интеграции» значит гораздо больше.

Корни черкесской проблемы в России покоятся в оценке событий 19 века. Тогда в результате колониальной войны, которую Россия вела на Кавказе с 1763г. по 1864 г., коренные народы Западного Кавказа (убыхи, адыгейцы, черкесы, кабардинцы, абхазы и др. многочисленные племена) были выселены в различные районы Российской Империи, а значительная часть из них была насильственно изгнана в Османскую Империю. От миллионного населения Черкессии на родной земле уцелело всего 5% адыгов, остальные погибли во время кровопролитной войны, скончались от эпидемий, голода во время выселения в Турцию и другие страны Ближнего Востока.

Черкесская проблема «вырастает» из интерпретации этих трагических событий как «невольник» прошлого. Российская историография толкует Кавказскую войну как колониальную, категорически отрицая факт геноцида. В российских источниках, которые содержат свидетельства о массовых убийствах черкесского населения, действия властей называются «покорением Кавказа». Черкесы же массовое истребление адыгов (черкесов) в годы русско-кавказской войны

и их насильственное изгнание в Османскую империю интерпретируют как политический акт геноцида.

Более того, требования о признании геноцида озвучиваются черкесской общественностью многократно, и еще задолго до событий, связанных с Олимпиадой в Сочи. В этой связи, весьма любопытным документом является специальное постановление (N 977-ХІІ-В), принятое парламентом Кабардино-Балкарской Автономной Республики не так давно. Данным документом от 7 февраля 1992г. местные депутаты признали факт геноцида черкесского народа русскими завоевателями в период русско-кавказской войны. Однако и тогда, и после, несмотря на поток последовавших вслед за этим заявлением аналогичных документов, руководство России избегало широкого обсуждения беспокойного вопроса, игнорируя мнение черкесской общественности и законодательной палаты.

Лишь в 2011 году Россия признала существование самого «черкесского вопроса». Представители черкесских национальных движений, как российских, так и зарубежных, были приняты в Комитет Госдумы по международным делам. Этому способствовал ряд событий: признание геноцида черкесов в ответ на признание независимости Абхазии, выступление ряда черкесских организаций против строительства олимпийских объектов в Сочи, в местности, где происходил, полный трагизма, насильственный массовый исход черкесов в Османскую империю в период русско-кавказской войны, а также актуализация «черкесского вопроса» на международном уровне (ООН). Здесь стоит отметить, что все эти события тесно связаны с Олимпиадой 2014 года.

В ответ на «черкесскую угрозу» Россия пошла по традиционно проторенному пути: подавление черкесских протестов, дискредитацию черкесского движения, путем увязывания его с внешними факторами – интересами таких стран, как Грузия, США, Израиль. При этом, на уровне академических кругов, Россия интерпретировала черкесские протесты, как проявление экстремизма. Журналист и политолог

Яна Амелина в интервью программе «Кавказский час с Андреем Епифанцевым» («Голос России») озвучила идею создания новой идеологической концепции в отношении «черкесского вопроса». Суть последней заключается в исключении из исторического контекста черкесской проблемы. Среди первичных мер журналист предложил инициировать переаттестацию преподавателей в регионе, провести ревизию учебных курсов в ВУЗах национальных республик и исключить из учебников термин «геноцид черкесов», а также активизировать деятельность российских дипломатов в странах, где проживает черкесская диаспора.

Стоит отметить, что Абхазия сразу дистанцировалась от черкесской тематики в контексте Олимпиады. Более того, абхазские национальные активисты выступили в поддержку Олимпиады в Сочи, что, собственно, и легло в основу наметившихся между абхазским и черкесским сообществом противоречий. Раскол между абхазскими и черкесскими активистами привел к искажению роли черкесского мира в грузино-абхазском конфликте 1992-1993гг. Роль черкесов в грузино-абхазской войне минимизировалась, что не могло, в свою очередь, не вызвать возмущений черкесского мира, оказавшего не только военную, но и широкую политическую, и экономическую поддержку абхазам во время антимилитаристского противостояния с Грузией. Неизвестно, был связан ли этот процесс с некими манипуляциями со стороны Москвы или же позиция абхазов в данном вопросе регламентировалась исключительно политической рациональностью? Как бы то ни было, актуализация «черкесского вопроса» в контексте Олимпиады в Сочи, ловко была отыграна всеми игроками, использующими «черкесский вопрос» в своих геополитических целях.

Обобщив предоставленную информацию в целом, можно сделать очевидные выводы. В первую очередь, актуализация «черкесского вопроса» в контексте проведения Олимпиады в Сочи стала удобным инструментом для реализации своих

геополитических проектов таких игроков, как Грузия и Россия. В историческом контексте наиболее значимым итогом негласного «политического пасьянса» между Грузией и Россией вокруг Олимпиады в Сочи стал раскол между черкесским миром и абхазским государственным проектом. Данное обстоятельство заложило основу для снижения активности черкесов в абхазском направлении. Больше того: уникальное культурное абхазо-черкесское пространство, сохранявшее свое единство веками, несмотря на разные негативные исторические события, сегодня оказалось расколотым.

Произошла трансформация и самого черкесского движения. Олимпиада обнажила существующие в черкесском мире скрытые противоречия. Зимние Олимпийские игры в Сочи в 2014 году стали фактором мобилизации исторической памяти черкесов о геноциде, что вызвало, с одной стороны, мобилизацию черкесского движения, а с другой - раскололо это движение на два лагеря. Его геополитизация, вовлечение в черкесские дела третьей стороны, в первую очередь - Грузии, привела к дистанцированию от вопросов признания геноцида целого ряда российских черкесских организаций. В большей степени это касается близких к официальным властям общественных организаций на Северном Кавказе (Хасэ).

Так, одни черкесские организации выступили против Олимпиады как таковой, при этом формулировали требования вокруг вопроса о признании геноцида неуклонно и жестко, другие же общественные организации «обозначились» за проведение Олимпиады, однако при этом, выдвинули робкое требование, скорее всего пожелание, включить «черкесский сегмент» в олимпийскую программу.

При этом также подверглась ревизии общая историческая память абхазов и черкесов о геноциде. Здесь политтехнологами был внедрен тонкий и удобный для возникновения противоречий между двумя этносами исторический сюжет. Он касается Красной поляны - символа единого абхазо-черкесского

сопротивления во время Кавказской войны 19 века России. Красная поляна расположена на территории, где Россия создала ряд олимпийских объектов. Она имеет непреходящее историческое значение для черкесов и абхазов, так как именно здесь, в местечке Кбаада, был погашен последний очаг сопротивления черкесского мира российскому самодержавию.

На уровне академических кругов был инициирован спор об историческом праве на данную территорию. Так, по мнению абхазов, Красная поляна была частью абхазского княжества, в то же самое время черкесы рассматривают Красную поляну, впрочем, также как и Абхазию, как составную часть единого черкесского мира. Таким образом, главный сюжет черкесских протестов намеренно выводится из контекста, с целью лишения черкесов собственно самого права на претензии вокруг Олимпиады.

Нужно признать, что Грузия талантливо обыграла данную ситуацию, признав геноцид черкесов. Маргинализация «черкесского вопроса», с одной стороны, утрата черкесским миром главного союзника, возможно единственного союзника на территории Большого Кавказа в лице абхазов, принудила часть черкесских активистов, выступающих за признание геноцида, откликнуться на северокавказские инициативы Грузии, которая до этого момента считалась врагом черкесского мира в связи с грузино-абхазским конфликтом. Обратившись к исторической памяти черкесов, признав геноцид России против черкесского мира, Грузия усилила противоречия между черкесами и абхазами, с другой же стороны - она усилила напряженность вокруг Олимпиады.

В Грузии был создан Черкесский культурный центр. Жертвам Русско-кавказской войны был воздвигнут памятник в Тбилиси. Грузинское руководство инициировало широкий спектр учебных программ для студентов из Северного Кавказа. Герой Абхазии, черкесский активист Ибрагим Яганов, до этого заявлявший не раз, что не посетит Грузию, пока она не признает

независимость Абхазии, посетил Тбилиси и встретился с грузинскими парламентариями (<http://regional-dialogue.com>).

Наметившийся политический союз Грузии с черкесским миром вывел из игры одних из главных игроков грузино-абхазского конфликта - черкесов. Последовавшая вслед за этими событиями встреча ветеранов войны Абхазии с черкесскими активистами, в числе которых был Ибрагим Яганов, так и не смогла поставить логически выверенную точку в этом искусно запутанной интриге. Черкесский и абхазский проекты в лице реальных представителей разошлись по своим национальным квартирам. В новой системе общественных тревог черкесы, как союзники, утратили свою значимость для абхазов. Об этом в частности, на встрече в Сухуме, заявил и Ибрагим Яганов.

Еще одним фактором раскола между черкесским миром и абхазским обществом стал исламский фактор, который используется Россией для расширения своего военного присутствия на Южном Кавказе, в частности, в Абхазии, которая находится в непосредственной близости от места проведения Олимпиады. Исламизация черкесского мира, распространение ваххабизма в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, вовлеченность в вооруженное противостояние черкесов на Северном Кавказе под брендом Имарата Кавказ, талантливо используются кремлевскими политтехнологами.

14 декабря по поручению Следственного Комитета России (СКР) в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи были задержаны и принудительно доставлены в Краснодар 11 черкесских активистов, среди которых также был и Ибрагим Яганов. Согласно постановлению Следственного Комитета России, аресты проводились в рамках уголовного дела некоего террориста, «ваххабита Чернышева». Исламский фактор является весьма удобным, так как в свете обеспечения угрозы терактов позволяет оправдывать даже убийства, которые сегодня на Северном Кавказе широко применяют специальные

отряды, дислоцированные в Ставрополье (<http://www.golos-ameriki.ru/content/sochi-extremism/1813310.html>). В сущности, за каждой произвольной интерпретацией истории и за каждой формой жестокого обращения с политической и религиозной подоплекой можно найти «благородное толкование», «благородную идеологию», допускающую нарушение прав человека, которым также находят оправдание, типа «сделано во имя мира и справедливости».

Таким образом, под воздействием политических, экономических, общественных процессов вокруг Олимпийского проекта, абхазо-черкесские отношения подвергаются серьезной ревизии. Некогда единое абхазо-черкесское духовное пространство оказалось расколотым на множество сюжетов.

ИСЛАМ ТЕКУШЕВ

Разделенный этнос

Каждый год 21 мая в Кабардино-Балкарии, Адыгее и Карачаево-Черкесии вспоминают жертв Русско-кавказской войны. В этот день, в 1864 году в легендарном урочище Кбаадэ (Краснодарский край), где сегодня располагается летняя резиденция президента России, в ознаменование победы над последними адыгскими ополченцами, наместником Кавказа великим князем Михаилом Николаевичем был проведен военный парад и отслужен торжественный молебен. Так, согласно российской историографии, закончилась колониальная война царского самодержавия на Северо-Западном Кавказе. На Северо-Восточном Кавказе война была завершена чуть ранее, в 1859 году, после пленения имама Шамиля, десятки лет оказывавшего самое ожесточенное сопротивление российскому военному колониализму на Кавказе. А все когда-то начиналось с военно-политического союза Кабарды и России, заключенного в 1557 году. Договор сей был закреплен брачным союзом - царю Ивану Васильевичу Грозному в жены была отдана дочь князя Большой Кабарды (1560г.), которую после крещения называли Марией. В то время Кабарда делилась на Большую и Малую. Последняя, умножая притеснения со всех сторон, продолжала воевать и со своими единоплеменниками, и с Россией одновременно, вовлекая в орбиту междоусобиц влиятельных и сильных соседей: Крымское ханство, Османскую империю, Иран и Россию. Так что надо понять, что даты присоединения земель, окончания военных действий и всякие иные колониальные праздники, которые имеют безусловное значение для российской истории, вовсе не так однозначно воспринимаются в сознании адыгов.

Памятник Марии, установленный в советские времена, и по сей день стоит в центре столицы Кабардино-Балкарии - Нальчике. Его очень любят демонстрировать гостям из Москвы республиканские власти как символ нерушимого

государственного единства. У памятника Марии бывший президент Кабардино-Балкарии Валерий Коков любил произнести как бы невзначай, но торжественно, сакрально устойчивую фразу: "Навеки с Россией!".

Впрочем, о том, что в республике есть те, кому не по душе исторический союз, жители Кабардино-Балкарии выяснили только в 1990-е, когда местные национал-патриоты попытались взорвать монумент. Мария, к удивлению силовиков, устояла, памятник отделался незначительными повреждениями у основания. Зато сильно пострадали здание ФСБ и расположенный неподалеку жилой пятиэтажный дом. Кстати, подавляющее большинство жителей республики именно после этих драматических событий, наконец, узнали о том, кто такая Мария и за какие заслуги ей поставили памятник.

Именно в 90-е годы появились первые черкесские общественные организации, а вместе с ними и идеи о «Великой Черкесии». Адыгские организации (Хасэ - совет по-черкесски) появились в Краснодарском крае, Адыгее, Ставропольском крае, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Они впервые и потребовали признания геноцида против черкесов со стороны России на законодательном уровне. Впервые был поставлен вопрос о национальной идентичности адыгов.

Однако, задуманные и создававшиеся как культурные центры и общества по связям с соотечественниками за рубежом, адыгские советы Северного Кавказа (Хасэ), очень быстро трансформировались в радикальные националистические организации. В начале января 1992 года съезд кабардинского народа провозгласил создание Кабардинской Республики. Апогей противостояния между властями КБР и Конгрессом кабардинского народа пришёлся на осень 1992 года, после того как Грузия ввела войска в Абхазию (абхазы - родственный адыгам этнос). В течение нескольких дней грузинский спецназ занял практически всю территорию сепаратистской республики. Конгресс кабардинского народа (ККН) высказался в поддержку абхазских сепаратистов. Началось формирование

добровольческих отрядов для участия в грузино-абхазском конфликте на абхазской стороне. ККН поддержала другая организация - Конфедерация горских народов Кавказа (КГНК).

Формирование незаконных вооруженных формирований было запрещено властями Кабардино-Балкарии. Такое решение вызвало протест со стороны радикальных кабардинских националистов, прошли столкновения активистов ККН и КГНК с милицией. В сентябре 1992 г. со стороны ККН прозвучали лозунги о выходе Кабарды из состава России и о выводе с её территории российских войск и частей спецназа. Ситуацию в Нальчике удалось разрешить лишь в октябре 1992 года после вмешательства Москвы, которая ввела войска на территорию республики. Борьба Абхазии против Грузии в 1992-1993 гг. получила поддержку и со стороны Международной черкесской ассоциации (МЧА), связывающей зарубежных черкесов с российскими единоплеменниками (около трех миллионов потомков черкесских мухаджиров сегодня живут в странах Ближнего Востока, США и Германии).

Поддержка Абхазии со стороны этих северокавказских и международных национальных организаций во многом определило победу абхазов в этой войне. Именно через различные черкесские центры Россия снабжала сепаратистскую республику оружием, боеприпасами, продовольствием. Известные чеченские полевые командиры Шамиль Басаев и Руслан Гелаев возглавляли на тот момент боевые подразделения Конфедерации горских народов, которая направляла добровольцев под защитой милиции на территорию Абхазии через территорию Кабардино-Балкарии.

В грузино-абхазском конфликте погибли десятки добровольцев из Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи и Турции. Пока адыгские национал-патриоты воевали в Абхазии, в Кабардино-Балкарии, которая по праву считалась генератором всех националистических идей, власти разогнали национальных лидеров. Путем дубляжа национальных адыгских организаций республиканские власти создали

ситуацию, при которой прежние организации ХАСЭ, МЧА сначала оказались на вторых ролях, а потом и вовсе были объявлены вне закона.

Прежняя МЧА инициировала процесс возвращения соотечественников, проживающих за рубежом из Турции, Иордании, Сирии, Ирака, Ирана, Израиля, США и Германии. На историческую родину ринулись тысячи потомков мухаджиров. Однако после вмешательства российских властей весь проект перешел в руки людей, далеких от идеи «Великой Черкесии». По словам прежних лидеров МЧА, организация полностью перешла под контроль российских спецслужб. В результате в дома, которые были построены для репатриантов (были возведены целые поселки коттеджного типа), так никто и не въехал. Переселение было сорвано.

Зарубежные адыги стали жертвой хаоса, криминала и коррупции республиканских властей. Иностранцев, имевших свой бизнес, похищали, у них вымогали деньги, их постоянно шантажировала милиция, вымогая взятки. Они не могли узаконить свое пребывание в регионе и получить российское гражданство, так как Кремль вообще отказался решать проблемы мухаджиров, поскольку в комплексе рассмотрение этого вопроса требовало кардинального пересмотра итогов Кавказской войны.

Республиканские программы по реабилитации соотечественников не работали, да и местные адыги принимали своих соплеменников не слишком тепло. Часто слышались реплики типа "понаехали тут". Кроме этого, с началом войны в Чечне адыгских мухаджиров обвинили в финансировании чеченских сепаратистов. На них фабриковали дела в ФСБ и подвергали депортации. В течение двух-трех лет патриотический дух зарубежных адыгов сошел на «нет». Значительное количество адыгов вернулось в страны Ближнего Востока. Романтический проект массового переселения черкесов на историческую Родину рассыпался в пух и прах при

столкновении с российской реальностью. Остались лишь горечь и разочарование.

Адыгская идея сегодня редуцировалась до фольклорных сюжетов, и лишь 21 мая адыгские общественные организации робко напоминают о себе, но уже не для того, чтобы заявить о необходимости восстановить историческую справедливость, а в продолжение той великой скорби, которую невозможно стереть с лица потомков. Также для них уже не актуален вопрос возвращения адыгских изгнанников на историческую родину, хотя коллективная память все еще цепляется за робкую надежду.

Лишь власти, когда им это выгодно, разыгрывают камерные пьесы по мотивам исторической драмы адыгов. Так, правительство Кабардино-Балкарии приняло постановление "О мерах по сохранению и развитию связей с соотечественниками за рубежом на 2006-2008 годы" (документ от 11 мая 2006 года N 142-ПП). <http://docs.cntd.ru/document/907000513>

Постановление предусматривает комплекс беспрецедентных мер по поддержке соотечественников, проживающих как в странах Ближнего Востока, так и в СНГ. В числе мер оказание содействия в получении гражданства в РФ и вида на жительство. Это региональная инициатива в сегодняшних условиях лишена малейшей правовой основы, поскольку все вопросы пребывания иностранцев в России регулируются федеральным законодательством. Республиканские власти, тем не менее, рассчитывали привлечь в республиканскую экономику зарубежный адыгский капитал, соорудив "филькину грамоту" и всучив ее простодушным черкесским общинам за пределами России на правах "взрослого" действующего закона. Но опыт прошлых лет научил зарубежных адыгов многому.

В феврале прошлого года во время визита Владимира Путина в Иорданию адыгская диаспора выдвинула российской делегации требования, включавшие упрощение процедуры предоставления иорданским адыгам вида на жительство для

проживания в РФ. Это должно было означать : безусловное право на получение российского гражданства с одновременным сохранением гражданства Иордании и право на свободное приобретение жилья, земельных участков, сельскохозяйственных угодий, коммерческих объектов на территории России.

Путин, которому в виде письма адыги планировали передать вышеуказанные требования, их так и не получил. Главы Адыгеи и Кабардино-Балкарии не решились поднять этот вопрос перед главой России. Предоставленное таким образом письмо могло омрачить ближневосточное турне президента России. Робость, проявленная северокавказскими начальниками, понятна. Что будет, если те, кто сегодня вернется на Кавказ, завтра потребуют вернуть им землю, на которой, кстати, располагается летняя резиденция президента России Владимира Путина?

Случай в Иордании показал, что доверие к родине у зарубежных адыгов подорвано, подорвано в большей степени своими же соплеменниками. К тому же Россия изменилась последние десятилетия после распада СССР, став страной, не признающей прежних ошибок и насилия над малыми народами. Русско-кавказская война и дальнейшая колониальная политика царизма, сталинские реформы разъединили навсегда некогда цельный этнический массив, разбив его на неполноценные этнические группы. И все попытки адыгов воссоединиться в круг будут разбиваться об имперскую волю, раскrojившую некогда единый этнос.

СЕРГЕЙ МАРКЕДОНОВ

«Черкесский мир» и Россия

В первый день августа 2009 года в Адыгее отпраздновали День репатрианта. Это событие собрало на площадке перед Национальным музеем в Майкопе три тысячи человек. Под «репатриантами» в Адыгее, трех северокавказских субъектах РФ (Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Краснодарском крае), а также в Абхазии понимают вернувшихся потомков мухаджиров (от арабского - «переселенцы»), вынужденных эмигрировать со своей исторической родины после событий Кавказской войны 1817-1864 гг. Краснодарский край назван в этом списке не случайно. Именно здесь 21 мая 1864 года в урочище Кбаадэ, где сегодня располагается летняя резиденция президента России, была отпразднована победа над адыгскими (черкесскими) ополченцами - последняя победа Российской империи в почти полувековой Кавказской войне. Кстати, в восточной части Кавказа (которая сегодня считается более беспокойной по сравнению с западной), военные действия прекратились в 1859 году после пленения третьего имама Дагестана и Чечни Шамиля.

Успех русского оружия в 60-е гг. XIX-го столетия в то же время стал для многих народов Кавказа и прежде всего для черкесов началом вынужденной эмиграции. Далеко не всегда отъезд адыгов за пределы исторической родины был связан с военным давлением России, поскольку нередко такое решение принималось под влиянием османских дипломатов, разведчиков и советников. Но в итоге за пределами Кавказа оказались десятки тысяч черкесов. Сегодня их численность в Турции, Сирии и Иордании оценивается примерно в 2,5 млн. человек. В наши дни получить точную оценку численности адыгских диаспор в этих государствах не представляется возможным, поскольку в проведенных там переписях данные представлялись либо по религиозному принципу (не выделяя этничность), либо по родному языку (за полтора века для

потомков адыгских мухаджиров таковым стал значительной частью турецкий или арабский).

В Адыгее же День репатрианта отмечается начиная с 1 августа 1998 года. В эту небольшую северокавказскую республику (по размерам она входит в пятерку самых маленьких субъектов РФ, ее площадь составляет всего 7,6 тыс. кв. км) 11 лет назад вернулось 35 адыгских семей (около 165 человек) из бывшего сербского автономного края Косово. Для этой группы адыгов властями было выделено 150 гектаров земли близ Майкопа. Этот прецедент репатриации адыгов на свою историческую родину стал символическим событием не только для Адыгеи, но и для всего «черкесского мира» внутри РФ, поскольку идея «великого возвращения» стала одной из ведущих в западной части российского Кавказа после распада Советского Союза. Для ее реализации в начале 1990-х гг. было принято немало законодательных актов, написано большое количество учебников, научных монографий и публицистических статей, проведена значительная работа по установлению (в некоторых случаях - восстановлению) связей с диаспорами в Турции и государствах Ближнего Востока.

На церемонии 1 августа 2009 года председатель общественного Фонда помощи репатриантам Надждед Хатам высказал мысль, что День репатрианта должен стать единым праздником для всех вернувшихся на родину адыгов не только в Адыгее, но и в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

Однако незначительная площадь Адыгеи, ее анклавное положение внутри Краснодарского края, а также относительно небольшое количество адыгов в ее национальном составе (порядка 24%) не должны никого вводить в заблуждение. После 1991 года именно это небольшое образование в составе РФ не единожды становилось «модельным» регионом для других республик и краев с адыгским (черкесским) населением. В 1990-е гг. эта республика была одним из рекорсменов по нарушениям общенационального законодательства. Здесь существовали такие нормы, как ценз оседлости для участия в

выборах высшего должностного лица республики и знание языка «титульной нации» как обязательное условие для замещения государственных должностей в республике, а также система «паритета» при формировании представительного органа республики. Согласно ей 50 % мест в Верховном Совете республики занимали адыги, а 50 % - русские, хотя доля последних в населении Адыгеи в начале 1990-х гг. составляла 68%. Начиная с пресловутого «парада суверенитетов», республиканская элита весьма активно продвигала идеи сохранения «осколка» и даже «форпоста» «адыгского мира» в западной части российского Кавказа. Следует также напомнить, что уже в период укрепления «вертикали» инициативы об укрупнении Краснодарского края за счет Адыгеи, выдвинутые в 2005-2006 гг., натолкнулись на жесткое «сопротивление материала». При этом вольнолюбивые устремления адыгов были поддержаны национальными движениями из других субъектов западной части российского Кавказа. Доказательством политической силы «черкесского мира» стало и проведение 23 ноября прошлого года Чрезвычайного Съезда черкесского народа, прошедшего в столице Карачаево-Черкесской Республики (КЧР) с активным участием представителей Адыгеи.

Особого внимания заслуживает участие представителей «черкесского мира» в грузино-абхазском конфликте. Сегодня он рассматривается по преимуществу как российско-грузинский. Однако там помимо признанной мировым сообществом Грузии, де факто Абхазского государства, а также России и США были и есть другие заинтересованные игроки, которые, как правило, оказываются вне поля зрения аналитиков и в РФ, и на Западе. Между тем, деятели различных адыгских (черкесских) национальных движений и республиканской администрации Адыгеи (при Аслане Джаримове, первом президенте республики), особенно в начале 1990-х гг., нередко солидаризировались с Абхазией скорее вопреки позиции Москвы. Те же активисты Конфедерации горских народов

Кавказа (КГНК, в котором черкесские лидеры играли ведущие роли) или ККН (Конгресса кабардинского народа) выступали с жесткой критикой российского «имперского» дискурса. При этом они выдвигали лозунг «Руки прочь от Абхазии!», когда войска Госсовета Грузии в августе 1992 года начали операцию по свержению «режима Ардзинбы». Даже официальные лидеры адыгоязычных субъектов РФ (настроенных намного более лояльно к Кремлю) в своих действиях в отношении к Абхазии демонстрировали свое «особое мнение». В 2000-е гг. парламентарии, представляющие Адыгею, Кабардино-Балкарию, Абазинский район КЧР уже действовали синхронно с российской властью. Однако, как бы то ни было, Абхазия остается предметом особой заботы российского «черкесского мира». Заметим попутно, что в самой Абхазии законодательство также поддерживает идею репатриации потомков мухаджиров (покинувших Абхазию в массовом порядке в 1866 году).

Эти жизненно важные идеи особо прописаны в Законе о гражданстве республики. Таким образом, в адыгском националистическом дискурсе (в данном случае понятие «национализм» рассматривается нами с нейтральных позиций) территория Западного Кавказа выступает важной частью идентичности. Эта земля рассматривается как часть «общеадыгского» (черкесского) мира, в котором приоритет должен принадлежать именно адыгским этническим группам.

Между тем, идея «великого возвращения» не была реализована в соответствии с представлениями националистов-романтиков ни в Адыгее, ни в других северокавказских субъектах РФ, ни в Абхазии. Если говорить о тех же репатриантах из Косово, то к 2007 году на «исторической родине» их осталось только около половины. По различным источникам, численность репатриантов в Адыгее, получивших гражданство РФ, составляет 350-500 чел., и более 1 тыс. чел. получили вид на жительство. В начале августа 2009 года в интервью информационному агентству «Регнум» известный

адыгский общественный деятель Аслан Шазо заявил, что в нынешнем году «квота на адыгов-возвращенцев увеличена до 1400 человек. Раньше она была 50 человек, и постоянно та или иная организация вынуждена была добиваться ее увеличения. То есть главным препятствием была именно квота. Требование по увеличению квоты на 2009 год выдвинуло «Адыгэ Хасэ» (влиятельное общественное объединение - С.М.), и в довольно жесткой форме. Квота была увеличена республиканским правительством (кстати, несоразмерно, на манер Ельцина - берите сколько проглотите). Но для возвращения репатриантов есть много других препятствий. Так что, на самом деле придет не так много зарубежных адыгов, хотя диаспора и решила откликнуться на эту подвижку». Схожие цифры мы видим и в других субъектах с адыгским населением. В Кабардино-Балкарию в 1990-е-начало 2000-х гг. прибыли и получили гражданство РФ около 600 человек.

Однако, вряд ли следует связывать подобные итоги с деструктивной деятельностью российских властей (что часто делают представители этнических общественных объединений). На самом деле, российское законодательство о соотечественниках не включает в это понятие черкесов-потомков мухаджиров (которые не были ни гражданами СССР, ни подданными Российской империи). Но главное препятствие - в формировании в течение полутора веков разных черкесских идентичностей внутри России, и за ее пределами (прежде всего, на Ближнем Востоке, а также в странах Европы, где потомки мухаджиров также представлены). У кавказских и заграничных адыгов, как правило, разные языки, разное отношение к религии («за бугром» не было атеистических опытов советского периода), разное восприятие России. Если для многих общественных объединений адыгов (и даже абхазов) за рубежом Россия - это продолжатель дела враждебной Российской империи, то для российских адыгов - это (что бы ни говорили националисты) - родина, с которой у многих связаны не только карьерный рост, бизнес, служба в армии, но, в первую

очередь, гражданско-политическая идентичность. Не следует забывать и высокий уровень интеграции адыгов в российское общество.

Между тем, несмотря на все отмеченные выше различия и невозможность массовой репатриации адыгов на историческую родину, российским дипломатам не следует игнорировать данную проблему. Было бы большой ошибкой отдать тему «черкесского единства» в руки тех, кто хочет ослабления российских позиций на Большом Кавказе. В этом смысле факт признания Абхазии растопил лед, существовавший ранее в среде черкесского зарубежья. Следовательно, сегодня необходима правильная расстановка акцентов на адыгском направлении, как во внутренней, так и во внешней политике, чтобы историческая травма времен Кавказской войны не была бы далее главной движущей силой в отношении «черкесского мира» РФ и диаспоры к современному Российскому государству.

ИСЛАМ ТЕКУШЕВ

Хлопонин и черкесы: попытка упрощения

27 апреля 2010 года полномочный представитель президента России в северокавказском федеральном округе Александр Хлопонин в ходе рабочего визита в Карачаево-Черкессию потребовал от местных властей соблюдать принцип паритета в подборе управленческих кадров республики. Он обвинил местные власти в том, что, ущемляя паритетное право черкесов, руководство КЧР играет на руку внешним силам, раскачивающим «черкесский вопрос» для дестабилизации обстановки на Кавказе.

«Черкесский вопрос», а если точнее, вопрос о признании многочисленных жертв во время колониальной войны царской России на Северном Кавказе, последний раз был озвучен президентом России Борисом Ельциным. Тогда по большому счету благодаря косвенному признанию трагедии черкесов во время Кавказской войны, Москве удалось разрядить обстановку в самой многочисленной черкесской республике Кабардино-Балкарии. И сегодня Москва пытается снизить градус напряженности на Кавказе частичным признанием проблемы.

О сути претензий черкесских организаций на Северном Кавказе рассказал в интервью радиостанции «Свобода» председатель общественного движения «Хасэ» Ибрагим Яганов. По его мнению, сейчас основная проблема - это земельный вопрос. Явно просматривается намерение растворить Республику Адыгея в Краснодарском крае в законодательных инициативах. Примерно такую же картину, но в более длительной перспективе, мы наблюдаем по всему не так давно созданному Северокавказскому округу. По словам Яганова, общественные организации черкесов на Северном Кавказе сегодня далеки от каких-либо единых требований. Существует обеспокоенность общей ситуацией. Именно это, по его словам, рождает призывы к объединению трех черкесских

республик, «но в рамках Российской Федерации», - подчеркивает Ибрагим Яганов.

Эксперт категорически опроверг версию о том, что за черкесским движением на Северном Кавказе стоят некие внешние силы, а также черкесская диаспора за рубежом. Особенность «черкесского вопроса» заключается в том, что, в отличие от множества этносов, которые сегодня населяют территорию Северного Кавказа, черкесы, или, как их иначе называют - адыги - являются титульным народам в трех республиках Юга России : в Адыгее, в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. Сегодня на Кавказе насчитывается более миллиона черкесов. Так называемое черкесское движение сегодня опирается на многомиллионную диаспору в Турции, Иордании и Сирии. Предки этих переселенцев покинули территорию Северного Кавказа в результате Кавказской войны 19 столетия.

Главная цель черкесских общественных организаций - воссоединение черкесов в рамках этих трех республик, возвращение зарубежных черкесов на историческую родину, на которой сегодня весьма успешно строятся спортивные олимпийские объекты. Черкесское движение с самого начала апеллирует к международному праву, не призывая к насилию. Именно это, по ее мнению, сегодня более всего претит Москве, которая расправляется с любым инакомыслием в рамках борьбы с терроризмом. По мнению зарубежного журналиста и черкесского общественного деятеля Фатимы Тлисовой, России невыгодно пробуждение «черкесского вопроса» потому, что после второй чеченской войны Россия заявляла о том, что воюет на Кавказе с международным терроризмом. И вдруг, по ее словам, появляются черкесы, которые мирными способами, не применяя насилия, пытаются добиться своих прав. В этом смысле черкесы действительно опасны, потому что разрушается миф о войне с терроризмом.

«Черкесский вопрос» сегодня представляет собой определенную тенденцию на Северном Кавказе, которая, по

мнению большинства экспертов, не представляет серьезной угрозы для федерального центра. Но вместе с тем, то, что проблема была озвучена официальным лицом, говорит о том, что ей уделяется внимание, по крайней мере, полномочным представителем президента России на Северном Кавказе. И во что выльется эта тенденция, зависит от того, как адекватно руководство страны будет реагировать на черкесские проблемы. Так считает автор множества статей о черкесском движении израильский журналист Авраам Шмулевич:

«Черкесы - единственная нация, которая все еще страдает от последствий великой Кавказской войны, которая окончилась 100 лет назад. Проблемы накапливались десятилетиями. Это объективная разделенность народа, это земельный вопрос - словом, ничего не сделано для восстановления исторической справедливости. Та величайшая трагедия, которую пережили черкесы в XIX веке, до сих пор замалчивается. Но эту проблему можно снять, если федеральный центр будет вести адекватную политику».

Сегодня из уст черкесских общественников не звучат лозунги подобные тем, что положили начало войне в Чечне. Однако политическая плоскость, в которую переходит черкесское движение, делает его лакомым кусочком для разного рода сил, имеющих собственные интересы на Кавказе. Но, по мнению большинства экспертов, внешний фактор появляется лишь тогда, когда для этого создана благоприятная почва. По мнению же большинства правозащитников, в результате применения беспрецедентного насилия в Чечне, Москва уже получила на Кавказе сеть террористических мусульманских организаций.

«Черкесский вопрос» между Анкарой и Москвой

«Черкесский вопрос» приобрел новую актуальность. Начиная с 2010 года, один за другим в Тбилиси и в турецком городе Бурса прошли черкесские конференции. В Европейском Парламенте состоялся очередной 5-й по счету «Черкесский День». Однако, кроме самих черкесских организаций, проблемами черкесов похоже всерьез заинтересовались в Москве и Анкаре. «Черкесский вопрос» наблюдается под микроскопом, хотя бы только из-за того, что ему отведена роль исследуемого X. В действительности «черкесский вопрос» разворачивается в последовательную картину. После распада СССР и восстановления коммуникативных связей между черкесами, живущими в России (Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Адыгея) с зарубежной диаспорой (Турция, Иордания, США, Европа), в черкесском обществе наметился национальный подъем, который в 1990-е гг. едва не вылился в сепаратистский проект – «Великая Черкесия». Война в Чечне и репрессивные действия региональных властей предотвратили эскалацию конфликта на северо-западном Кавказе. Сегодня черкесские национальные идеи звучат с возрастающей настойчивостью.

В основе «черкесского вопроса» лежит историческая обида черкесов на Россию, которая в результате многолетней колониальной войны на Северном Кавказе истребила значительную часть черкесского этноса. Например, в результате длительной войны прекратил свое существование черкесский субэтнос – убыхи. Черкесы утратили свои исконные территории на Кубани, также в результате войны большая часть из них подверглась изгнанию в Османскую Империю, нынешнюю Турцию, где сегодня образовалась самая многочисленная и активная черкесская диаспора.

Особенность «черкесского вопроса» на Кавказе заключается в том, что, во-первых, в отличие от множества этносов, которые сегодня населяют территорию Северного Кавказа, черкесы, или как их иначе называют, адыги, являются титульным народом в трех северокавказских республиках - Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Кроме того, черкесы рассматривают часть Ставропольского и значительную часть Краснодарского края как территории, на которые они имеют исторические права, в том числе и Красную поляну, где сегодня расположена летняя резиденция президента России.

Во-вторых, это самая многочисленная и влиятельная северокавказская диаспора за пределами России. Если на Северном Кавказе насчитывается более миллиона черкесов, то диаспоры в Турции, Иордании, Сирии, Европе и США насчитывают более 2-х миллионов человек. Самая многочисленная диаспора – турецкая, объединяет более миллиона человек. Благодаря этим особенностям «черкесский вопрос» сегодня рассматривается разными игроками на Кавказе как еще одна российская «ахиллесова пята». Это весьма определенные и влиятельные силы в Грузии, США, Турции и самой России, которые пытаются оказать на Россию давление, используя «черкесскую карту».

«Черкесский вопрос» в Грузии возник в ответ России на признание независимости Южной Осетии и Абхазии. Однако «черкесский вопрос» в арсенале грузинских политтехнологов – это лишь одна из тем, с помощью которых Грузия пытается вызвать раздражение России. Не так давно Грузия заявила о безвизовом режиме для жителей Северного Кавказа: чеченцев, аварцев, осетин и т. д. На самом деле Грузия не готова выходить за определенные политические рамки. Требования ряда черкесских обществ в России и за рубежом сводится к признанию геноцида черкесов во время Кавказской войны 1817–1864 годов. Грузия по понятным причинам этого делать

не будет. Армянская община в Грузии потребует от Грузии признать тогда и геноцид армян в Турции.

Если же говорить о Турции, поскольку на ее территории проживает самая многочисленная черкесская диаспора, превышающая по численности черкесский социум на Северном Кавказе, то естественным образом ее влияние на турецкие политические круги можно рассматривать как значительное. Еще со времен Османской империи черкесские генералы занимали высокие посты в турецкой армии и имели большой политический вес. И сегодня их потомки занимают высокие посты в руководстве турецких политических партий, а также в академических и военных кругах.

Анкара вынуждена учитывать фактор кавказско-черкесской диаспоры на турецком политическом пространстве, как и на ее территории. К тому же, черкесы в Турции представляют второй после курдского этноса этнический массив. И хотя между черкесской диаспорой и Турецкой республикой нет прямого конфликта, как в случае с курдами, «черкесский вопрос» периодически всплывает на поверхность. В отличие от Курдской рабочей партии, черкесские общественные движения толерантны и не требуют создания на территории Турции своей автономии. Но между тем черкесы сегодня требуют признать за ними статус национального меньшинства (со времен Мустафы Кемаля Ататюрка турецкие черкесы указываются в переписи населения отдельной строкой). Признав черкесов как самостоятельный этнос, Турция рискует попасть в ловушку, так как вслед за этим черкесская диаспора попросит Турцию вспомнить о причинах появления черкесов в Турции и признать поначалу факт насильственной депортации черкесов Россией в Турцию, а затем уже и поставит на повестку вопрос о признании геноцида.

Этот политический документ в свою очередь нужен черкесам для того, чтобы в будущем оказать политическое давление на Россию, с целью инициирования процесса репатриации черкесов на Северный Кавказ. Для Турции этот

шаг опасен тем, что Россия, во-первых, может инициировать переговоры с армянской диаспорой в вопросе признания геноцида армян в 1915 году. Кроме того, Россия может оказать поддержку Курдской рабочей партии, которая в Турции считается террористической организацией. Именно поэтому Турция до сих пор не приняла соответствующего документа по признанию черкесов как национального меньшинства. Черкесы же давят на Турцию через Европейские институты, указывая на нарушения их прав, на утрату их языка и культуры. Сегодня только ЮНЕСКО признает особый статус на сохранение языка и культуры черкесского народа.

Что же касается собственно черкесов в России, то их активизация связана с тем, что у черкесских организаций в России вот уже несколько лет нет никакой возможности обсудить свои проблемы с региональными и федеральными властями. С одной стороны, это недовольство зимними Олимпийскими играми в Сочи, против проведения которых именно в этих местах выступали западные черкесы (адыгейцы, шапсуги). Они обосновывают свои протесты тем, что Сочи и другие территории на северо-западе Кавказа, где проживали их предки, и где были возведены Олимпийские объекты, усеяны костями их предков. С другой стороны, восточные черкесы возмущены муниципальными земельными реформами, которые ограничивают их права на пользование пастбищными угодьями.

Длительное игнорирование Москвой этих и других вопросов привело к тому, что черкесы в России стали искать помощи за рубежом - в европейских, грузинских и американских институтах права. Еще несколько лет назад требования черкесов носили сугубо социальный и экономический характер, но благодаря нежеланию региональных и федеральных властей замечать проблемы черкесов, сегодня их требования видоизменились до уровня политических лозунгов. В их числе - требование признать геноцид черкесов.

Россия в настоящее время старается снизить степень напряженности в черкесском направлении путем малых мер. Это создание разного рода структур по вопросам репатриации, создание альтернативных черкесских организаций в Турции и России, подконтрольных Москве и Анкаре. Так, Москва внесла поправки в Указ президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 закон «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Было заявлено о создании специальной структуры по делам репатриантов.

Однако, по сути, эти меры не позволяют черкесам вернуться на Северный Кавказ с теми правами, на которые они рассчитывают. Статус репатрианта в России это не совсем то, чего добиваются те же турецкие черкесы. Ведь, по сути, они не обеспечивают процесса реституции, а ведь именно возмещения материального ущерба и хотели бы добиться черкесы через признание геноцида. Кроме того, от репатрианта требуется знание государственного языка, а именно - русского, с чем категорически не согласны черкесы, для которых родным языком является адыгский. Соответственно, черкесы требуют от России особых условий для реального возвращения на историческую родину. Среди них: упрощенная процедура предоставления черкесам вида на жительство для проживания в Российской Федерации, предоставление черкесам безусловного права на получение российского гражданства с одновременным сохранением гражданства страны проживания.

На современном этапе истории «черкесский вопрос» затрагивает интересы двух больших игроков, имеющих большой исторический опыт и военного противостояния и мирного сотрудничества на относительно небольшом жизненном пространстве Кавказа, - Турции и России. И в нынешнее время у России и Турции гораздо больше общих интересов, нежели противоречий, которые базируются на событиях многолетней давности - одиннадцать войн общей продолжительностью в 44 года. Сближению Москвы и Анкары

значительно способствовал отказ России от поддержки Курдской рабочей партии, считающейся в Турции террористической организацией. Общей проблемой двух стран становится также противостояние радикальному исламу. В этом плане у светски ориентированной Турецкой Республики накоплен значительный опыт, как и в борьбе с ультранационалистическим, так и крайне левым терроризмом. Сегодня охлаждение в американо-турецких (из-за войны в Ираке и разных подходов к курдской проблеме) и турецко-европейских отношениях (из-за приема греческой части Кипра в ЕС и отказа в приеме Турции) объективно толкает Анкару в сторону сближения с Москвой. И объятия эти могут быть взаимно и горячо распахнутыми во многих вопросах, включая, в первую очередь, вопросы экономической выгоды. Многие аналитики считают, что активизация подконтрольных Москве черкесских организаций в Турции свидетельствует о том, что Стамбул и Москва решили действовать сообща и в другом направлении: в решении «черкесского вопроса». Так, подконтрольный Кремлю президент Адыгеи Аслан Тхакушинов обратился с заявлением к участникам съезда черкесских организаций в турецком городе Бурса. Аслан Тхакушинов подчеркнул, что сегодня Россия и Турция стали стратегическими партнерами в деле обеспечения глобальной и региональной безопасности, экономического и культурного сотрудничества.

На данном съезде черкесские организации приняли решение о выходе черкесской общины из состава северокавказских общественных организаций Турции, объединяющих абхазов, чеченцев и других представителей кавказских этносов. Участники отметили, что «на черкесском народе лежит огромная ответственность по обеспечению мира, безопасности и стабильности, экономического и культурного развития России и Турции». В пояснение скажем, что много лет назад черкесская диаспора пошла на уловку Анкары и подписалась под общим названием инициативы «Кавказская

диаспора», куда вошли аварцы, абхазы, чеченцы и др., что позволяло современным образованным общинам получать различные правительственные гранты под «общекавказскую крышу». Сегодня черкесы выходят из-под этой «крыши», чтобы консолидироваться и сфокусироваться на своих проблемах. Но смогут ли они вообще договориться, учитывая разновекторность интересов?

Эффективность в решении «черкесского вопроса» в первую очередь зависит от самой черкесской диаспоры, которая далеко неоднородна в своем мнении даже в самой Турции. Значительное число турецких черкесов, в особенности молодежь, ассимилировалась и не владеет родным языком. Многие черкесы успешно интегрировались в турецкое общество, среди них и силовики, и дипломаты, и ученые. Они помнят о своей культурной идентичности, но считают себя лояльными гражданами в стране проживания.

Требования же более активной части черкесской диаспоры за рубежом сводятся к возмещению утраченных во время колониальной войны земель, а также к возмещению материального ущерба. Они надеются получить всё сполна. Предполагается объединение Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи в один регион, подъемные для репатриантов, налоговые преференции для черкесских бизнесменов, которые желают вернуться на свою историческую землю, чтобы заняться там бизнесом. Все это возможно только через реализацию проекта «геноцид».

Для российских же черкесов очевидно, что Москва никогда не пойдет на объединение этих республик, так как, во-первых, в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии проживает еще один народ – тюрки - в лице карачаевцев и балкарцев, у которых всегда существовали свои земельные претензии к Москве и к черкесам. А во-вторых, примеру черкесов могут последовать и другие этносы на Кавказе. Например, те же казаки на Кубани.

Это главное противоречие в стремлениях зарубежных и российских черкесов, которое и ставит под вопрос их общую

национальную идею. Черкесы сегодня переживают национальный подъем, появился некий элемент консолидации черкесских организаций по общенациональным вопросам. Происходит это под влиянием комплекса факторов, как внутренних, так и внешних. Есть определенные тенденции в черкесском направлении, когда черкесские организации пытаются сегодня выработать единый подход к решению своих национальных вопросов. Но долгие годы раздельного проживания черкесов как внутри России - черкесов в Адыгее, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, так и за ее пределами – в Турции, Иордании и других странах мира, наложили свой неизгладимый отпечаток на мировоззрение этих субэтносов, их отношение к своей истории, своей роли в мире.

Данная статья написана на основе интервью изданию Этноглобус

<http://www.ethnoglobus.com/index.php?l=ru&m=news&id=779>

Черкесы между исламом и Хабзэ

В декабре 2010 года в Кабардино-Балкарии было совершено очередное резонансное убийство. Неизвестные застрелили одного из крупнейших в мире специалистов по черкесской культуре и фольклору, этнографа, доктора филологических наук, профессора Аслана Ципинова. Аслан Ципинов был черкесским общественным деятелем, он имел свой взгляд на будущее своего народа. В середине декабря при схожих обстоятельствах был убит председатель Духовного управления мусульман КБР (ДУМ КБР) Анас Пшихачев.

Оба преступления объединяют схожие обстоятельства: Анас Пшихачев и Аслан Ципинов были авторитетными людьми, представителями крупных общественных институтов, которые были в конфликте с местным салафитами. Разница между Пшихачевым и Ципиновым лишь в идеях, которые они противопоставляли джихадистской идеологии. В первом случае это был традиционный ислам, а во втором - национальные традиции – адыгский этикет. Аслан Ципинов не раз получал угрозы от радикальных исламистов, которые обвиняли его в язычестве. Вот некоторые высказывания, которые радикалы ставили в вину Ципинову: "Религии приходят и уходят, нация остается". "Мы, прежде всего- адыги, а потом уже мусульмане", "да, адыги были мусульманами, но никогда не делали намаз, потому что никогда бы не встали ни перед кем на колени", "наши предки запечатали в мифах и исторической памяти все этапы развития человечества. Они выстроили четкую систему причинно-следственных связей происхождения тех или иных явлений. Не мог народ, создавший четкую картину своего мировоззрения, принять догмы ислама за непреложную истину".

Ранее акции боевиков в КБР носили несколько иной характер, чем в остальных кавказских республиках. Если в Чечне, Ингушетии и Дагестане расправы с идеологическими

противниками уже несколько лет широко практикуются, то в Кабардино-Балкарии военные акции моджахедов были направлены против местных и федеральных силовых структур. И лишь после убийства лидера местных радикалов Анзора Астемирова боевики включили в список врагов исламской революции представителей местной власти.

Обращает на себя внимание молчание нового руководства валаята Кабарды, Балкарии и Карачая. Сменивший кабардинца по национальности Анзора Астемирова карачаевец - Аскер Джапуев, комментирующий периодически все карательные акции джихадистов в республике, никак не обосновал убийство общественных деятелей. Характерна также реакция сайта «Кавказ-Центр», головного сайта Имарата Кавказ. Сообщение об убийстве дано в нейтральном тоне, убитый назван «этнографом», без каких-либо отрицательных эпитетов.

Власти Кабардино-Балкарии призвали общественность "принять этот вызов, противопоставив бандитам свою сплоченность, нетерпимое отношение к тем, кто навязывает обществу чуждые идеи "чистого ислама". "Не поддавайтесь страху, не позволяйте кому-то вершить за вас свою судьбу, - заявил глава Кабардино-Балкарии Арсен Каноков. И ранее президент КБР не раз призывал общественность сотрудничать с силовыми структурами, помогать им в выявлении подозреваемых в связях с боевиками. Молчание радикалов, с одной стороны, и воззвания республиканских властей к кабардино-балкарскому обществу, с другой стороны, породили слухи о том, что за убийством, если даже не стоят третьи силы за пределами республики, то наверняка они пытаются использовать резонансные убийства в своих целях. А именно столкнуть две идеи - национальную и исламскую, чтобы лишить подпольщиков тыловой базы и снизить жертвы со стороны военных и засланных силовиков. По мнению местных наблюдателей, мифический успех в Чечне воодушевил технологов управляемого кризиса апробировать модель

политического управления конфликтами в Ингушетии и Дагестане.

В Кабардино-Балкарии, впрочем, как и в Карачаево-Черкесии и Адыгее адыгские традиции, замешанные на светских мусульманских обычаях и адыгском этикете, можно эффективно противопоставить салафитской идеологии. Именно поэтому убийство профессора Ципинова вызвало настоящий общественный шок в черкесском социуме. Если ранее общество было индифферентно к призывам властей «дать общественный отпор террористам», то теперь, после резонансных убийств, определенная часть стала восприимчива и к более радикальным призывам. Они звучат от представителей криминалитета, который, кстати говоря, участвовал в погромах черкесских общественных деятелей, оппозиционных властям. После похорон очередного убитого боевиками милиционера или бизнесмена местные «братки» приходят к родным убиенного и предлагают помощь, которая заключается в снабжении оружием и информацией об убийце. Однако нужно признать, что население, понимая угрозу вспышки гражданской войны, до сих пор не прибегало к услугам криминала. Впрочем, как и руководство республики, которому также предлагалась помощь от местных криминальных авторитетов.

Ситуация в республике с каждым днем ухудшается. Местные силовые структуры, включая прокуратуру, возмущены бездействием федеральных силовых ведомств, игнорирующих неутешительные сводки из Кабардино-Балкарии. Глава МВД КБР в качестве новой меры борьбы с постоянными покушениями на патрульных милиционеров и участковых приказал закрыть опорные пункты милиции. Ныне опорные пункты упразднены. Посты ГИБДД после 12 ночи пусты. Дороги ночью не контролируются – проезжай хоть пьяный, хоть с грузом оружия или наркотиков. Покушение на традиционный ислам и вековые национальные устои общества выводят черкесское население Кабардино-Балкарии из

состояния фрустрации. Обществу послан недвусмысленный мессидж - хотите жить в мире? Беритесь за дело. Но как бы идея управляемого конфликта не обернулось кровавой гражданской войной.

Поэтому желание некоторых руководителей искусственно вызвать конфликт для разрешения спорной ситуации грозит серьезными последствиями, так как конфликт, особенно религиозный, можно контролировать лишь до определенного предела и после перехода конфликта на эмоциональный уровень его уже невозможно погасить. Новейшая история изобилует множеством таких фактов. Потребуется много лет и настоящая ломка сознания, чтобы уничтожить стереотипы неприязни и ненависти.

Ислам и черкесы: краткая история

Адыги(черкесы) являются очень древним кавказским народом. Языческие племена адыгов (черкесов) подвергались поверхностной христианизации в VI-VII веках византийцами, в XIII-XV веках генуэзцами и венецианцами. «Францисканские монахи проповедовали в среде черкесов католическую религию (Варзахт- один из зихских князей- принял в 1333г. римско-католическую веру, а в 1439 году зихи уже имели своего архиепископа в Матриге, а в Сибе и Лукоке - двух епископов, но большая часть черкесов исповедовала греческую систему веры»,- так описывает историю вероисповедания адыгов Иоганн Бларамберг в своей книге в 1834г. К XVI веку адыги были народом двоеверов: поверхностное христианство уживалось с сохранившимся язычеством. Исламизация Адыгеи, начавшись в XVI веке, завершилась в XVIII. Она явилась результатом доминирования на Северо-Западном Кавказе в этот период Османской империи и Крымского ханства, что обусловило распространение в Черкесии суннитского ислама ханифитского толка. Христианство было выкорчевано практически полностью: все церкви и монастыри были разрушены, христианское духовенство (шогени) истреблено. Следы христианского наследия присутствуют лишь в фольклоре. Например, сохранилась песня в честь "Марии великой, великого Бога матери", в качестве амулетов популярны кресты. Ислам, однако, также не успел пустить в Адыгее глубоких корней: не возникло суфийских орденов, шариат фактически не соблюдался. Громадную роль играли пережитки язычества и "Хабзэ"- системы национального этикета и моральных норм.

Контакты адыгов (черкесов) с Россией начались со времён Ивана Грозного(1552 г), когда некоторые черкесские роды подчинились его скипетру, а в 1560 году Иван Васильевич и вовсе сочетался браком с черкесскою княжною Марией

Темрюковной. Были нередки случаи переселения адыгских князей в Россию на службу и принятия ими православия. Адыгейцы, как и другие черкесские (адыгские) племена, населявшие регион, принимали участие в движении сопротивления кавказских горцев российской колонизации Кавказа (XVIII - середина XIX вв.). Последствия Кавказской войны (1818-1864) и, прежде всего, массовое переселение адыгов в Турцию (50-60-е годы XIX в.) сделали их меньшинством в составе населения нынешней Адыгеи.

Этот регион был сравнительно поздно освоен Россией. Его заселение русскими началось в полной мере после окончания Кавказской войны в середине XIX в. Отдельной епархии в этом регионе никогда до 1994 г. не было. Религиозная ситуация перед революцией была очень пёстрой и определялась следующими основными факторами:

1. Массовое переселение из северных районов Прикубанья кубанских казаков обеспечило им политическое и культурное доминирование в регионе. В религиозном отношении в своём большинстве они были православными, но со всем своеобразием казачьего православия - демократизмом, переходящим в анархию, большой ролью собственных традиций и фольклора.
2. Среди переселенцев с севера с самого начала были представлены далеко не только православные. И среди казаков, и среди не казаков было много старообрядцев, в основном беспоповцев, так что к началу XX в. земли, вошедшие в Майкопскую епархию, были одним из центров беспоповского старообрядчества. Кроме того, среди переселенцев с севера заметную роль играли поляки-католики, создававшие католические приходы в станицах.
3. Адыгейское меньшинство адаптировалось к российским порядкам, одновременно стремясь сохранить свою национально-религиозную идентичность.

В начале XX века юг нынешнего Краснодарского края представлял собой богатый, бурно осваиваемый, поликонфессиональный регион, в котором доминировало кубанское казачество. Церковные структуры российской православной церкви (приходы нынешней Майкопской епархии входили в Кубанскую епархию с центром в Екатеринодаре) не успели в полной мере развиваться и утвердиться, новые религиозные движения находили для себя более благоприятную почву, чем в Центральной России.

В годы революции Кубань, кубанское казачество долго и упорно сопротивлялись большевикам. Впоследствии коммунистические репрессии на Кубани были чрезвычайно свирепы. В определённой степени с целью подчинить сопротивление казаков коммунистическим порядкам советская власть в первые десятилетия своего существования опиралась на Кавказе на коренное горское население. В 1936 г. к югу от Краснодара, в районе, где сохранилось коренное черкесское население (народность адыги), была создана Адыгейская автономная область. Сами адыги (называют еще по-другому: адыгейцами) составляли (и составляют) незначительное меньшинство в этой области (с 1991 г. - республики), но она служит очагом, позволяющим этому народу сохранить свою идентичность.

В 1930-х годах в Адыгейской автономной области были закрыты и разрушены все мечети, полностью истреблено мусульманское духовенство. В отличие от некоторых других мусульманских республик Северного Кавказа, сопротивление политике насильственной атеизации было сравнительно слабым. В Адыгее не возникло подпольного ислама. В то же время, учитывая тот факт, что у адыгов национальные чувства развиты гораздо сильнее религиозных, среди них широко распространена благодарность советской власти за создание адыгской государственности и приверженность коммунистической идеологии (в её собственном понимании).

К началу перестройки на территории нынешней епархии имелось 5 православных приходов, несколько протестантских и старообрядческих общин и ни одной мусульманской. Возрождение организованной мусульманской религиозной жизни началось в 1990-1991 гг.

Съезд мусульман Адыгеи прошел в июне 1991 года в ауле Адамия (последний съезд мусульман-адыгов в советское время прошел в этом же ауле в 1925 году), на нём был образован Дин Хасэ - объединение мусульман. Съезд принял устав общины мусульман Адыгеи (позднее преобразованной в муфтият Адыгеи и Краснодарского края), следующий съезд избрал муфтия - убежденного седилами знатока ислама из аула Козет Мос Ибрагимовича Чекиба. В 1994 г. Чекиб умер. Муфтием был избран Саид Хуако, до того советник муфтия, приехавший из Сирии в 1993 г., в 1996 г. его сменили коренные жители Адыгеи Арслан Евтыхов, а в 1999 г. Эркен Шумафов. В 2002 г муфтием был избран также коренной житель Адыгеи Нурбий Емиж. В 2012 году муфтием избран Аскарбий Карданов. Такова полная галерея лиц, представивших муфтият Адыгеи, за короткое постсоветское время.

Необходимо заметить, что к началу 1990-ых годов исламская религиозность среди большинства адыгов была очень слаба: не соблюдались почти никакие требования ислама, за исключением крупнейших религиозных праздников. Громадное большинство не соблюдает намаз, диетические ограничения ислама. Построенные в последние годы мечети, по признанию самого исламского духовенства, стоят полупустые.

Между дисперсно разбросанными среди русских деревень адыгейскими аулами наблюдаются серьезные различия и во влиянии, и в понимании ислама. Бывали случаи, когда старейшины отказывались пускать мусульманских миссионеров в аулы, заявляя, что ислам им не нужен - они чтут Ленина, а не Магомета. В некоторых аулах заметны обрядовые и фольклорные заимствования из христианства. Нередки случаи, когда адыги из магических соображений крестят своих

детей. В то же время есть аулы, в которых население, хотя бы номинально, придерживается "правильного" ислама.

На возрождение ислама в республике большое влияние оказали репатрианты-адыги из стран Ближнего Востока и Косово, потомки вынужденных переселенцев времён Кавказской войны, приехавшие в Адыгею в 1990-е годы после трагических событий в Югославии. Муфтий Емиж стремился как можно шире лично познакомить общественность с исламом. Имамы часто выступают в государственных учреждениях, частных предприятиях, школах и вузах с лекциями об исламе. Регулярно Емиж выступает по республиканскому радио и телевидению. Постоянно подчеркивает в любых ситуациях свою дружбу и солидарность с архиепископом РПЦ Пантелеймоном. Он считает, что тесное взаимодействие муфтията и православной епархии в Адыгее могут быть примером для остальной России. Среди российских религиозных движений и лидеров Емиж, в отличие от других муфтиев Северного Кавказа, в первую очередь ориентировался на Равиля Гайнутдина и Совет муфтиев. При президенте Джаримове исламское возрождение во многом поддерживалось и направлялось руководством Адыгеи, проводившем политику консолидации адыгейской нации.

Одна из составляющих политики консолидации адыгейского народа - возрождение ислама. При финансовой поддержке правительства и давлении на предпринимательские структуры, побуждающем их к спонсорству, в 1991-1997 годах в аулах на территории Адыгеи было построено более 20 мечетей и одна из них - в Лазаревском Краснодарского края (в районе проживания шапсугов). Правительство республики энергично привлекало спонсоров исламского возрождения из-за рубежа. В 2000 г., в частности, на средства спонсоров из ОАЭ в Майкопе была построена соборная мечеть. В конце 90-х некоторые иностранные исламские организации, действовавшие в Адыгее, были обвинены федеральными властями в поддержке

экстремистской деятельности (в первую очередь, «Всемирный призыв») и были высланы из России.

Президент Джаримов поддерживал обучение адыгов исламу в ближневосточных странах. Несколько десятков юношей и девушек были отправлены на учебу в Турцию, Сирию и Египет. После возвращения некоторые из них столкнулись с большими проблемами, т. к. их представления сильно расходились с тем, что от них ждали земляки и с тем, что считали допустимым правоохранительные органы. В 2002 г. заключен договор с муфтием Карачаево-Черкесии об обучении студентов из Адыгеи в Исламском институте имени Абу-Ханифа в Черкесске. По словам муфтия Емижа: «Принимают без ограничения, но желающих учиться очень мало - на имамстве с голоду помрешь». Экспериментальное факультативное преподавание курса ислама в 1995-1996 гг. в Адыгейском университете окончилось провалом: не было желающих его посещать.

Президент Джаримов несколько раз собирал мусульманское духовенство республики и призывал к унификации религиозной жизни, к отказу от дорогостоящих для населения различных форм проведения религиозных праздников и обрядов, осуждал радикально-националистические и сепаратистские настроения части мусульманской молодёжи.

В 1992-2002 гг. правительство Адыгеи оказывало энергичную поддержку движению шапсугов (одно из адыгейских племён), стремящегося создать автономное образование на Черноморском побережье в районе города Туапсе (их численность 10 тыс. человек, что составляет менее 7% населения этого района).

Президент Адыгеи Хазрет Совмен проводил политику, в меньшей степени направленную на вмешательство в жизнь уммы, продолжая финансово поддерживать (в т. ч. и из личных средств) исламские организации. При президенте Совмене и муфтии Емиже кадры исламского духовенства стали

отправлять на обучение, в основном, в учебные заведения на территории России. В первую очередь, в Карачаево-Черкесию и Кабардино-Балкарию.

Исламская религиозность адыгов невысока. По данным социологического опроса 1999-2000 гг., только 35% адыгов «считают себя приверженцами ислама» (Ляушева С. А. «Эволюция религиозных верований адыгов: история и современность», Майкоп: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002, с. 151) По мнению социолога Ляушевой, громадное большинство молодёжи ориентируется либо на западные ценности, либо на традиционные адыгские, и безразлично к мусульманской пропаганде. Другие социологи подвергают сомнению полученные Ляушевой данные. По данным Р. Ханаху, 70% адыгов (для кавказского народа это самый низкий показатель) считают себя мусульманами, но только 4%, хотя бы в минимальной степени, являются практикующими мусульманами, 70% никогда не совершали намаз (Ханаху Руслан. «Исламская община сегодня» - «Вестник Адыгейского университета», 2012 №12, с. 34).

Неудивительно, что значительная часть активистов исламского возрождения, кроме репатриантов - неадыги, представители других национальностей, проживающие в республике – чеченцы, азербайджанцы, члены татарского общества "Дуслык", а также несколько (10-15) русских (наиболее известна среди них диктор телевидения Олейникова), принявших ислам. Как сказал нам один из активистов молодёжного исламского движения, преподаватель исламоведения Адыгейского университета Саид Мусаджиев: "скорее русский станет настоящим верующим мусульманином, чем адыг".

Для понимания религиозной ситуации в Адыгее необходимо отметить особую парарелигиозную роль в духовной жизни адыгейского народа "Хабзэ" (или "адыгства") - системы правил этикета и моральных норм, выработанной веками и сохранявшейся и при доминировании язычества, и при

доминировании христианства, и при доминировании ислама, и при доминировании коммунизма. Нормы "Хабзэ" организуют всю жизнь адыга - брачные и похоронные обряды, отношения в семье, обществе, на работе, приниженное положение женщины, солидарность и круговую поруку членов семье, клана, рода, всего народа, отношение к начальству и к иноплеменникам.

Другая важная составляющая нынешней религиозности адыгов - сохранение и возрождение домонотеистической магии, оккультизма, спиритизма, гаданий, знахарства, ворожбы, "экстрасенсорики" и т. п. Языческая мифология у адыгов на практике почти не проявляется. Хотя кое-где почитают священные рощи, холмы, родники.

Значение "Хабзэ"- адыгства и языческой магии прекрасно видно по публикациям, вышедшим после 1990 г. Изданы десятки книг, брошюр, статей о "народной медицине", обычаях, "Хабзэ" - адыгстве, поверьях и сказаниях. В одной из таких работ (Р. Х. Савб "Мудрость адыгского этикета", Майкоп, 1995 г.), например, утверждается, что свод моральных заповедей, которым руководствуются адыги, аналогичный библейскому Декалогу, содержится в устной традиции "Хабзэ" (а не в исламе). Некоторые видные представители адыгской интеллигенции высказывают озабоченность тем, что ислам может девальвировать ценности традиционной адыгской культуры (Асфар Куёк, Марат Губжоков), и считают экспансию ислама опасной для адыгейского народа и призывают вернуться к традиционным «национальным ценностям».

Среди адыгейской интеллигенции появились популяризаторы и пропагандисты адыгейского язычества во всей его полноте - с его мифологией и забытыми обрядами (Айдомир Зафесов и Нурбий Лафпоче из Гуманитарного института, писательница Эмилия Шеуджен), но до сих пор это движение не имеет организации, не предпринимаются попытки кодификации возможного будущего учения. В школах республики детей знакомят с национальным эпосом и Хабзэ.

Хранителем и пропагандистом Хабзэ в 2000-е годы стала общественная организация Адыгэ Хасэ (Черкесский конгресс). Адыгэ Хасэ отстаивает общественные и политические интересы адыгейского народа, его культурную самобытность, но идейная платформа – Хабзэ. В интервью авторам глава Адыгэ Хабзэ Адам Богос 15.10.2012 таким образом охарактеризовал идеологию Адыгэ Хасэ (господствующее среди адыгов мировоззрение): «Хабзэ выше религии. Он объединяет все духовные традиции адыгов - ислам, христианство и язычество. Все они неотделимы от адыгской культуры. В Адыгэ Хасэ представлены два аула адыгов-христиан, расположенные в Осетии. Но все же, основная религия, спланивающая адыгов – ислам. Адыгский ислам – особый. Горские традиции для нас выше шариата. Например, адыгские женщины никогда не прячут лицо, мы едим свинину и храним некоторые обычаи, оставшиеся нам от христианства». До конца нулевых годов адыгских активистов вполне устраивал муфтий Емиж. Емиж тесно сотрудничает и легко находит взаимопонимание с властями республики и с активистами Адыгэ Хасэ. На заседаниях руководства Адыгэ Хасэ Емиж заявлял, что Всевышний создал адыгов адыгами и долг адыгов развивать свое адыгство.

В последние годы авторитет Емижа стал падать. Те особенности руководства Емижа, которые считались его достоинствами ранее – полная лояльность властям, не критическое отношение к Хабзэ, бесконфликтные отношения с православной епархией - стали вызывать среди адыгской общественности недовольство. Отсутствие у него духовного образования, которое ранее ни у кого не вызывало нареканий, стали ставить ему в упрек.

Главная причина этого – разрушение норм традиционного, патриархального общества, которые консервирует Хабзэ, и которые имеют своего удобного исламского партнера в емижевском муфтияте. Адыгской молодежи претит соблюдать традиционные горские нормы, а ориентированный на них ислам

в версии нынешних официальных имамов не находит в их сердцах отклика.

В середине 2000-х годов в Адыгее возникает салафитское движение, противопоставляющее себя умеренному официальному муфтияту. Джамаат в Адыгее впервые заявил о своем радикализме в 2009 г., когда был расстрелян милицейский пост на границе Адыгеи с Краснодаром, совершенный «эмиром ваххабитов Адыгеи». Тогда же стало известно об участии такой знаковой фигуры, как Мурата Ристова, чемпиона мира по боевому самбо, в одном из джамаатов радикального толка.

В то же время становятся все более заметными переходы адыгов в православие и протестантизм. Социологи отмечают, с другой стороны, у некоторой части молодежи рост прозападных, секулярных настроений, отрицание Хабзэ и организованной религиозности. В новых условиях активистам «Черкесского конгресса» и другим националистически ориентированным деятелям стал требоваться более авторитетный лидер мусульман, чем Емиж. Постепенно в этих кругах наибольшим авторитетом стал пользоваться имам аула Мафахабель Мухамед Хасани. Аул Мафахабель создан специально для адыгов-переселенцев из Косово, только ими и заселен. Мухамед Хасани возглавляет в ауле и светскую, и духовную власть – он и глава поселения, и имам. По отзывам активистов «Черкесского конгресса», Хасани – профессионально образованный богослов, удачно сочетающий приверженность исламу и национальным традициям.

26 ноября 2012 г. мусульмане Краснодарского края и Адыгеи избрали нового муфтия Аскарбия Карданова в ходе отчетно-выборного съезда. Карданов – компромиссная фигура, удовлетворившая и властные кланы, и «Черкесский конгресс» и бюрократию муфтията.

Черкесам «шьют» экстремизм

В декабре 2013 года по поручению Следственного Комитета России (СКР) в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи были задержаны и принудительно доставлены в Краснодар 11 черкесских активистов. Одновременно сотрудники Центра по противодействию экстремизму провели в их домах и квартирах обыски. Спустя некоторое время большинство активистов были отпущены, за исключением героя Абхазии – Ибрагима Яганова.

Аресты черкесских активистов сразу в нескольких регионах юга России вполне укладываются в сложившуюся систему репрессивных мер по подавлению любых форм протеста вокруг Олимпиады в Сочи. Им предшествовал разгон экологов и местных жителей, недовольных размером компенсаций за отнятые в районе олимпийских строек земельных участков, гей-парады и многие другие выступления. Все эти формы протестов, в числе которых и черкесский, с самого начала искусственно маргинализировались властью. На это были брошены силы российских историков, авангард политических деятелей, СМИ.

«Черкесский вопрос» активно педалировался последние несколько лет именно в контексте проведения сочинской Олимпиады, а черкесские активисты неоднократно заявляли о необходимости включения черкесского компонента в культурную программу Олимпиады. Их общие заявления никогда не выходили за рамки требований относительно сохранения единого культурного пространства.

Однако «черкесский вопрос» значительно политизировался во многом благодаря Грузии, которая в свете Олимпийских игр признала геноцид черкесов. Этот политический шаг Грузии, который до сих пор вызывает споры в самой Грузии относительно его оправданности, как мы сегодня видим,

продолжает оказывать медвежью услугу черкесскому движению.

Последовавшие вслед за признанием геноцида контакты черкесских активистов с грузинскими НПО и официальными властями, безусловно, помогли Москве дискредитировать черкесское движение в глазах российской общественности. Сами же аресты носят скорее устрашающий характер и направлены, в первую очередь, на усмирение черкесов в период проведения Олимпиады. С этим мнением согласна и сотрудница ПЦ «Мемориал» Екатерина Сокирянская: «Это попытка оказать жесткое давление на черкесских лидеров перед Олимпиадой, а также сигнал остальным активистам, что любое публичное инакомыслие или попытки протеста в отношении Олимпийских игр будут пресечены. Эти грубые задержания и обыски (хотя никто из доставленных в Краснодар активистов не имел статуса обвиняемого), можно поставить в один ряд с давлением на экологов и некоторых независимых журналистов, работающих в Сочи. Перед играми власти пытаются заглушить голоса тех, кто может дать критическую оценку Олимпиаде».

Однако, по мнению правозащитницы, «эффект будет обратным, и теперь черкесская тема прозвучит гораздо громче. Черкесские лидеры никогда не призывали к насильственным или незаконным действиям, и продвигали не только интересы своих народов, но и озвучивали многие болезненные проблемы республик, в которых живут». Для нивелирования возникающих сомнений относительно серьезности намерений в отношении «черкесского вопроса», Москва выбрала традиционный метод запугивания и шантажа. Не случайно координатором акта устрашения избран Следственный комитет, а исполнителем - Центр по борьбе с экстремизмом. Вместе с тем, предположительно, решение о проведении захвата принималось импульсивно, сиюминутно, без особой подготовительной работы.

Черкесам не предъявили обвинения, но эпатировали в Краснодар, как особо опасных преступников. Ярким

подтверждением тому служит постановление, согласно которому следственные мероприятия, в рамках которых проводились аресты и обыски, связаны с розыском некоего «ваххабита Чернышева». Исламский фактор является весьма удобным, так как позволяет оправдать даже убийства, которые сегодня на Северном Кавказе широко применяют спецотряды. Появление же «ваххабита Чернышева» в «черкесском деле» выглядит особо нелепо в связи с тем, что черкесские национальные лидеры и представители так называемого ваххабитского подполья - злейшие враги. Ваххабиты объявили настоящую войну и ведут охоту за черкесскими активистами, так как те представляют относительную, но все же идеологическую угрозу исламистскому движению на Кавказе. Достаточно вспомнить убийство черкесского ученого-этнографа А. Ципинова. Но Москва никогда не отличалась тонкостью и изобретательностью в таких делах. Зачем придумывать велосипед, когда существуют проверенные временем методы? Нужно принять закон, и подвести под этот закон всех, кто «против». Таким законом, со множественными дополнениями к нему, стал закон об экстремизме. Именно под него, с помощью «ваххабита Чернышева», пытались подвести 11 черкесских активистов. Ключевой вопрос заключается в том, к чему приведут такие жесткие меры в отношении черкесов.

По мнению Екатерины Сокирянской, аресты черкесов могут иметь прямо противоположный эффект. «Давление на уважаемых общественных деятелей только взбудоражит общество и приведет к мобилизации и консолидации возмущенных сторонников. Именно этого власти старалась не допустить», - считает правозащитник.

РАЗДЕЛ 4.

«Кавказский меловой круг»:

зарубежные эксперты оценивают положение на Северном Кавказе

Распад Советского Союза принес значительные геополитические изменения на Большой Кавказ⁷⁴. Этот регион и по истечении двух десятилетий после этого события остается одним из наиболее нестабильных территорий бывшего Советского Союза. Роль РФ в кавказской геополитике трудно переоценить. Официальная Москва воспринимает регион как территорию особой важности для своих стратегических интересов. При этом существует интересный парадокс. Россия, претендующая на эксклюзивную роль на Южном Кавказе, стоит перед лицом многочисленных проблем и вызовов в своем собственном северокавказском регионе, тысячами нитей связанном с проблемами по другую сторону Кавказского

⁷⁴ Под «Большим Кавказом» мы понимаем здесь три независимых государства Закавказья, три частично признанные и непризнанные республики и северокавказские субъекты Российской Федерации.

хребта. И эта двойственность российской политики привлекает значительный интерес и внимание со стороны экспертов, журналистов, практиков.

В последние годы в северокавказской теме наметился еще один важный поворот. Не Чечня, Ингушетия, Дагестан сами по себе, а их восприятие «ядром России» выходит на первый план. Какова цена Северного Кавказа для РФ? Не только и не столько материальная, но и политическая. Усиливает или ослабляет страну нахождение проблемного региона в ее составе? Прибавляет ли Северный Кавказ новые возможности России в ее международной политике? В какой степени государство может доверять северокавказским региональным элитам и готовы ли жители Москвы и других центральных территорий страны воспринимать выходцев из республик турбулентного региона в качестве своих сограждан, а не «чужаков»? В какой степени эта «ахиллесова пята России» мешает ее продвижению в «Ближнем зарубежье» и на международной арене? Какие угрозы она несет для всей внутренней политики РФ? Сохраняется ли угроза распада России сегодня, после того, как выстроена путинская «вертикаль», а серьезных оппонентов ей внутри страны нет? Кто бы мог выступать бенефициарием такого распада? И не чреват ли он еще большими издержками не только и не столько для россиян, сколько для европейцев и американцев?

Вот круг вопросов, которые сегодня оказываются в фокусе «северокавказской» повестки дня. Все эти проблемы возникли не сегодня. Они формировались с того момента, как новая постсоветская Россия, едва отразив попытки реванша со стороны сторонников советского проекта, столкнулась с сепаратистским вызовом в Чечне, а затем и с многочисленными этнополитическими и религиозными проблемами в южной части страны. И за два десятилетия, прошедшие с момента распада Советского Союза, обращение к северокавказским сюжетам раз за разом происходило не только в актуально-политическом, но и в историческом контексте. Чего стоит одна лишь «черкесская проблема», значительно

актуализировавшаяся в период подготовки к проведению XXII зимних Олимпийских игр в Сочи. И все это, не говоря уже о многочисленных «войнах» исторической памяти и памятников, в которых генералы Ермолов, Засс, адмирал Лазарев и имам Шамиль из кумиров и антигероев прошлого превращаются в участников современной общественно-политической дискуссии. Только осенью 2013 года в фокус внимания СМИ и экспертов попали два характерных события по этой теме. Первое - это открытие реконструированного мемориала «Дадиярт» в Чечне, посвященного памяти жертв одного из эпизодов Кавказской войны (1819). В ответ на эту акцию, всецело поддержанную Рамзаном Кадыровым, активисты организации «Офицеры России» предложили президенту Владимиру Путину открыть памятник известному генералу императорской России Алексею Ермолову. Второе - критическое заявление главы Дагестана Рамазана Абдулатипова по поводу гимна Краснодарского края, в котором, по его мнению, содержатся признаки межнациональной розни (в тексте данного произведения есть слова «на врага, на басурманина мы идем на смертный бой»)⁷⁵.

Сегодня остроты ситуации добавляет практически повсеместный рост сепаратизма, затрагивающий и относительно стабильные и благополучные страны Евросоюза (Испания, Великобритания, Бельгия). В этой ситуации не только окраины, но и центр стараются просчитывать возможные издержки и приобретения от совместного проживания. Между тем, нахождение адекватных ответов на обозначенные выше вопросы по своему значению выходит далеко за рамки северокавказской географии. Во многом это определение российской гражданско-политической идентичности, формирование которой еще находится в

⁷⁵ О «войнах памяти» и о значении Северного Кавказа для общероссийского внутриполитического дискурса подробнее см. Маркедонов С.М. Хватит кормить кого? //Россия в глобальной политике. 2013. - № 6.

активном процессе. Разрешение кавказских головоломок - это, не в последнюю очередь, определение будущего российского государственного проекта, как во внутренней, так и во внешней политике.

Осознавая важность всех этих тенденций, информационное агентство «Medium-Orient» инициировало серию экспертных интервью «Кавказский меловой круг» (название взято от известного одноименного произведения Бертольда Брехта) с ведущими специалистами по евразийской тематике из стран Европы, США, Ирана, Турции. Эти беседы проходили не в традиционном формате диалога между журналистом и экспертом. Их вел российский кавказовед Сергей Маркедонов⁷⁶. Формат экспертной беседы предполагал открытый обмен мнениями по острым и дискуссионным проблемам. Среди участников серии интервью были и те, кто подвергал российскую политику на Северном Кавказе жесткой критике, и те, кто находил в ней рациональные и прагматические резоны. Экспертные интервью проходили с перерывами, начиная с октября 2010 года до февраля 2014. В материалах 2014 года акцент был сделан на сочинскую Олимпиаду и ее влияние на вопросы безопасности Северного Кавказа и ее возможные последствия для развития региона, а также соседних стран Закавказья.

До публикации настоящего обзора экспертных мнений «Medium-Orient» уже успешно апробировал подобный формат анализа в книге, посвященной Абхазии и этнополитической динамике в этом частично признанном образовании. «Абхазский материал» вызвал значительный интерес у

⁷⁶ В мае 2010-октябре 2013 гг. Сергей Маркедонов был приглашенным научным сотрудником Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне (округ Колумбия, США), а с февраля 2014 года – доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета.

читателей, что подтолкнуло авторов и издателей настоящей книги к публикации обзора по северокавказским проблемам⁷⁷.

⁷⁷ Abkhazia: between the Past and the Future (edited by Islam Tekushev, Sergey Markedonov and Kirill Shevchenko). Prague. 2013

СЕРГЕЙ МАРКЕДОНОВ

Террористический вызов, российский ответ, международные последствия

В последние годы Северный Кавказ и терроризм оказались буквально зарифмованными понятиями. Такие громкие теракты, как акции в Буденновске (1995), Кизляре (1996), Беслане (2004), Нальчике (2005), Москве (2010-2011), Волгограде (2013), а также сообщения о выходах из турбулентного российского региона, участвующих в конфликтах на Ближнем Востоке, способствовали формированию крайне настороженного отношения к северокавказской динамике за пределами России. Однако в выявлении причин террористической активности на Северном Кавказе нет единства мнений. Как не может их быть и в оценках российского ответа на эту угрозу.

Так, по мнению, ведущего эксперта Фонда «Наследие» («Heritage Foundation») Ариэля Козна⁷⁸, российская антитеррористическая политика в северокавказском регионе представляется однобокой: «Я не против спецопераций по нейтрализации боевиков. Но пресловутое море, в котором плавают «рыбы» - террористы, по выражению Мао Цзэдуна, надо осушать. И не только огнем. А потому вместо использования исключительно военной силы для сдерживания внешних угроз у российских границ, Кремль мог бы получить выгоду от поддержки и советов со стороны Запада и стран Ближнего Востока, о том, как нейтрализовать всю инфраструктуру исламистов. А также развенчать их пропаганду, закрыть их медресе и противопоставить им свои, прекратить обучение алимов на Ближнем Востоке и Пакистане, перехватить источники финансирования, перерезать каналы связи с глобальными террористическими организациями,

⁷⁸ Полный текст интервью доступен:

<http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20482>

запустить экономическое развитие, короче, снизить температуру кипения на своей северокавказской территории». При этом американский эксперт полагает, что «стабилизация» по-кадыровски недостаточна и поверхностна: «Недавняя атака (а интервью было опубликовано в ноябре 2010 года - С.М.) на республиканский парламент Чечни дает основания для серьезных сомнений в том, что ситуация там становится стабильной. Добавим сюда атаку на родовое село президента Рамзана Кадырова Центорой 29 августа 2010 года. Все это также заставляет сомневаться в том, что жесткие методы против подполья, практикуемые Кадыровым, приносят стабильность». Между тем, и сегодня, через три с лишним года та оценка звучит актуально. Несмотря на все сообщения о стабильности в Чечне, в 2012 году от вооруженного насилия в республике пострадало 174 человека (82 убитых), а в 2013 году жертвами стали не менее 101 человека, 39 из них убиты и 62 ранены⁷⁹.

Схожим образом оценивает российскую политику профессор из Канады (Университет Макмастер) Джон Коларуссо⁸⁰. По его мнению, Москва слишком увлечена «жесткой силой»: «Увеличение такой силы могло бы подавить всплеск насилия, но оно не решило бы местных проблем, которые беспокоят регион. В самом деле, регион сейчас находится в таком беспорядке, по большей части из-за того, что многие его проблемы просто подавлялись более чем 100 лет с использованием силы сначала в имперский, а затем в советский период. Все это не позволило выстроить здесь гармоничное общество и вразумительные политические формы. Как и большинством других горных регионов, Кавказом нельзя управлять полностью, как обычным регионом».

При этом некоторые тезисы Коларуссо можно рассматривать в качестве контраргумента для интервью Ариэля

⁷⁹ «Кавказский узел» проанализировал итоги 2013 года на Северном Кавказе: число жертв вооруженного конфликта сократилось // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/237362> 2014 - 31 января.

⁸⁰ Полный текст интервью доступен: <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20404>

Коэна. В особенности, это касается оценки подходов Кремля к Рамзану Кадырову: «Программа «чеченизации», реализованная под началом Рамзана Кадырова могла бы, в некоторой степени, рассматриваться, как стандарт для аналогичных программ повсюду в России. Но Россия должна действовать так, чтобы такие попытки служили смягчению конфликтов и реализации местного правосудия. Россия должна устанавливать стандарт для таких регионов».

Определенные расхождения среди экспертов были зафиксированы и в рассмотрении соотношения внешних и внутренних факторов, влияющих на северокавказскую террористическую динамику. По мнению Эмиля Сулейманова, преподавателя кафедры российских и восточноевропейских исследований Института региональных исследований в Карловом университете (Прага), внешние факторы не играют значимой роли на Северном Кавказе и в северокавказских беспорядках. «Причины продолжающейся политической турбулентности, в первую очередь, имеют внутреннее происхождение. С моей точки зрения дестабилизация вызвана высоким уровнем коррупции и «плохим управлением», частым злоупотреблением со стороны правоохранительных структур, nepотизмом, клиентелизмом, экономическим упадком, безработицей и общим низким уровнем местных мусульманских институтов, поддерживающих власть. Отягощенные превалированием традиционалистских организаций и институтов (кровная месть, кровнородственные связи на северо-восточном Кавказе (Чечня, Ингушетия, Дагестан), эти общественные грехи приводят к лавинообразной протестной мобилизации. И к тому, что можно назвать гражданской войной в Дагестане, Ингушетии, в некоторой степени также в Чечне и все сильнее день ото дня в Кабардино-Балкарии»⁸¹.

⁸¹ Полный текст интервью доступен:

<http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20626>

Схожим образом оценивает положение дел и известный французский востоковед Фредерик Лонге–Маркс. Согласно ее оценкам (подкрепленным опытом полевых исследований), нужно говорить не только о внутриисламском конфликте (по линии салафиты-суфии), но и о конфликте, политически окрашенном, имеющем внутренние корни: «Среди салафитов же можно найти тех, кто выступает с более умеренных позиций, и тех, кто идет на вооруженные акции. Но почти всегда положение салафитов связано с политической позицией. Как правило, это протестная позиция. Таким образом, в обоих случаях, принадлежность к суфизму или салафизму знаменует собой и политический выбор. Нельзя говорить о чисто религиозной позиции, необходимо рассматривать и толковать ее в более широком контексте, то есть и с политической, и с социальной точки зрения». По мнению Лонге–Маркс, радикализм и терроризм на Северном Кавказе и, в особенности, в Дагестане – следствие репрессивной политики властей⁸².

Сирийский эксперт Басель Хадж Джасем обращает внимание на необходимость дифференциации «арабского следа» (правительство и неформальные террористические сети) в дискуссиях о внешних влияниях на Северном Кавказе: «...Есть значительное преувеличение по поводу участия бойцов арабского Востока на Северном Кавказе. Практически во всех случаях арабские боевики, которые заявили о своем участии в делах на Кавказе, не поддерживались своими правительствами. И большинство из них у себя дома проходили по обвинению в терроризме. Так что сложно сказать, что правительства и арабские режимы, поддерживают радикализм и те экстремистские действия, что происходят на Северном Кавказе»⁸³.

⁸² Полный текст интервью доступен:

<http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=21023>

⁸³ Полный текст интервью доступен:

<http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20701>

Иного мнения придерживается американский специалист по радикальному исламу Гордон Хан. С его точки зрения северокавказский джихад является региональной версией (разновидностью) глобального революционного исламистского движения. При этом он выражает сожаление относительно недооценки этой опасности официальными кругами Вашингтона, а также односторонними оценками со стороны американских общественников: «...вопрос джихадистского терроризма американцам не очень интересен. Только активисты по правам человека и исследователи проблем терроризма обращают внимание на эту тему, особенно первые. Работа правозащитников в значительной степени односторонняя, они видят только нарушения прав человека совершенные российскими войсками, спецслужбами и местными промосковскими северокавказцами. Специалистов по джихадизму на Северном Кавказе в США практически нет. Главные американские СМИ, я имею в виду телевидение, радио, и печатные органы типа «New York Times», «Washington Post», «Wall Street Journal» вполне конкретны по поводу этого вопроса и не разрешают публикации статей об Имарате «Кавказ», о количестве терактов, совершенных северокавказскими моджахедами, об их идеологии. А также деятельности других джихадистских групп мирового джихадистского революционного движения. Я считаю, что включение амира Имарата «Кавказ» Абу Усмана - Доку Умарова в списки «международных террористов» говорит о какой-то динамике в американских подходах к вопросам Северного Кавказа. К сожалению, этот шаг не отвечает серьезности угрозы, истекающей от моджахедов Имарата «Кавказ»»⁸⁴.

Парадоксальным образом, но в оценках угрозы распространения салафитских взглядов в российском северокавказском регионе сходятся позиции американского и

⁸⁴ Полный текст интервью доступен:

<http://www.caucasustimes.com/article.asp?language=2&id=20391>

иранского специалиста. Так, профессор Технологического университета Шариф в Тегеране Сейед Джавад Мири констатирует: «Иран обеспокоен проектом «ваххабизации» мусульманского населения России, так же, как и возможностью появления нового ваххабитского государства у северных границ. Это приведет к катастрофической угрозе, которую следует предупредить. Я думаю, что Россия и Иран по этому вопросу могут согласиться, и это было бы делом большого значения для обоих государств. Проблему ваххабизма надо принять в самый серьезный расчет»⁸⁵.

Северный Кавказ в контексте российско-американских отношений рассматривает еще один эксперт из США Самуэль Чарап. При этом он подчеркивает две противоречивые стороны такого взаимодействия: «Северный Кавказ затрагивает два аспекта в более широком контексте российско-американских отношений: права человека и борьбу с терроризмом. С одной стороны, ситуация с правами человека там не может не волновать тех, кто этими проблемами занимается, включая и чиновников американского правительства. С другой стороны, очевидно, что две страны (США и РФ) имеют общий интерес в борьбе с терроризмом и радикальными исламистскими движениями, которые являются одними (из многих) факторов, влияющих на распространение насилия на Северном Кавказе»⁸⁶.

Профессор Института исследований проблем мира в Осло Павел Баев увязывает северокавказский вызов с ходом военных реформ в России: «Эскалация вялотекущей, но сложносочиненной гражданской войны на Северном Кавказе является, вне всякого сомнения, главной угрозой безопасности российского государства на ближайшую перспективу. Логично было бы ожидать, что именно эта реально стреляющая и

⁸⁵ Полный текст интервью доступен:

<http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20539>

⁸⁶ Полный текст интервью доступен:

<http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20367>

взрывающаяся угроза и будет главной доминантой военной реформы, начатой внезапным ударом и продвигаемой не просто бессистемно, но, то, что называется, «без царя в голове». Главное, что необходимо армии для ведения операций в сложнейшей этно-повстанческой и бандитско-террористической войне – это профессионализм. Он-то, в первую очередь, и оказался жертвой сердюковской реформы, и речь не только о сержантах (контрактников профессионалами считать никак невозможно), но и об офицерах, поскольку, в первую очередь, именно «кавказцы» с бесценным боевым опытом и попали под сокращения. «Никогда ты не будешь майором», - это про них как раз»⁸⁷.

⁸⁷ Полный текст интервью доступен:

<http://www.caucasustimes.com/article.asp?language=2&id=21005>

СЕРГЕЙ МАРКЕДОНОВ

Северный Кавказ в России и Россия на Северном Кавказе

Если в начале 1990-х годов Северный Кавказ рассматривался, как регион, несущий опасность сецессии, в 1991-1994 и в 1996-1999 гг., наряду с Абхазией, Южной Осетией, Нагорным Карабахом и Приднестровьем в Евразии существовало еще одно де-факто государство - Чеченская Республика Ичкерия. Однако сегодня угроза отделения исходит не только и не столько с мест, сколько из центра России. Какой бы публицистически заостренной ни выглядела метафора о «русском сепаратизме» (хотя бы по причине отсутствия структурированного общественного движения под подобными лозунгами), есть тенденции общественного мнения, которые нельзя игнорировать. Социологи фиксируют всплеск национализма, антикавказских и, в целом, антимигрантских настроений. Так, в соответствии с опросом Левада-центра, проведенным в октябре 2013 года, 52 % опрошенных респондентов так или иначе чувствуют на себе враждебность со стороны приезжих, а 59 % сами испытывают ее по отношению к мигрантам (48 % и 50 % в 2012 году, 45 % и 46 % в 2011 году). 54 % респондентов считают, что на территории России следует ограничить проживание кавказцев (42 и 39 % год и два года назад соответственно), 66 % положительно относятся к лозунгу «Россия для русских» (59 % в 2011 и 56 % в 2012 годах). 71 % опрошенных респондентов хотят перестать «кормить Кавказ» (в мае того же года - 55 %, в ноябре 2012 — 64 %, в январе 2012 — 57 %). При этом, 62 % респондентов выразили мнение, что сейчас в России возможны массовые кровопролитные

столкновения на национальной почве (по 39 % в октябре 2008 и в ноябре 2011 гг.).⁸⁸

Стоит также отметить растущую популярность «русских маршей». Если в первые годы проведения маршей их сторонники были в меньшинстве (14 % в 2006 году и 17 % в 2007 году), то в 2011 году соотношение осуждающих и поддерживающих акции почти сравнялось (соответственно 26 и 30 %). За два года число сторонников выросло в полтора раза, и к осени 2013 года они оказались в относительном большинстве — 40 % (против всего лишь 26 %).⁸⁹

Эти тенденции не ушли от взора экспертов, привлеченных к участию в серии интервью. Так, ирландский кавказовед Кевин Лихи полагает нерациональным считать, что «политика Москвы по отношению к региону будет оставаться неизменной. Вполне возможно, что будущая российская администрация может прийти к выводу, что Северный Кавказ является слишком большим бременем для государства и начать стратегический уход из региона...». По мнению этого специалиста, регион без власти России окажется не в состоянии выстроить жизнеспособную государственность. И в самом деле, скорее всего, она не будет жизнеспособной. Но в мире есть много прецедентов, когда с точки зрения государственного потенциала те или иные образования являются нежизнеспособными. Сомали, например. Где, в какой теории международного права и международных отношений сказано, что государство, чтобы существовать, обязательно должно быть жизнеспособным?»⁹⁰

По словам Павла Баева, «идея, которая набирает обороты на фоне снижения террористической угрозы, исчерпывается

⁸⁸ Левада-центр. Опрос «Россияне о миграции и межнациональной напряженности». 5.11.2013. <http://www.levada.ru/05-11-2013/rossiyane-o-migratsii-i-mezhnatsionalnoi-napryazhennosti>

⁸⁹ <http://www.levada.ru/01-11-2013/russkii-marsh-poluchil-odobreni>

⁹⁰ Полный текст интервью доступен:

<http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20974>

тремя словами «Хватит кормить Кавказ!». Слова очень опасные, но находят отклик не только среди футбольных фанатов, но и среди ОМОНовцев, которые должны этих «фанатов» держать в строгости. «Единой России», в рядах которой нерядовым членом состоит Рамзан Кадыров, сказать на эту тему нечего, а каждая покупка бразильского футболиста и каждый развеселый праздник в Грозном добавляют убедительности нелегальному слогану. Александр Хлопонин, который как-то потерялся во всех этих политических «рокировочках», не очень-то отстаивает программу наращивания инвестиций в стабилизацию региона, поскольку уже убедился, что контролировать расходование бюджетных потоков ему никто не даст. Такие анти-системные политики, как Алексей Навальный и Владимир Милов, начали активно работать с этим поворотом «кавказской темы», педалируя очевидный факт – деньги налогоплательщиков идут на финансирование криминальных структур»⁹¹.

⁹¹ Полный текст интервью доступен:

<http://www.caucasustimes.com/article.asp?language=2&id=21005>

СЕРГЕЙ МАРКЕДОНОВ

Абхазия, Южная Осетия Северный Кавказ на очереди?

Признание РФ независимости двух бывших автономий Грузии создало прецедент признания в качестве суверенных государств не союзных, а автономных республик некогда единого советского государства. Этот случай, а также анализ возможных последствий этого шага для России оказался в фокусе внимания экспертов, анализирующих динамику Большого Кавказа. По мнению шведского кавказоведа Сванте Корнелла, оба упомянутых выше случая сецессии негативно воспринимаются международным сообществом, поскольку были реализованы на основе силы и в одностороннем порядке. При этом, «продолжающееся появление новых государств будет способствовать перспективам этнополитического самоопределения не только для карабахских армян или абхазов, но и для народов Северного Кавказа в составе Российской Федерации. Эти народы уже видят признание Абхазии и Южной Осетии как важный прецедент»⁹².

Согласно оценкам румынского эксперта Юлиана Кифу, «российско-грузинская война доказала, что Россия проводит курс ревизионизма и агрессии, который не помогает ситуации на Северном Кавказе. Признание двух сепаратистских республик открывает путь автономным образованиям российского Кавказа к борьбе за независимость, создает для них прецедент. Здесь работа с национальными движениями была бы более выгодной, нежели обвинение их в радикальном исламе и в связях с международным терроризмом, который действительно пришел в регион, взяв ситуацию под свой

⁹² Полный текст интервью доступен:

<http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20968>

контроль, распространяя нестабильность и в центральной России, в самом сердце страны»⁹³.

Более нюансированная оценка звучит из уст Джона Коларуссо: «Российское признание Абхазии было сделано в контексте геополитической конъюнктуры Южного Кавказа и в контексте признания Косова. Но это признание имело место накануне приближающихся зимних Олимпийских игр в Сочи. Для черкесов Сочи имеет очень глубокое значение, как центр убыхской территории, а также черкесского сопротивления силам царизма в XIX столетии. Так, диаспора имеет сильное недовольство по поводу игр в Сочи. Если бы Россия действовала мудро, то ее признание Абхазии смогло бы создать платформу для снятия большинства, если не всех исторических обид между ней и черкесами». По мнению канадского профессора, этот ресурс Москва использовала не до конца⁹⁴.

В качестве контраргумента приведенным выше тезисам может служить оценка Гордона Хана: «Я еще не видел никакого подтверждения того, что... признание независимости Абхазии и Южной Осетии могло бы повлиять на ситуацию в Северном Кавказе. Конечно, есть некое желание объединиться у осетин по обеим сторонам российско-грузинской границы. Но, скорее всего, объединение Южной и Северной Осетий ведет их вхождению в Российскую Федерацию, а не к выходу Северной Осетии из состава России. Всплеска сепаратизма или национализма у кабардинцев, черкесов, и адыгов не видно. Некие турецкие националисты и нео-империалистические круги в Турции работают на эту тему, но сомневаюсь, что у них есть большая поддержка со стороны официальной Анкары, и что их усилия в конечном итоге увенчаются успехом»⁹⁵.

⁹³ Полный текст интервью доступен:

<http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20925>

⁹⁴ Полный текст интервью доступен:

<http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20404>

⁹⁵ Полный текст интервью доступен:

<http://www.caucasustimes.com/article.asp?language=2&id=20391>

СЕРГЕЙ МАРКЕДОНОВ

Игры в Сочи: северокавказское эхо

Зимняя Олимпиада на известном черноморском курорте спровоцировала значительный интерес к северокавказской проблематике. В отличие от предыдущих столиц летних и зимних Олимпиад (Ванкувер, Турин, Лондон, Пекин), Сочи находится в непосредственной близости к политически турбулентному северокавказскому региону (менее 200 км от Кабардино-Балкарии и порядка 100 км от Карачаево-Черкесии). При этом выбор Сочи в качестве столицы Зимних Олимпийских игр 2014 года актуализировал «черкесский вопрос». Для адыгского (черкесского) мира, разбросанного от республик Северного Кавказа (Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия) и Краснодарского края до Турции, Ближнего Востока, европейских стран и США, Сочи имеет особое значение. Именно здесь в 1861 году был учрежден Меджлис, названный «великим свободным заседанием» и призванным попыткой объединиться перед лицом наступавшей на западный Кавказ Российской империей. А через три года, 21 мая 1864 г., русские войска заняли последний очаг сопротивления черкесов на Западном Кавказе – урочище Кбаадэ.

Олимпийский контекст Северного Кавказа также оказался в фокусе внимания экспертов. Как правило, специалисты разделяют потенциально положительный эффект для экономики и инфраструктурного развития и двойственные политические последствия. При этом можно заметить одну закономерность. По мере приближения игр, скепсис в отношении возможных последствий уменьшался. Так американский эксперт Джеффри Манкофф считает, что «Сочи уже стал точкой для выражения протеста против действий российского правительства. И здесь можно говорить о широком спектре, начиная от прав сексуальных меньшинств и заканчивая кампаниями, ведущимися от имени черкесского народа, которые апеллируют к признанию трагедии, случившейся с ним

в XIX столетии во время покорения Кавказа. Эти кампании будут подогревать ситуацию»⁹⁶.

По мнению же нидерландского политолога Шарлотт Хилле, «работа, которую создают игры, даже если речь идет о краткосрочном периоде, оказывает экономическое влияние на регион, включая и Абхазию. Рабочие тратят деньги, потом их будут тратить туристы и посетители игр. Это принесет в регион, хотя бы в краткосрочной перспективе, определенные выгоды. Игры могут оказать позитивное воздействие на туристическую индустрию. Не только в краткосрочном, но и в долгосрочном плане. Это также означает, что власти будут заботиться об обеспечении стабильности и безопасности региона. Правда, неясно до конца, какой эффект это будет иметь для национальных движений Северного Кавказа, черкесского или чеченского»⁹⁷.

Британский военный эксперт Кристофер Лэнгтон полагает (а интервью было сделано в первые дни игр - С.М.), что «на сегодняшнем этапе трудно оценивать воздействие игр в Сочи на регион в целом. Однако если террористические и диверсионные группы из Северного Кавказа будут в состоянии провести какие-то свои акции на глазах всего мира, то в будущем это повлияет на дальнейшую милитаризацию региона. Но, если игры будут успешными, то есть надежда, что для России и кавказского региона это будет позитивно в более широком контексте»⁹⁸.

Таким образом, проблемы северокавказского региона продолжают оставаться одной из приоритетных проблем международной экспертной дискуссии о трансформациях постсоветского пространства. Терроризм, сепаратизм, национализм, религиозное возрождение, целостность России и

⁹⁶ Полный текст интервью доступен:

<http://www.caucasustimes.com/article.asp?language=2&id=21245>

⁹⁷ Полный текст интервью доступен:

<http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=21242>

⁹⁸ Полный текст интервью доступен

<http://www.caucasustimes.com/article.asp?language=2&id=21247>

сопредельных стран, влияние внешних факторов интенсивно обсуждаются, вызывая разные и подчас диаметрально противоположные оценки и выводы. При этом, русскоязычный читатель в массе своей не знаком с подходами зарубежных исследователей, ориентируясь, по большей части на мнения не политологов, а на политиков, дипломатов или общественников-правозащитников. В лучшем случае, черпая информацию из не вполне корректных переводов на иносми и других веб-ресурсах. В этой связи привлечение внимания к оценкам и наблюдениям ведущих зарубежных кавказоведов имеет не только важное академическое, но и прикладное значение, поскольку позволяет повысить качество диалога между российским и заграничным экспертным сообществом. В некоторых случаях, впрочем, нужно вести речь об установлении такого диалога, ибо сегодня нередки случаи, когда вместо дискуссии имеют место отдельные непересекающиеся друг с другом монологи.

РАЗДЕЛ 5.

Конфликты на Северном Кавказе в зеркале общественного мнения

Вместо вступления

За годы, прошедшие после распада СССР (конец 1991 года), Северный Кавказ часто становился эпицентром различных драматических событий, привлекая внимание общественности, политиков, экспертов и средств массовой информации. В силу целого ряда исторически сложившихся факторов, переживаемые Россией многочисленные политические и социально-экономические катаклизмы, приобретали здесь особенно затяжной, глубокий и острый характер, вступая в сложное взаимодействие с местными этнокультурными, конфессиональными и социальными особенностями. Будучи сложным и хрупким этнокультурным организмом, Северный Кавказ, населенный десятками разнообразных этносов - носителей самобытных культур и традиций, крайне восприимчив к влияниям извне и особенно болезненно реагирует на любые решения и инициативы федерального центра. Идея включения раздела с результатами социологических исследований, проведенных нами на Северном Кавказе за последние несколько лет, продиктована

несколькими причинами. Во-первых, на данный момент в России никто не занимается комплексным и системным изучением общественного мнения жителей национальных республик Северного Кавказа. Если какая-либо социологическая служба и проводит опросы в регионе, то только по заказу государственных или коммерческих структур. Информация о результатах такого рода исследований зачастую остается закрытой для общественности.

За несколько лет работы на Северном Кавказе мы собрали уникальный материал, который, на наш взгляд, будет интересен и полезен не только представителям международных организаций и средств массовой информации, но и широкому кругу экспертов, интересующихся кавказской тематикой. Данный раздел анализирует, обобщает и синтезирует результаты уникальных опросов, которые были проведены на Северном Кавказе в течении последних нескольких лет. Помимо вопросов, непосредственно связанных с социальным самочувствием жителей Северного Кавказа, вопросами безопасности, в ходе исследования выяснялись, как отношение населения к специфическим проблемам той или иной республики, так и широкому кругу вопросов, связанных с правами человека на Северном Кавказе.

КИРИЛЛ ШЕВЧЕНКО, ИСЛАМ ТЕКУШЕВ

Социологическая ретроспектива ислама на Северном Кавказе

Основательно забытые ныне классики марксизма-ленинизма уничижительно отзывались о любой религии, как об «опиуме для народа», усматривая в религиозных верованиях одно из досадных препятствий на пути человечества в счастливое будущее. Тем не менее, классики признавали колоссальную роль религии, как важного социального института, не только эффективно регулирующего социальные и нравственные отношения в обществе, но и выражающего существующие в данную эпоху ценности.

К основным функциям религии принято относить мировоззренческую, интегративную, регулятивную и компенсаторную функции, роль и значение которых меняется в зависимости от исторического контекста и особенностей той или иной эпохи. Религия, как особая форма общественного сознания, представляющая собой совокупность духовных представлений и ценностей, актуализируется и начинает играть особенно важную роль во времена потрясений и кризисов, когда традиционные представления о добре и зле, о цели и смысле жизни подвергаются кардинальному переосмыслению и переоценке. Если в Европе примерами решающего влияния конфессионального фактора на изменение социальных и духовных устоев общества являются гуситское движение в Чехии или реформация, то на Кавказе наиболее ярким примером можно считать освободительное движение горцев середины XIX в., которое в русской историографии получило название «мюридизм».

Политические и социально-экономические катаклизмы, потрясшие Россию после распада СССР в 1991 г., резко усилили роль религии, которая оказалась востребованной значительной частью населения, страдающего от духовного вакуума и занятого поисками мировоззренческой альтернативы взамен

«транзакционного мировоззрения», которая буквально сводит все человеческие отношения к купле-продаже, эквивалентному обмену, стремительно превращая людей в сообщество потребителей, живущих по законам неприкрытого социал-дарвинизма. Поскольку на Северном Кавказе все деструктивные процессы, характерные для России в целом, приобрели особенно острый, болезненный и затяжной характер, роль конфессионального фактора проявляется здесь более явственно, зримо и, вместе с тем, сложно и неоднозначно.

Культивируемые в современной России ценности общества потребления и лозунги социал-дарвинизма труднее и болезненнее всего приживаются на Северном Кавказе в силу местных традиций и особенностей менталитета. Навязываемые рекламой и СМИ высокие и заведомо недостижимые стандарты потребления в страдающем от безработицы и прочих острых социальных проблем регионе питают протестные настроения, прежде всего среди молодежи. Это находит свое выражение в падении доверия к властям и в общем росте религиозного экстремизма. Примечательно, что лексика откровенного социал-дарвинизма и примитивного экономизма нередко звучит из уст высших представителей российской власти. Так, глава образованного в начале 2010 г. нового Северо-Кавказского федерального округа А. Хлопонин в интервью газете «Известия» в январе 2010 г. сравнил Северный Кавказ с «сейфом», к которому нужно просто подобрать правильный ключ, что, по его мнению, позволит решить все проблемы. Данное сравнение ярко характеризует как систему ценностей и вектор мышления высшего российского чиновника, так и его отношение к вверенному в его управление региону.

На этом фоне, весьма красноречивым выглядит то обстоятельство, что к числу самых острых проблем северокавказского региона местное население постоянно относит социально-экономические проблемы (75 %

опрошенных) и проблему безопасности (58 % опрошенных).⁹⁹ Именно эти цифры были получены в ходе социологических опросов в столицах северокавказских республик, проведенных информационным агентством «Caucasus Times» в 2004-2006 годах.

Тяжелая социально-экономическая ситуация в северокавказском регионе является производной от действий не только федеральных, но и местных республиканских властей. По мнению ряда экспертов, капитализм на Северном Кавказе и в России в целом «не только не решил проблему вывода ряда отраслей экономики из теневого сектора, но и загнал их еще глубже в этот самый сектор, ставший куда более агрессивным и криминальным, чем в советские времена. Неслыханный размах приобрело воровство бюджетных средств на всех уровнях - от республиканских властей до крошечного госпредприятия... Трагический сюрреализм северокавказской экономики состоит в том, что ее государственная составляющая стала едва ли не самой криминализированной сферой. Местные власти непосредственно заинтересованы в поддержании высокого уровня дотационности своих республик. «Модель иждивенческой экономики выгодна нынешним правящим элитам региона, ибо она дает им мощные финансовые и иные рычаги для укрепления собственных позиций...»¹⁰⁰

Активно пропагандируемая в нынешней России западная либеральная система ценностей, благословляющая свободную конкуренцию между людьми за место под солнцем, оказалась в значительной мере контрпродуктивной, спровоцировав на Северном Кавказе «возрождение деструктивных социально-культурных кодов и поведенческих норм, принятых в патриархально-родовую эпоху, - полагают В. Дегоев и Р. Ибрагимов. - Наиболее порочные заимствования у Запада дали

⁹⁹ Текушев И. Северный Кавказ: взгляд изнутри. Северный Кавказ в зеркале общественного мнения 2004-2006. Прага. 2007. С. 6-7.

¹⁰⁰ Дегоев В., Ибрагимов Р. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию. М., 2006. С. 16.

на северокавказской почве буйные всходы, в том числе в виде нового издания старого кодекса кавказского молодечества: воровать у чужих не стыдно, а украсть миллионы средь бела дня и ни от кого не таиться - это уже джигитовка высшего класса».¹⁰¹

В этих условиях именно ислам выступает в качестве основного инструмента выражения протестных настроений и социального недовольства среди молодежи. Так, по словам Гейдара Джемалы, одного из создателей Исламской партии возрождения в России, «сегодня ислам выступает не как религия в традиционном понимании этого слова, но как всеобъемлющая политическая идеология, защищающая слабых и угнетенных». При этом, молодые приверженцы ислама на Северном Кавказе, воспринимающие его как «политическую идеологию» и орудие борьбы за свои социальные интересы, бросают вызов лояльным власти исламским традиционалистам, отвергая их конфессиональную легитимность и право представлять «истинный» ислам. Данное противоборство радикализуется и обостряется, приобретая насильственные формы и усиливая и без того колоссальный конфликтный потенциал на Северном Кавказе. Убийство муфтия Кабардино-Балкарии А. Пшихачева, потрясшее общественность республики, яркий тому пример. Всего же с 1998 г. экстремисты на Северном Кавказе совершили более 30 покушений на исламских религиозных деятелей в регионе.

Другое обстоятельство, стимулирующее население Северного Кавказа обращать свои взоры к исламу - крайне проблемные межэтнические отношения в современной Российской Федерации. По мнению многих авторитетных этнологов и социологов, в нынешней России имеет место не «плавильный котел», объединяющий многочисленные этносы России в единую общероссийскую политическую нацию, а, наоборот, процесс атомизации и отчуждения между этносами, идентичность которых начинает строиться не на

¹⁰¹ Там же. С. 28.

общегражданских ценностях, а на мифах этноцентризма и на поисках врага. Так, среди протестных надписей на подмосковных заборах по пути следования подмосковных электричек в последние годы доминируют такие агрессивные лозунги с ярко выраженной этнической окраской, как «Россия - для русских» и «Бей хачей!». Вместе с тем, в северокавказских республиках «в целом ряде учебных материалов по истории народов Кавказа, предназначенных для школьников и студентов, целенаправленно культивируются националистические идеи, а также антирусское и антироссийское видение исторических сюжетов.... Формируется некая параллельная, этноцентричная система образования и воспитания, постепенно вытесняющая общефедеральные учебные программы в области гуманитарных дисциплин».¹⁰²

Изрядную лепту в ухудшение межэтнических отношений в России вносят российские СМИ, зачастую выступающие в роли откровенных провокаторов, формирующих, укрепляющих и транслирующих отрицательные этнические стереотипы. По мнению некоторых специалистов в области политической коммуникации, «десятилетнее молчание российских СМИ о том, что жители Чечни - граждане России, способствовало укоренению представлений об этой войне, как не гражданской, а о самой республике - как о другой стране... Подобные взгляды, при своем массовом тиражировании, разрушающие не только единство информационного пространства государства, но и его территориальную целостность, были свойственны, к сожалению, и отечественным политикам...».¹⁰³ По словам одного из экспертов в области СМИ, понятие «кавказцы» имеет двойной смысл - «денотативный, указывающий на место происхождения, и коннотативный, связанный с изменившимся

¹⁰² Там же. С. 28.

¹⁰³ Манаенко Г.Н. «Образ Кавказа» в современном дискурсе российских СМИ и в общественном сознании // Медийные стратегии современного мира. Краснодар. 2010. С. 80-81.

в 1990-е гг. восприятием Кавказа в массовом сознании, которое подпитывалось давнишними комплексами, генетикой застарелых обид и стереотипов..., а также повсеместно тиражируемым словосочетанием «лицо кавказской национальности», под которым подразумевается «не наш», «чужак», часто «неприятель».¹⁰⁴

В происходящей сейчас постепенной трансформации этничности северокавказских народов, которая имеет различные формы и векторы развития, все большее место занимает отношение к исламскому фактору и к его роли в истории отдельных народов Северного Кавказа. При этом исламский фактор все заметнее выступает не только в качестве строительного материала для переделки существующих идентичностей, но и для формирования новой суперэтнической идентичности всех исламских народов Северного Кавказа, противопоставляя их соседним немусульманским народам. Именно такой инструментарий в сфере этнокультурной инженерии пытаются использовать идеологи самопровозглашенного Имарата Кавказ. Здесь следует отметить, что в некоторых случаях исламу удалось сыграть ключевую роль в формировании новой этнической идентичности, как это произошло, в частности, со славянским населением Боснии, исповедующим ислам. Специалисты полагают, что аналогичный сценарий развития реализуется сейчас и среди помаков в Болгарии, исламская конфессиональная принадлежность которых служит основанием для отрицания их принадлежности к болгарскому этносу, что демонстрируют некоторые местные интеллектуалы.

В ходе данных процессов ярко проявляется подмеченная еще Э. Геллнером особенность любого национализма, мифы которого «переворачивают реальность» и который, эксплуатируя лексику «восстановления исторической

¹⁰⁴ Сумская М.Ю. Литературно-художественные источники в формировании медиафеномена «кавказца» // Медийные стратегии современного мира. Краснодар. 2010. С. 170.

справедливости» и «защиты традиций», в действительности создает новые «высокие культуры», являющиеся «его собственными изобретениями».¹⁰⁵ Сказанное - лишь некоторые единичные примеры, иллюстрирующие сложность и многоаспектность исламского фактора на современном Северном Кавказе.

Степень влияния ислама на северокавказский социум, его роль в повседневной жизни народов Кавказа, наглядно иллюстрируют данные уникальных по своему характеру опросов общественного мнения, которые проводились информационным агентством "Caucasus Times" в столицах пяти республик Северного Кавказа, в том числе в г. Черкесск (Карачаево-Черкесия), в г. Нальчик (Кабардино-Балкария), в г. Грозный (Чечня), в г. Назрань (Ингушетия) и в г. Махачкала (Дагестан). В ходе опросов, проводившихся в течение всего 2010 г., в общей сложности было опрошено 2000 человек (по 400 человек в каждом городе).

В ходе исследования задавались вопросы о степени религиозности исламского населения различных северокавказских республик, об их отношении к другим религиям и к ваххабизму, а также об их отношении к военным акциям США в Ираке и Афганистане. Полученные данные рисуют интересную и несколько противоречивую картину роли ислама в северокавказском регионе, свидетельствуя как о значительном влиянии ислама на население (см. таблицу 1), так и о серьезных различиях между отдельными северокавказскими республиками в степени приверженности населения исламским ценностям.

Так, на Северном Кавказе 62 % опрошенных заявили о «большой» роли религии в их жизни. При этом наибольшую роль религия играет среди населения Чечни (81 %) и Ингушетии (68 %), в то время как среди жителей Кабардино-Балкарии лишь 42 % заявило о «большой» роли религии в их жизни. Сочетание данных социологических опросов с аналитическими

¹⁰⁵ Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford. 1983. P. 56-57.

материалами известных специалистов по Северному Кавказу позволяет создать многомерную картину происходящего в регионе и лучше понять тенденции дальнейшего развития Северного Кавказа.

ТАБЛИЦА 1

КАКУЮ РОЛЬ ИГРАЕТ РЕЛИГИЯ В ВАШЕЙ ЖИЗНИ? (%)

	Большую	Скорее большую	Скорее небольшую	Небольшую	Я атеист	Не знаю
Кабардино-Балкария	42	35	11	6	3	3
Чечня	81	13	1	0	3	2
Ингушетия	68	27	1	0	1	3
Дагестан	66	26	3	2	1	2
Карачаево-Черкесия	52	27	12	4	2	3
ВСЕГО	62	26	6	2	2	2

Нарушение прав мусульман

Деятельность различных джихадистских структур, все увереннее образующих параллельную систему власти в северокавказских республиках, с их лозунгом «чистоты ислама» и освобождения всего Северного Кавказа от «неверных», оказывает все более заметное влияние на умоностроения народов северокавказских республик. Так,

опросы общественного мнения в столицах республик Северного Кавказа показывают, что значительная часть населения недовольна соблюдением прав мусульман в их республиках. Если в целом на Северном Кавказе число тех, кто считает, что права мусульман не соблюдаются или «скорее не соблюдаются», составляет 24 %, то в столице Кабардино-Балкарии Нальчике это число составляет 36 %, а в столице Карачаево-Черкесии - Черкесске - 32%. Примечательно, что в республиках Западного Кавказа число недовольных соблюдением прав мусульман серьезно превышает количество недовольных в республиках Восточного Кавказа. Так, в Дагестане общее число тех, кто считает, что права мусульман в их республике не соблюдаются или «скорее не соблюдаются», составило 17%, а в соседней Чечне - 19%. (См. таблицу 2).

ТАБЛИЦА 2

СОБЛЮДАЮТСЯ ЛИ ПРАВА МУСУЛЬМАН В ВАШЕЙ РЕСПУБЛИКЕ? (%)

	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Не знаю
Кабардино-Балкария	13	35	31	5	16
Чечня	54	25	10	9	2
Ингушетия	63	17	8	5	7
Дагестан	50	27	6	11	6
Карачаево-Черкесия	20	30	28	4	18
ВСЕГО	40	27	17	7	9

Любопытно и то обстоятельство, что отношение к ваххабизму в западной части Северного Кавказа оказалось значительно более благожелательным, чем в восточной части. Возможно, что данное обстоятельство вызвано более значительными нарушениями религиозных свобод мусульман в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, о которых было сказано выше. Так, о положительном и «скорее положительном» отношении к ваххабизму заявило 39 % опрошенных в столице Кабардино-Балкарии Нальчике и 42 % в столице Карачаево-Черкесии Черкесске, тогда как в столице Чечни Грозном это число составило 9 % опрошенных, а в дагестанской Махачкале никто из опрошенных не заявил о своем позитивном отношении к ваххабизму. (См. таблицу 3). Столь низкий процент тех, кто декларирует положительное отношение к ваххабизму в восточной части Северного Кавказа, может объясняться как личным негативным опытом взаимодействия с ваххабитами, так и определенной самоцензурой и опасениями говорить правду при ответе на вопросы в ходе интервью. В любом случае, очевидно, что идеи ваххабизма имеют устойчивый круг сторонников. Более того, опросы наглядно свидетельствуют о том, что социальная база для распространения идей ваххабизма в последние годы серьезно расширилась в республиках Западного Кавказа, где степень влияния ислама традиционно значительно ниже, чем в исторически исламизированном Дагестане или в Чечне.

ТАБЛИЦА 3

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ВАХХАБИЗМУ? (%)

	Положительно	Скорее положит.	Скорее отрицат.	Отрицательно	Не знаю
Кабардино-Балкария	20	19	22	39	0
Чечня	0	9	24	62	4
Ингушетия	8	8	21	43	20
Дагестан	0	0	7	90	3
Карачаево-Черкесия	22	20	20	34	4
ВСЕГО	10	11	19	54	6

Отношение мусульман к христианству

Большой интерес представляют и ответы респондентов на вопрос об их отношении к другим религиям в северокавказском регионе, прежде всего к христианству. Именно здесь отчетливо проявились весомые различия в степени толерантности местного населения в отношении представителей иной конфессии. Так, если о своем положительном отношении к христианству заявило 82 % опрошенных в Дагестане, 48 % - в Кабардино-Балкарии и 46 % - в Карачаево-Черкесии, то в Чечне число тех, кто относится к христианству положительно, ограничилось лишь 7 % опрошенных. При этом, количество заявивших о своем отрицательном отношении к христианству, составило в Чечне почти половину опрошенных (44 %),

значительно превысив аналогичный показатель в других северокавказских республиках. В целом по Северному Кавказу о своем положительном отношении к христианству заявило 39 % респондентов, что существенно превысило число тех, кто относится к христианству отрицательно (14%). (См. таблицу 4).

ТАБЛИЦА 4

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ХРИСТИАНСТВУ? (%)

	Положительно	Скорее положительно.	Скорее отрицательно.	Отрицательно	Не знаю
Кабардино-Балкария	48	30	10	6	6
Чечня	7	20	17	44	12
Ингушетия	14	31	20	12	23
Дагестан	82	18	0	0	0
Карачаево-Черкесия	46	30	12	8	4
ВСЕГО	39	26	12	14	9

Сценарий дальнейшего развития ситуации на Северном Кавказе зависит от целого ряда факторов. Прежде всего, это способность федеральных и региональных властей выдвинуть и реализовать на практике внятную и притягательную для населения программу, способную стабилизировать обстановку в регионе и нейтрализовать действия идеологов исламского

радикализма и руководителей Имарата Кавказ. Часть экспертов полагает, что в условиях отсутствия внятной и адекватной политики федерального центра на Северном Кавказе, тут постепенно происходит «конструирование завтрашнего дня Кавказа, т.е. Кавказа без России».

Другие эксперты придерживаются прямо противоположной точки зрения, считая, что «нет безукоризненно доказательных аргументов в пользу версии о закономерной и неумолимой исторической эволюции, которая... обрекает Россию и Северный Кавказ на расставание».¹⁰⁶ Сторонники данной точки зрения подчеркивают, что, несмотря на ряд проблем, «Россия является домом для многих кавказских народов, диаспоры которых играют важную роль в общественно-политической жизни страны. Многонациональность России была, есть и будет ее достоинством и богатством, и вклад в это Кавказа трудно переоценить...».¹⁰⁷ Обе точки зрения имеют право на существование, располагая солидной доказательной базой и опираясь на весомые аргументы. Развитие ситуации на Северном Кавказе в ближайшие годы покажет, кто из экспертов прав в этом споре и останется ли Россия «домом» для кавказских народов.

¹⁰⁶ Дегоев В., Ибрагимов Р. Указ.соч. С. 5.

¹⁰⁷ Волхонский М., Муханов В. Россия на Кавказе. Пять веков истории. М., 2009. С. 5.

Конфликт идентичностей в студенческой среде

- §1 -

Иерархия реальных социальных групп в молодежной среде Северного Кавказа представлена тремя главенствующими социо-культурными общностями, влияющими на процесс самоидентификации, оказывающими прямое воздействие на поведение молодежи, что, соответственно, рождает самые неожиданные разновидности этнической, гражданской и религиозной идентификации.

Очевидно, что социальная структура молодежи неоднородна настолько, насколько неоднородно само общество. Аналогичным образом в молодежной среде, сканируя архитектуру современного (взрослого) общества, выстраиваются стратификационные группы, сообразно уровню доходов, образования, престижа. Северокавказская же молодежь, как отдельная социально-демографическая группа, представляет собой еще более сложную, стратифицированную социальную общность, так как делится еще по этническим, конфессиональным, территориальным и родовым группам. Нельзя недооценивать и степень влияния реальных социальных групп на поведенческую модель молодых людей, которая в значительной мере зависит от их статусной принадлежности и синтальности (диапазона черт, с помощью которой можно дать объективную характеристику группе).

Так, если для автохтонных народов Кабардино-Балкарии при самоидентификации первостепенным является этничность, соотнесенность с "корнями", а уж потом гражданская общность, то для русских и украинцев с абсолютно другой ментальностью все с точностью наоборот. В целом, самоидентификация представляет собой личную и сложную систему значений и связанных с нею принятий решений. Тем не менее, в любом

случае есть выбор. Независимо от того, осознают это молодые люди или нет, заметное влияние на их восприятие мира оказывает то, с какой общностью они отождествляют себя. Можно и не причислять себя ни к кому. Но для выживания в обществе, которому присуще сегрегация разных уровней, самоидентификация становится жизненной необходимостью.

Очевидно, что социальные патологии современного общества в большей степени отражаются на социальном самочувствии молодежи. К этим патологиям следует отнести высокий уровень девиантности, делинквентности и суицидальности, экстремизма и жестокости, низкий уровень культуры, образованности, воспитанности и патриотизма.

Кроме того, не может не вызывать тревоги и тот факт, что диктуя молодым людям особенное социальное поведение, радикальные сообщества все чаще разделяют молодежь на подгруппы, чьи интересы часто не совпадают, что наглядно отслеживается на примере противоречий между молодыми людьми разных национальностей, представителями различных религиозных течений. В ответ на широкий спектр вызовов и негативных событий молодые люди в Кабардино-Балкарии мечутся, перекраивая самих себя, отторгают прежние системы ценностей, настойчиво предлагаемые родителями.

Студенческая молодежь, безусловно, является частью молодежи, социально-демографической группой, которая значительно отличается от других по своим уникальным возможностям для восприятия и порождения новой духовной реальности.

Она характеризуется определенными признаками, присущими только ей - эволюционным стремлением к новым знаниям, преобразованиям, справедливости и равенству. Студенческая молодежь в силу ее большей социальной активности чаще всего вовлечена в те или иные локальные и глобальные модернистские проекты. Так, например, она активно участвует в национальных общественных движениях, как у кабардинцев, так и у балкарцев. Как показывает практика, она оказалась втянутой и в процесс идеологического

обновления ислама на Северном Кавказе. Однако, несмотря на то, что вузовская молодежь имеет ряд преимущественных признаков, отличающих ее от молодежи в целом, она также испытывает трудности при интеграции в социум и также подвергается влиянию тех или иных социокультурных групп, имеющих свою обособленную групповую нравственность. Все это мешает укреплению социальных ролей, и это особенно болезненно переживается молодыми людьми, имеющими образование. Именно поэтому исследование, проведенное пражским информационным агентством “Medium-Orient”(www.caucasustimes.com) в столице Кабардино-Балкарии г. Нальчике 15-28 февраля 2013 г, было направлено на изучение иерархии идентичностей среди студенческой молодежи, конкретных способов выражения данных идентичностей, а также на исследование отношения вузовской молодежи к иным социокультурным и религиозным группам.

Всего в ходе опроса было опрошено 235 студентов трех высших учебных заведений Кабардино-Балкарии: Кабардино-Балкарского института бизнеса (КБИБ), Кабардино-Балкарского государственного университета (КБГУ) и нальчикского филиала Современной гуманитарной академии (НПЦ ПП НФ СГА).

В опросе принимали участие студенты в возрасте от 16 до 30 лет - мужчины и женщины разных возрастов и национальной принадлежности, включая в основном кабардинцев, балкарцев, а также русских и представителей некоторых других национальностей, проживающих в республике.

Целью опроса было определение социокультурных предпочтений студенческой молодежи, спектра и суммы идентификаций, изучение степени влияния реальных групп на поведение молодых людей. Также мы попытались выявить механизмы и мотивы, детерминировавшие социокультурный выбор молодых людей. Весьма ценной являются и данные об отношении представителей различных социальных групп друг к другу.

Исследование включало в себя проведение глубинных интервью, с помощью которых собиралась информация "объяснительного" характера об особенностях мотивации, о способах взаимодействия и коммуникации.

Перед непосредственным проведением анкетирования мы проводили разъяснительную работу со студентами, объясняя им, что именно подразумеваем под социальными группами. Помимо выбора конкретной группы, которая была внесена в анкету, мы дали студентом возможность самим дать определение социальной группе, к которой он или она соотносят себя в большей степени. Кроме этого, вопросник предусматривал выбор до трех социальных групп, так как молодые люди часто не могут окончательно определиться со своим выбором, или же одновременно соотносят себя к различным социальным ролям, считая себя тождественными для двух или даже трех социокультурных групп.

Так, отвечая на вопрос о том, «К какой социальной группе вы в наибольшей степени себя относите?» (допускались три варианта ответов), подавляющее большинство опрошенных (72 %) указало на этническую общность, членами которой они являются. Для 66 % респондентов наибольшую важность имеет их гражданская принадлежность. Почти половина опрошенных студентов (44 %) указала в качестве приоритетной для них группы религиозную принадлежность. Только 4 % респондентов затруднились с ответом на данный вопрос, что свидетельствует о том, что подавляющее большинство опрошенных обладает уже сформировавшейся и достаточно четкой иерархией идентичностей.

Социокультурная самоидентификация молодежи Кабардино-Балкарии: мотивы и механизмы.

Весь спектр и сумма показателей идентичности вузовской молодежи, выявившиеся в формате социологического исследования, являются сопроводительной иллюстрацией резких изменений в социальной, политической и экономической жизни северокавказского региона. Иерархия идентификационных ценностей не является константной, она

перестраивается в пространственно-временном континууме в зависимости от политических, экономических и социальных условий. В этом аспекте для нас представляют высокую ценность данные, полученные в ходе изучения мотивов, инициировавших социокультурный выбор молодых людей.

Так, 46 % опрошенных указали, что выбранная ими идентификационная группа обеспечивает им защиту их национальных прав, прежде всего, развитие национальной культуры и языка. 30 % респондентов отметили, что выбранная ими идентификационная группа гарантирует им личную безопасность и безопасность имущества, а 27 % заявили о том, что принадлежность к выбранной группе сулит им материальное благосостояние. Достаточно большое число респондентов – 24 % - подчеркнули, что выбранная ими группа обеспечивает защиту религиозных прав. Примечательно, что 11 % опрошенных упомянули в числе обеспечиваемых им прав со стороны выбранной ими социальной группы защиту от произвола государственных органов, прежде всего полиции и налоговых органов. 21 % респондентов отметили, что группа, принадлежность к которой они считают приоритетной, гарантирует им более успешную социальную адаптацию в обществе и свободу поведения. Довольно значительный процент опрошенных – 21 % затруднился дать ответ на данный вопрос.

Формирование социокультурной идентичности северокавказской молодежи происходит с помощью институциональных механизмов, к которым можно отнести семью, род, учебное заведение, СМИ (Интернет). В ходе данного исследования нами ставилась цель выявить степень влияния тех или иных агентов социализации при помощи опроса. Почти половина опрошенных (47 %) отметила, что связь с выбранной ими социальной группой осуществляется с помощью своих родителей – 20 %, и 16 % опрошенных указали в качестве основного инструмента связи с выбранной ими группой своих друзей и родственников.

Только 3 % упомянули Интернет в качестве основного средства реализации связи с выбранной ими идентификационной группой, что является неожиданно низким показателем, учитывая высокую частоту использования Интернета в студенческой среде. При этом, значительная часть опрошенных – 18 % - затруднились указать, каким именно образом они осуществляют связь со своей социальной группой.

Ответы на вопрос о том, «как часто Вы взаимодействуете с членами Вашей группы?», выявили весьма высокую степень коммуникационной интенсивности опрошенных студентов в данной области. Так, 82 % опрошенных указали, что они вступают во взаимодействие с членами своей группы ежедневно. 9 % отметили, что они вступают в контакт с членами своей группы «от случая к случаю» и 5 % - каждую неделю. 4 % затруднились с ответом на этот вопрос. Весьма любопытные результаты были получены при ответе на вопрос об отношении студенческой молодежи к другим группам (национальным, религиозным, а также к гражданам другой страны).

Так, подавляющее большинство опрошенных (кабардинцев и балкарцев) – 72 % и 7 % соответственно, заявили о своем «положительном» и «скорее положительном» отношении к другим национальным и религиозным группам. 16 % респондентов охарактеризовали свое отношение к другим группам как «нейтральное», и только 4 % респондентов отметили, что они относятся к другим группам «отрицательно». Только 1 % респондентов затруднился с ответом на данный вопрос. В целом, результаты, полученные при анкетировании на этот вопрос, убедительно свидетельствуют о достаточно высокой степени толерантности и терпимости студенческой молодежи Нальчика.

При этом следует отметить, что результаты аналогичных опросов общественного мнения в столицах республик Северного Кавказа, проведенные агентством «Медиум Ориент» в 2010 г, также выявили значительно большую степень толерантности жителей Нальчика в отношении иных религий и национальностей по сравнению с другими столицами соседних

северокавказских республик, в частности Чечни и Ингушетии. Так, например, в ходе опроса 2010 г. о своем положительном отношении к христианству заявили 48 % опрошенных в Нальчике, и только 7 % респондентов в столице Чечни - Грозном, чуть больше 14 % - в ингушской Назрани.

Ответ на вопрос о том, «Какие актуальные вопросы вы чаще всего обсуждаете с членами вашей группы?», показал, что выбранные респондентами идентификационные группы играют очень важную роль в процессе их социализации и дальнейшей адаптации в многополярном обществе.

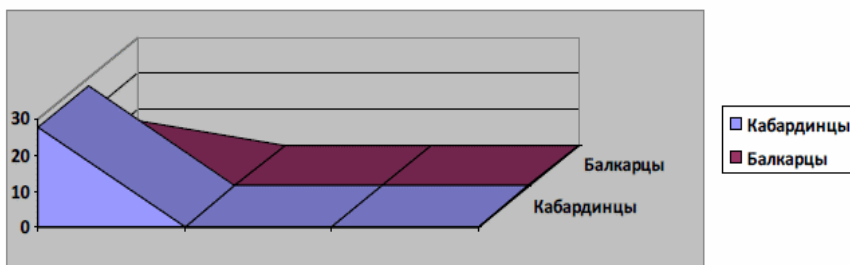
Наибольшее число опрошенных – 62 % - заявило о том, что они обсуждают в основном вопросы личного характера. 55 % респондентов указали, что они обсуждают преимущественно социальные вопросы и 44 % указало на вопросы экономического характера. Вопросы, связанные с религией, обсуждают 43 % опрошенных. 21 % респондентов отметили, что они обсуждают вопросы, связанные с этнической проблематикой. 8 % указали на "другие темы" среди обсуждаемых вопросов. 10 % затруднились дать конкретный ответ на конкретный вопрос.

- §2 -

2. Диффузия этнической идентичности у балкарской молодежи (7 %) на фоне выраженного этнического самосознания у кабардинской (28 %)

В силу того, что в существующие открытые и скрытые межгрупповые конфликты в Кабардино-Балкарии вовлечены в первую очередь представители двух титульных этносов: кабардинцы и балкарцы, для нас особый интерес представляют систематизированные по этническим и половозрастным группам данные социального опроса: кабардинцы (57 %) и балкарцы (12 %).

Этническая идентичность

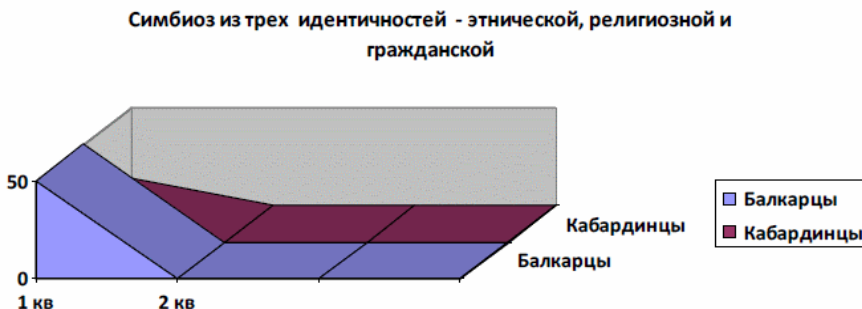
По существу, разнообразный социально-эмоциональный опыт опрошенных студентов дает широкую и противоречивую картину самоидентификации представителей двух титульных народов Кабардино-Балкарии - кабардинцев и балкарцев, выявляя различия и сходства по параметрам идентичности (так называемым группам соотнесения опрошенных).

Так, ответы на вопрос о том, "К какой социальной группе большей частью относите себя?", дали значительный статусный разброс мнений по категориям среди титульных этнических групп обоих полов.

Изучение достижения идентичности с применением метода самооценки в группах студентов с учетом их половых и национальных различий выявило ярко выраженное этническое самосознание у представителей кабардинской национальности (28 %) и диффузию этнической идентичности у балкарской молодежи (7 %), что свидетельствует о снижении влияния традиционных общественных институтов на поведенческую модель балкарской студенческой молодежи, в особенности у мужской его части.

При этом, весьма любопытными были данные, выявившие высокий процент респондентов, отдавших свои предпочтения симбиозу из трех идентичностей - этнической, религиозной и гражданской - 14,6 % у кабардинской и 50 % у балкарской

молодежи. Данная тенденция у представителей обоих этносов объясняется поиском опор одновременно среди наиболее влиятельных и многочисленных общностей, а также желанием размыть некую идентичность, которая может послужить поводом для дискриминации со стороны общества.

- §3 -

Кабардинская молодежь - женская группа: Доминирование национальной ориентированности на фоне низкой или скрытой религиозной самоидентификации.

Так, женская группа опрошенных на вопрос анкеты: "К какой социальной группе в большей степени относите себя?", дала статусный разброс мнений по категориям: этнической – 34,2 %, ко всем трем группам (этнической, религиозной, гражданской) - 20 %, гражданской – 11,4 %, к двум группам (этнической и гражданской) отнесли себя- 17 %, к двум группам (религиозной и гражданской) отнесли себя – 8,5 %, религиозной- 5,7 %, к двум группам (религиозной и этнической) - 2,8 %.

Национальная ориентированность при самоидентификации у женской группы опрошенных кабардинок является доминирующей среди широкого выбора остальных представлений о том, какой личностью они хотели бы стать. В сфере их личной идентичности принадлежность к своей национальности, а соответственно традиционному стилю жизни, культуре своего народа являются базисными при выборе ценностей и предпочтений (34,2 %).

На пути к достижению идентичности респондентки (кабардинки) считают естественной необходимостью принимать традиционные для своего народа "женские" ценности, т. е. отведенную в рамках этнического разделения полов и биологического предназначения пассивную роль спутницы мужчины по жизни - роль жены и матери, усматривая в этой модели соподчиненности, наилучший вариант для социальной адаптации женщины в условиях чрезвычайно переменчивого мира ценностей и норм. При этом, будущая профессиональная занятость после окончания вуза не рассматривается опрошенными девушками как помеха или как

возможная "дискриминация", ограничивающая их традиционные "женские" права в плане строительства личной и семейной жизни.

Абсолютная преданность стереотипам национального поведения, кабардинского этикета - Хабзэ остается для них привлекательной даже при выборе профессии, карьеры и в самом представлении о том, какой личностью они хотели бы стать. Их полное убеждение: выбор сочетается с трудовой, профессиональной деятельностью и никаких конфликтов ни с обществом, ни с семьей, ни с государством не несет.

В то же время универсальная комбинация из трех позиций (этнической, религиозной, гражданской) наблюдается у 20 % опрошенных кабардинок, которая иллюстрирует не только широту их взглядов, но и фундаментальную определенность в сфере их личной идентичности. Они принимают во внимание влияние различных идеологических систем в настоящем времени (этнической, религиозной, гражданской), но, не отвергая ни одной из них, синтезируют их в новую систему социальной ценности, способствующей их самоидентификации: "Да – женщина. Да – кабардинка. Да – мусульманка. Да - гражданка светского государства". И все это в одной личности уживается одновременно и стремится к успеху в реализации своего "я". Подобное слияние различных альтернативных стилей мышления и поведения, характерное для респонденток, не приводят к дисгармонии, а, наоборот, по их мнению, облегчают поиск своего лица, способствуют рождению эго-идентичности, укрепляют все три позиции идентичности (этническую, религиозную, гражданскую) в единое «я».

Другая часть респонденток эго-идентичность рассматривает в пределах двух координат: этнической и гражданской (17 %); религиозной и гражданской (8,5 %). Выбор в системе координат «этнической и гражданской» демонстрирует вектор интересов у опрашиваемых в пользу сохранения этнического "я" в рамках государственности, когда малые народы не только стремятся, но и получают в формате

демократических преобразований законодательное право на самосохранение и дальнейшее историческое развитие. Определяя эго-идентичность как баланс двух полюсов (этнической и гражданской), респондентки обосновывают положение и оценку того, при каких социальных условиях они могли бы найти верное понимание самих себя (кто они есть и кем они хотели бы быть?) Выяснилось, что 5,7 % опрошенных кабардинских девушек соотносят свою идентичность с социальной возможностью исповедовать свою религию в рамках государственной протекции.

Проблема идентичности минимизирована у той части опрашиваемых кабардинок, которые остановили свой выбор на одной из позиций, в данном случае - религиозной (ислам). Достижение идентичности в этой группе студенток связано с исполнением одной роли и основано на религиозной директиве: соответствовать нормам и предписаниям шариата.

- §4 -

Кабардинская молодежь - мужская группа: Снижение этнической самоидентификации на фоне высокого уровня симбиоза идентичностей

Опрос среди мужской группы опрошенных студентов кабардинской национальности в отличие от женской группы выявил более высокий уровень самоидентификации в рамках комбинации из трех идентичностей: этнической, религиозной, гражданской - 27,5 %. В тоже самое время, в отличие от женской, у мужской группы студентов кабардинской национальности наблюдается более низкая этническая самоидентификация (22,5 %).

Так, мужская группа опрошенных кабардинцев, отвечая на вопрос: " К какой социальной группе вы в наибольшей степени себя относите?", показала разброс мнений по категориям:

- ко всем трем группам (этнической, религиозной, гражданской) отнесли себя - 27,5 % опрошенных;
- этнической - 22,5 %;

- гражданской – 15 %;
- к двум группам - этнической и гражданской - отнесли себя 10 % респондентов;
- к двум группам - религиозной и гражданской - также отнесли себя 10 % опрошенных;
- к религиозной - 5 %;
- к двум группам - религиозной и этнической – 10 % респондентов.

Мужская группа респондентов – кабардинцев, по сравнению с женской группой опрошенных кабардинцев, также подтвердила тезис о существовании «размытой религиозной идентичности» у значительной части молодежи, что и выразилось в ответах группы респондентов, избравших комбинацию из трех идентичностей (этнической, религиозной, гражданской) - 27,5 %, а также из двух - (религиозной и гражданской) – 10 % опрошенных.

Синтез двух или трех идентичностей, одна из которых указывает на религиозную идентичность, предпочтительно обеспечивает им внутреннее чувство защищенности перед рисками стать объектом дискриминации или преследований. А

также позволяет им сохранять связь с более крупной социокультурной общностью (мусульманская община) и опираться на нее в случаях, когда этнические и гражданские общности оказываются недостаточно эффективными. Условное отторжение этничности у группы опрошенных, выбравших комбинацию из двух идентичностей (гражданской и религиозной -10%), свидетельствует об их особых религиозных взглядах, приближая их к идеологии обновленческого ислама, ставящего веру выше этничности. Четкая же религиозная идентификация, выявившаяся у (5%) опрошенных, свидетельствует о том, что ислам (шариат) является единственной системой координат для незначительной группы студентов.

Таким образом, опрос выявил, что в отличие от женской, у мужской группы опрошенных студентов кабардинской национальности в большей степени выражено религиозное самосознание. Более слабую взаимосвязь между идентичностью и соотношением себя исключительно с национальностью у мужчин - респондентов можно объяснить возросшей необходимостью вступать в жесткую конкурентную борьбу за выживание семейных ценностей на глобальном рынке идеологических систем, где этнические ценностные системы не всегда способны дать ответ на жизненно важные вопросы, стоящие перед молодыми людьми. Главный среди этих вопросов касается проблем справедливости и безопасности в обществе. Данную гипотезу подтверждают результаты опроса общественного мнения, проведенного среди 400 жителей Кабардино-Балкарии в июле 2012 года агентством “Medium Orient”.

Так, отвечая на вопрос о том, имеют ли в Кабардино-Балкарии место факты нарушения прав и свобод человека, 70 % опрошенных дали утвердительный ответ. В числе наиболее распространенных случаев нарушения прав и свобод населения респонденты назвали: право на защиту жизни граждан со стороны государства (41 %); право на защиту от незаконных арестов и задержаний (38 %); право на неприкосновенность

имущества граждан (21 %); право открыто демонстрировать свою религиозную принадлежность (15 %); а также право открыто демонстрировать свою национальную принадлежность (11 %). 28 % затруднилось с ответом на данный вопрос¹⁰⁸

В итоге получается, что идеограмма "За себя, за свою женщину и за своих детей!" является навигатором при принятии жизненно важных решений у определенной части молодых людей, а вовсе не традиционные нормы, связанные с этногенезом. Этот показатель можно расценивать и в другой плоскости интересов: как проявление возрастающего конъюнктурного эгоцентризма мужчины за приоритетность личных амбиций при завоевании выгодных должностей, выгодных союзов, моделировании как личных, семейных, так и социальных отношений с представителями других национальностей и полов, решении межгрупповых интересов ("самый- самый").

Вместе с тем, исключение всех остальных идентичностей (кроме гражданской) наблюдается у 15 % респондентов; симбиоз идентичностей, одна из которых гражданская - наблюдается у 62 % опрошенных, - что указывает на достаточно высокое влияние российской идентичности на представителей студенческой молодежи.

Таким образом, сумма идентичностей, предусматривающих гражданскую тождественность, делится следующим образом: 27,5 % респондентов отдали свои предпочтения этнической, религиозной, гражданской идентичности; 10 % - этнической и гражданской; ровно столько же респондентов (10%) - религиозной и гражданской.

По мнению респондентов, соединение гражданской и этнической позиций при самоопределении дает отчетливое ощущение социальной поддержки; исключение альтернативности выбора между двумя полюсами символизирует дистанцированность от всего, что может обернуться дискриминацией внутри самого общества.

¹⁰⁸ <http://www.caucasustimes.com/article.asp?language=2&id=21073>

Примерно также респонденты осознают свою личность между полюсом гражданским и религиозным, что также формирует возникающее под влиянием двух альтернативных жизненных стилей и идеологий полноценное чувство самоидентичности, внушающее им внутреннее чувство защищенности перед рисками и угрозами современного мира.

Обобщив всю полученную информацию, мы пришли к выводу: данная тенденция, помимо прочего, указывает на то, что значительная часть респондентов - кабардинцев отождествляет себя с полноценной личностью лишь в гражданском поле интересов, соотнося собственное "я" с идеями и убеждениями, присущими российскому гражданскому обществу, с профессией и жизненной стратегией, призванной обеспечить им успешный карьерный рост.

Кроме того, исследование показало, что при установлении равенства между культурами трех идеологических систем (этнической, гражданской, религиозной) и их корректном и уважительном восприятии, как этических норм поведения в обществе, сотрудничество между людьми может стать более эффективным, значительно снижая уровень конфликтогенности в межгрупповой среде. Например, в этом же исследовании, целью которого было выяснить, «как студенты - респонденты относятся к другим группам (национальностям, религиозным течениям, гражданам другой страны?)», ответ "положительно" был получен у 79 % опрошенных, представляющих смешанную группу предпочтений.

Вместе с тем, соединение гражданской и этнической идентичностей при самоопределении у аналогичного числа респондентов – 10 % - свидетельствует об определенных опасениях у данной части респондентов и символизирует их стремление дистанцироваться от всего, что может обернуться дискриминацией внутри самого общества. На вопросы "другое" и "не знаю" респонденты не откликнулись, что свидетельствует о том, что поиски идентичности благополучно закончились, и каждый опрошенный респондент вне зависимости от пола и

национальности живет в добровольно избранной им системе координат.

Балкарская молодежь: Диффузия этнического начала (12, 5 %) на фоне высокого уровня конформистского предопределения своей идентичности

Опрос студентов высших учебных заведений Кабардино-Балкарии выявил значительную разницу в вопросах самоидентификации у вузовской молодежи кабардинской и балкарской национальностей. Данная тенденция к различию фиксируется высоким уровнем конформизма при оценке своей идентичности у балкарской части респондентов.

При этом этничность - как исключительная идентичность, оказалась не востребованной у большинства опрошенных студентов балкарской национальности не зависимо от пола, что свидетельствует, в первую очередь, о трансформации самосознания молодой части балкарского общества.

Для понимания сути этого социологического явления стоит обратить внимание на демографические, политические и социальные условия, в которых длительное историческое время пребывает балкарский этнос в целом. Можно предположить на основании нашего и других исследований, что балкарцы, являясь титульным этносом в Кабардино-Балкарии, обладая всеми правами, как и остальные этносы, проживающие в республике, находятся в менее выгодном социальном положении. В первую очередь, по причине их численного отставания от других этносов – кабардинского и русского.

По данным переписи населения 2010 года, балкарцы составили - 12,7 % от общей численности населения, в то время как кабардинцы - 57,2 % , а русские - 22,5 %. <http://www.gks.ru/>

Народ	Численность в 2010 году, человек	Численность в 2002 году, человек	Численность в 1989 году, человек
Кабардинцы	490 453 (57,2 %)	498 702 (55,3 %)	363 494 (48,2 %)
Русские	193 155 (22,5 %)	226 620 (25,1 %)	240 750 (31,9 %)
Балкарцы	108 577 (12,7 %)	104 951 (11,6 %)	70 793 (9,4 %)

Демографические факторы, урбанизация, депортация в 1944 году, а также невыгодная в экономическом и социальном плане география исторического расселения балкарцев во многом предопределили политическое и экономическое преобладание кабардинцев и русских в республике. Данные условия привели к ослаблению, если к не полной утрате роли традиционных общественных институтов у балкарцев и усилению роли других более многочисленных социокультурных групп на молодежную среду.

Нынешние свидетельства, полученные нами, говорят в пользу предположения, согласно которому изменения в духовных взглядах балкарской молодежи основательно смогут преобразить панораму жизни всего народа.

Главным катализатором процесса трансформации самосознания у балкарской молодежи является, в данном случае, вынужденная миграция в населенные пункты, где преобладает кабардинское или русское население. Этничность в условиях доминирования других этнических групп (кабардинцев, русских) не обеспечивает молодым людям легкой социальной адаптации. Поэтому, меняя образ жизни, переезжая в поисках работы, или же, - поступая на учебу в различные образовательные центры страны, балкарская молодежь подвергается социокультурной ассимиляции, что,

собственно, и отразилось на результатах данного опроса. Так, изучение достижения идентичности с применением метода самооценки у балкарок выявил диффузию этнического начала (12,5 %) и преобладание гражданского на фоне других социальных ролей (25 %).

Диффузия этничности у балкарок на фоне доминирования других, более системных идентичностей, объясняется, прежде всего, низкими возможностями для реализации своих базовых потребностей: семья, пища, защита, безопасность. Данный тезис косвенно подтверждается и тенденцией к увеличению числа смешанных браков между кабардинцами и балкарцами, когда балкарки выходят замуж за кабардинцев. Именно по этой причине среди студенток балкарской национальности высок уровень конформистского предопределения своей идентичности, объединяющей все три социальные ипостаси (этническую, религиозную, гражданскую) в одну (37,5 %).

Вместе с тем, при определении своей идентичности сделали выбор в пользу этничности и религиозности 12,5 % опрошенных балкарок. Аналогичное число балкарок (12,5 %) не смогли определиться с выбором в вопросе самоидентичности. Ровно такое же число опрошенных - (12,5 %) не смогли идентифицировать себя ни с одной общностью. Любопытным является тот факт, что при всей анонимности анкетирования в отличие от кабардинок у балкарок не проявилась четкая религиозная идентичность. Религию, в качестве системы координат, опрошенные балкарки рассматривают лишь в комбинации с другими идентичностями.

Данное обстоятельство может быть связано с желанием занять более подходящее и устойчивое место в многополярном социокультурном сообществе народов, каким сегодня является Кабардино-Балкария, или же с предпочтительной склонностью респонденток к светскому стилю и образу жизни, когда комбинация из трех доминант (этнической, религиозной, гражданской) способствует более успешной адаптации, или проще говоря - выживаемости. Разброс мнений в группе балкарских студенток показывает высокую степень умения

приспосабливаться к новым социальным условиям, а также способность отвергать традиционные нормы, упроченные когда-то в массовом сознании их предшественниц.

Статусный разброс мнений по категориям: балкарская молодежь - мужская группа

Опрос среди балкарской группы студентов мужского пола выявил четкую и позитивную эго-идентичность. Значительная часть опрошенных дала один и тот же ответ: самоидентификация успешна при широком разнообразии возможностей, или же комбинации возможностей. Так, соотнесение с (гражданской, этнической, религиозной) идентичностью выявилось у 62,5 % респондентов. Иной позиции придерживается малый процент респондентов (12,5 %), идентифицирующих себя исключительно по этническому признаку. Аналогичное число опрошенных выбрали комбинацию из двух идентичностей (религиозной и этнической - 12,5 %). Не смогли идентифицировать себя 12,5% респондентов. При этом никто из опрошенных балкарцев не отдал исключительное предпочтение следующим категориям: исключительно гражданской, исключительно религиозной, этнической и гражданской, религиозной и гражданской.

- §5 -

В целом, результаты исследования убедительно продемонстрировали, что этническая принадлежность остается главной формой самоидентификации студенческой молодежи. Нальчика, 72 % которой соотносят себя в первую очередь с этнической группой, к которой принадлежат по факту рождения. При этом, весьма важную роль в существующей иерархии идентичностей играют гражданская (66 %) и религиозная идентичности (44 %).

Кроме того, важным результатом исследования является определение степени влияния институциональных механизмов на формирование социокультурной идентичности северокавказской вузовской молодежи, что в обычной жизни

происходит с помощью институциональных механизмов. Почти половина опрошенных (47 %) отметила, что связь с выбранной ими социальной группой они осуществляют с помощью своих родителей (20 %); 16 % опрошенных указали в качестве основного агента социализации своих родственников и друзей.

Любопытными оказались данные о высокой степени толерантности студенческой молодежи Нальчика, 79 % которой продекларировали свое «положительное» или «скорее положительное» отношение к представителям иных национальных и религиозных групп.

Связи между достижением эго-идентичности у студенческой молодежи КБР и процессами социального влияния, выявленные в ходе исследования, проиллюстрировали высокую степень устойчивой идентичности при формировании (или слиянии) трех позиций (или параметров - этнической, религиозной, гражданской) в единый статус самоидентичности (25 %).

Процесс социальной трансформации постсоветского общества, начавшийся с 1990-х годов и требующий идентичности в американском ключе "сделай себя сам", подвел вузовскую молодежь к той невидимой черте, где нет страховки от рисков. Необходимость поиска самостоятельных решений в вопросах идеологических, социальных и профессиональных обеспечивает молодежи разные способы выживания. В регионе с депрессивной экономикой и жесточайшим уровнем криминогенности, когда выбор, предположительно, должен привести к достижению желаемого - личному успеху, не всегда гарантирован внешними обстоятельствами жизни. Внутреннее восприятие себя не находит подтверждения в обратной связи. Нет цельного отражения в зеркале социальной жизни, что и способствует нарастанию тревоги у большого числа молодых и образованных людей на Северном Кавказе. Этим можно объяснить спектр и сумму всех идентификаций, полученных у студенческой молодежи вузов Кабардино-Балкарии во время нашего опроса. Конформизм в вопросах синтетического

объединения трех позиций (этнической, религиозной, гражданской) у молодых респондентов связан с высокой степенью взятой ответственности за свою судьбу, осознанием того, кто они есть, острой потребностью найти свою социальную и экономическую нишу в глобальном проекте мироустройства, и наконец, стремлением адаптироваться в непростых условиях системного кризиса.

КИРИЛЛ ШЕВЧЕНКО, ИСЛАМ ТЕКУШЕВ

Права человека в зеркале общественного мнения

Опрос общественного мнения, проведенный в марте–апреле 2013 года пражским информационным агентством “Medium Orient” по заказу издания caucasustimes.com в Дагестане, выявил обеспокоенность населения как экономической ситуацией в республике, так и уровнем безопасности. Результаты опроса зафиксировали устойчивое нарастание тревожных настроений в республике, связанных с конфессиональной ситуацией, прежде всего с распространением ваххабизма. При этом, согласно результатам исследования, жители Дагестана в целом скептически относятся к возвращению института президентских выборов в регионах.

В ходе опроса было опрошено 475 жителей республики разных возрастов, профессий и национальной принадлежности, включая аварцев, кумыков, даргинцев, лакцев, лезгин, азербайджанцев, русских и представителей других национальностей, проживающих в республике Дагестан. Целью опроса было выявление уровня реализации основных прав и свобод жителей Дагестана, изучение социального самочувствия жителей республики, исследование отношения населения к возвращению института президентских выборов, изучение мнения населения о главных причинах всплеска насилия в республике. В ходе опроса была использована многоступенчатая, стратифицированная, пропорциональная выборка. Стратификация была осуществлена по городским и сельским населенным пунктам, а также в разрезе трех географических зон республики – равнинной, предгорной и горной. В ходе полевых работ были опрошены жители Махачкалы, Кизляра, Каякентского, Кизилюртовского, Хасавюртовского, Казбековского, Акушинского и Дербентского районов. После осуществления опроса, для

анализа данных применялась статистическая процедура взвешивания. В ходе анализа данных результаты опроса были систематизированы с учетом пола, возраста и религиозной принадлежности.

Так, говоря о наиболее важных проблемах Дагестана, подавляющее большинство опрошенных (60,5 %) к наиболее острым проблемам отнесли социально-экономическую сферу, отметив, в первую очередь, высокий уровень безработицы среди молодого, трудоспособного населения. К наиболее острым проблемам были также отнесены проблемы безопасности (терроризм и преступность) - 50,3 %. Религиозную сферу выделили в качестве наиболее острой проблемы 26,1 % респондентов. Межэтнические противоречия являются главной проблемой Дагестана для 2,8 % опрошенных жителей республики. Аналогичное число респондентов (2,8 %) затруднились ответить на данный вопрос.

Примечательно, что в ходе аналогичного опроса в Махачкале, которое проводило ИА «Medium Orient» по заказу издания caucasustimes.com в июне 2005 г., лишь 10 % опрошенных отнесло к самым острым проблемам религиозную сферу и 16 % респондентов усмотрели в межэтнических противоречиях главный источник напряженности. Это свидетельствует о том, что за последние несколько лет в Дагестане значительно выросло число тех, кто рассматривает религиозную сферу как одну из главных причин напряженности в республике. В то же время в несколько раз снизилось число тех, кто усматривал в межэтнических отношениях главную проблему Дагестана. Вместе с тем, подавляющее большинство опрошенных нами в 2005 году жителей Махачкалы (73 %) к наиболее острым проблемам республики отнесли социально-экономические трудности (безработица, низкие зарплаты). По мнению же 63 % опрошенных, наиболее актуальной проблемой остается сфера безопасности (преступность, терроризм), что в свою очередь свидетельствует о том, что проблема безопасности и экономические противоречия, по-прежнему,

являются главными проблемами, вызывающими наибольшую обеспокоенность и недовольство населения Дагестана.

Как показал опрос, подавляющее большинство жителей Дагестана (70,7 %) склонны связывать эскалацию насилия в республике, прежде всего, с экономическими проблемами (коррупция, безработица). С деятельностью внешних сил (деятельность спецслужб) склонны связывать рост насилия в Дагестане 17,4 % опрошенных. По мнению 12,1 % респондентов, обострение ситуации является следствием религиозного экстремизма. Вину федеральных и республиканских властей в распространении насилия склонны усматривать лишь 11,2 % респондентов. 11,9 % опрошенных затруднились дать ответ на данный вопрос, что свидетельствует о наличии не устоявшегося мнения по поводу причин происходящих в Дагестане явлений у значительного числа населения.

По данным опроса, 44 % жителей Дагестана в целом положительно оценивают деятельность федерального центра на Кавказе, в то время как 33,4 % опрошенных оценивают ее негативно. Между тем, 22,3 % респондентов продемонстрировали свое «положительное», а 21,7 % высказали «скорее положительное» отношение к политике Москвы в северокавказском регионе. В то время как «отрицательно» и «скорее отрицательно» политику Федерального центра оценивают соответственно 16,6 % и 16,8 % респондентов. Вместе с тем, значительная часть респондентов (22,7 %) затруднилась дать оценку деятельности федерального центра на Кавказе.

При этом жители Дагестана в целом скептически относятся к возвращению института президентских выборов в регионах. Так, по мнению 31,2 % респондентов, возвращение института выборов глав регионов и отмена практики их назначения из Кремля существенно не повлияет на ситуацию в Дагестане. 26,8 % респондентов считают, что данные политические решения Москвы положительно скажутся на общей обстановке в республике. При этом 15,7 % опрошенных считают, что данные

политические меры лишь усугубят существующие проблемы. В то же время четверть респондентов (26,3 %) затруднилась дать какую-либо оценку установленным Москвой новым политическим реалиям. Таким образом, число тех, кто в целом скептически оценил возвращение института президентских выборов, составил 46,9 % респондентов. Это, в определенной степени, может являться и свидетельством утраты доверия населения к институту выборов в целом.

Назначение депутата Госдумы России Рамазана Абдулатипова главой Дагестана приветствовало подавляющее число респондентов - 67,3%. Разброс мнений таков: «положительно» - 44,4 %, «скорее положительно» - 22,9 %. Негативно восприняли назначение Рамазана Абдулатипова значительно меньшее число респондентов – 12,8 %. Разброс мнений: «отрицательно» – 5,1 % и «скорее отрицательно» - 7,4 %. При этом 20,2 % респондентов затруднились дать какую-либо оценку смене главы Дагестана. Это свидетельствует о том, что кандидатура Рамазана Абдулатипова поддерживается широкими слоями населения Дагестана, представленного многочисленными этническими и религиозными группами.

Отвечая на вопрос о причинах назначения Рамазана Абдулатипова главой Дагестана, жители республики продемонстрировали достаточно широкий диапазон мнений. Так, 44,8 % респондентов связывают факт смены главы Дагестана новым лидером в лице Абдулатипова с желанием Москвы победить коррупцию в республике. Между тем, 31,8 % опрошенных считают, что замена руководства была вызвана желанием определенных сил, в первую очередь отдаленных от власти кланов, сместить правящие элиты Дагестана. Лишь 5,9 % респондентов связывают приход Рамазана Абдулатипова к вершине власти с намерением Москвы решить насущные экономические проблемы. При этом значительная часть опрошенных - 17,5 % - затруднились ответить на данный вопрос.

В ходе социологического опроса в Дагестане подавляющее большинство респондентов констатировали многочисленные

факты нарушения прав человека в республике, в частности, «права на защиту жизни» и «права на защиту от незаконных арестов и задержаний». Так, в числе наиболее распространенных случаев нарушения личных прав и свобод человека, респонденты назвали «право на защиту жизни» граждан со стороны государства (48,6 %), «право на защиту от незаконных арестов и задержаний» (26,3 %), «право на неприкосновенность имущества граждан» (10,6 %), «право открыто демонстрировать свою религиозную принадлежность» (8,7 %), «право открыто демонстрировать свою национальную принадлежность» (5,7 %). Вместе с тем, 24,4 % затруднилось с ответом на данный вопрос. По мнению большинства опрошенных (36,9%), из политических прав и свобод человека в наибольшей степени государство нарушает «избирательные права» граждан. Так, 28,2 % респондентов считают, что в республике в большей мере нарушается «право граждан на свободное обращение в государственные службы». 22,5 % опрошенных уверены, что государство ограничивает их «право на участие в управлении республикой», 19,5 % опрошенных обеспокоены ограничением свободы слова. 12,7 % респондентов считает, что государство нарушает их «право на свободный доступ к информации». При этом, довольно значительная часть опрошенных (13,4 %) затруднилась дать ответ на данный вопрос.

Опрос общественного мнения, проведенный пражским информационным агентством “Medium Orient” в Кабардино-Балкарии 15-30 июля 2012 г., выявил резкое нарастание недовольства населения как общей ситуацией в республике, так и политикой республиканского руководства. В ходе опроса было опрошено 400 жителей республики разных возрастов, профессий и национальной принадлежности, включая кабардинцев, балкарцев, русских и представителей других национальностей, проживающих в республике. В ходе опроса

была использована многоступенчатая, стратифицированная, непропорциональная выборка. Стратификация была осуществлена по городским и сельским населенным пунктам. В ходе полевых работ были опрошены жители Эльбрусского, Чегемского, Баксанского и Урванского районов, а также жители столицы республики - города Нальчика. После осуществления опроса, для анализа данных применялась статистическая процедура взвешивания.

Говоря о наиболее важных проблемах Кабардино-Балкарии, подавляющее большинство опрошенных (85 %) указало в качестве первоочередных социально-экономические проблемы. К наиболее острым проблемам были также отнесены проблемы безопасности (69 %) и проблемы в религиозной сфере, прежде всего, распространение ваххабизма (59 %). Примечательно, что в ходе аналогичного опроса в Кабардино-Балкарии в сентябре 2005 г. лишь 44% опрошенных назвало наиболее важную проблему безопасности и только 6% отнесло к самым острым проблемам религиозную сферу. Таким образом, за прошедшие семь лет число тех, кто считает наиболее актуальной проблему безопасности, выросло с 44 % до 69 %, т.е. более чем в полтора раза. Однако наиболее разительный рост произошел среди тех респондентов, кто относит к числу самых острых в республике проблему религии. Число этих людей выросло с 6 % в 2005 г. до 59 % в 2012 г., т.е. практически в десять раз, что ярко демонстрирует крайне тревожное и неблагоприятное положение в данной сфере. Наибольшую обеспокоенность населения вызывает прежде всего стремительный рост исламского радикализма в республике и связанный с этим всплеск насилия.

Ответы опрашиваемых на вопрос о том, каким образом изменилось материальное положение их семей на последние годы, в целом свидетельствуют о негативном социальном самочувствии населения. Большинство опрошенных указало, что их экономическое положение ухудшилось или «скорее ухудшилось» (13 % и 24 % соответственно), в то время, как 13 % констатировало улучшение своего положения. 22 % заявило

о том, что их положение «скорее улучшилось», при этом 27 % затруднились дать определенный ответ на этот вопрос.

Респонденты оценили деятельность руководства Кабардино-Балкарии за последние несколько лет весьма негативно. Наибольшее число опрошенных – 44 % - заявило о своей «скорее отрицательной» оценке руководителей республики. Почти треть опрошенных (29 %) оценила работу руководства республики отрицательно. Лишь 4 % посчитало, что деятельность республиканского руководства заслуживает положительной оценки; 11% оценило свое руководство «скорее положительно». Таким образом, общее число критически настроенных в отношении к своему руководству респондентов (почти 75 %) намного превышает общее количество тех, кто склонен оценивать деятельность республиканских руководителей положительно (15 %). Учитывая то обстоятельство, что у подавляющего большинства населения руководство республики персонифицируется и отождествляется с личностью бывшего президента Кабардино-Балкарии А. Каноква, можно говорить о стремительном падении его популярности за последние годы, поскольку еще в июле 2006 г. деятельность А. Каноква положительно оценивало 48 % жителей Кабардино-Балкарии.

Отвечая на вопрос о возможных последствиях отмены практики назначения глав регионов из Кремля и возвращении института выборов, половина опрошенных (50 %) отметила, что это не приведет к существенному изменению ситуации. При этом, 17 % полагает, что это может в какой-то мере стабилизировать ситуацию в республике, а 7 % придерживается противоположной точки зрения, считая, что это, наоборот, усугубит существующие проблемы. Четверть опрошенных (25 %) затруднилась с ответом на данный вопрос.

Отрицательно и «скорее отрицательно» политику Москвы на Кавказе оценило соответственно 23 % и 35 % опрошенных. Лишь 8 % и 12 % выразило положительное и «скорее положительное» отношение к политике центра в северокавказском регионе. 21 % затруднился ответить на

данный вопрос. При этом степень критичности в отношении к федеральным властям оказалась несколько ниже, чем в отношении к руководству республики. Так, если общее число тех, кто негативно оценил деятельность руководства Кабардино-Балкарии, составило почти 75 %, то общее число тех, кто дал отрицательную оценку политике Кремля, составило 58 %.

Недавние аресты высокопоставленных чиновников Кабардино-Балкарии население склонно связывать, в первую очередь, с желанием определенных сил сменить руководство республики (51%). Вместе с тем, почти треть опрошенных (28%) считает, что это продиктовано стремлением Москвы победить коррупцию в Кабардино-Балкарии. 5% полагает, что это связано с какими-то другими причинами, в то время как 15% затруднилось ответить на данный вопрос.

Эскалацию насилия в республике в последние годы респонденты связывают, главным образом, с экономическими проблемами в Кабардино-Балкарии (77 %). Половина опрошенных полагает, что это связано с деятельностью республиканского руководства (50 %), 20 % - с деятельностью религиозных общин и 15 % - с деятельностью федерального центра. В целом, респонденты склонны усматривать причину эскалации насилия в действии сразу нескольких факторов, главным образом увязывая их с экономическими проблемами и деятельностью республиканского руководства.

В случае проведения выборов президента республики, лишь 13 % опрошенных проголосовало бы за действующего президента Кабардино-Балкарии. Более половины респондентов (67 %) предпочло бы видеть на посту президента республики человека, связанного с силовыми структурами, что, судя по всему, отражает надежду респондентов на то, что именно такой человек способен «навести порядок» в республике и улучшить положение в сфере безопасности. Для 47 % опрошенных важно, чтобы будущий президент не был связан с республикой, что, видимо, является в их глазах

гарантией отстраненности руководящего лица от господствующего в республике кумовства и клановости.

Отвечая на вопрос о том, имеют ли в Кабардино-Балкарии место факты нарушения прав и свобод человека, 70 % опрошенных дало утвердительный ответ. Лишь 13 % ответило на данный вопрос отрицательно и 16 % затруднилось с ответом. В числе наиболее распространенных случаев нарушения прав и свобод населения респонденты назвали: право на защиту жизни граждан со стороны государства (41 %); право на защиту от незаконных арестов и задержаний (38 %); право на неприкосновенность имущества граждан (21 %); право открыто демонстрировать религиозную принадлежность (15 %); а также право открыто демонстрировать свою национальную принадлежность (11 %). Лишь 28 % затруднилось с ответом на данный вопрос.

По мнению опрошенных, в категории политических прав и свобод населения Кабардино-Балкарии в наибольшей степени нарушается право на доступ к информации (38 %), право на свободное обращение в государственные службы (36 %), а также свобода слова (30 %). Кроме того, 29 % считает, что в республике нарушаются избирательные права граждан и 26 % - право на участие в управлении республикой. 5 % респондентов считает, что в республике имеют место нарушения свободы собраний. Четверть опрошенных (25 %) затруднилась с ответом на этот вопрос.

В целом, результаты опроса зафиксировали устойчивое нарастание тревожных тенденций в республике, что нашло свое выражение как в резком ухудшении конфессиональной ситуации в Кабардино-Балкарии, так и в разочаровании и росте недовольства руководством республики и федеральными властями. Кроме того, то обстоятельство, что подавляющее большинство опрошенных (71%) констатирует многочисленные факты нарушения прав человека в республике, является весьма тревожным сигналом, как для республиканских властей, так и для федерального центра.

Опрос общественного мнения, проведенный пражским информационным агентством “Medium Orient” в Карачаево-Черкесии 15-30 апреля 2013 г., выявил резкое нарастание недовольства населения социально-экономической ситуацией в республике (86 %). Также результаты опроса зафиксировали наличие тревожных настроений положением в сфере безопасности (терроризм и преступность – 69 %). При этом, согласно результатам исследования, большинство жителей Карачаево-Черкесии (65 %) в целом скептически относятся к возвращению института президентских выборов в регионах.

В ходе опроса было опрошено 400 жителей республики разных возрастов, профессий и национальной принадлежности, включая карачаевцев, черкесов, русских и представителей других национальностей, проживающих в республике. В ходе опроса была использована многоступенчатая, стратифицированная, непропорциональная выборка. Стратификация была осуществлена по городским и сельским населенным пунктам. В ходе полевых работ были опрошены жители Черкесска, Карачаевска, а также жители Абазинского, Адыге-Хабльского, Зеленчукского, Хабезского, Усть-Джегутинского, Карачаевского, Малокарачаевского и Ногайского районов. После осуществления опроса, для анализа данных применялась статистическая процедура взвешивания.

Так, говоря о наиболее важных проблемах Карачаево-Черкесии, подавляющее большинство опрошенных (86 %) к наиболее острым проблемам отнесли социально-экономическую сферу, отметив, в первую очередь, коррупцию, высокий уровень безработицы среди молодого трудоспособного населения. К наиболее острым проблемам были также отнесены проблемы безопасности (терроризм и преступность) – 69 %. Религиозную сферу, прежде всего распространение ваххабизма, выделили в качестве наиболее острой проблемы 27 % респондентов. Межэтнические противоречия являются главной проблемой лишь для 2 %

опрошенных жителей республики. Аналогичное число респондентов (2 %) затруднились ответить на данный вопрос.

Отвечая на вопрос о возможных последствиях отмены практики назначения глав регионов из Кремля и возвращении института выборов, подавляющее число респондентов (65 %) отметили, что это не приведет к существенному изменению ситуации. При этом, 26 % полагает, что это может, в какой-то мере, стабилизировать ситуацию в КЧР, а 6 % считает, что новации Кремля приведут к усугублению существующих проблем. Четверть опрошенных респондентов (20 %) затруднились с ответом на данный вопрос. Отрицательно политику Москвы на Кавказе оценило 56 % опрошенных. Лишь 23 % выразило положительное отношение к политике центра в северокавказском регионе. 21 % затруднился ответить на данный вопрос. При этом, степень критичности в отношении к федеральным властям оказалась несколько ниже, чем в отношении к руководству республики. Если общее число тех, кто негативно оценил деятельность руководства республики, составило почти 68 %, то общее число тех, кто дал отрицательную оценку политике Кремля, составило 56 %. Недовольство деятельностью республиканских властей выражало в большей степени молодое население республики. Среди главных причин, вызывающих недовольство, как показал опрос, лидирует проблема коррупции.

Отвечая на вопрос о том, имеют ли в Карачаево-Черкесии место факты нарушения прав и свобод человека, 68 % опрошенных дало утвердительный ответ. Лишь 16 % ответило на данный вопрос отрицательно и 16 % затруднилось с ответом.

В числе наиболее распространенных случаев нарушения прав и свобод населения респонденты назвали : право на защиту жизни граждан со стороны государства (39 %), право на защиту от незаконных арестов и задержаний (36 %), право на неприкосновенность имущества граждан (19 %), право открыто демонстрировать свою религиозную принадлежность (9 %), а также право открыто демонстрировать свою национальную

принадлежность (8 %). 16 % затруднились с ответом на данный вопрос.

По мнению опрошенных, из политических прав и свобод населения КЧР в наибольшей степени нарушается право на доступ к информации (36 %), право на свободное обращение в государственные службы (32 %), а также свобода слова (28 %). Кроме того, 19 % считает, что в республике нарушаются избирательные права граждан и 19 % - право на участие в управлении республикой. 5 % респондентов считает, что в республике имеют место нарушения свободы собраний. 16 % респондентов затруднилась с ответом на этот вопрос.

Кризис идентичности в молодежной среде (на примере Республики Дагестан)

Республика Дагестан - ключевой регион Северо-Кавказского федерального округа (СКФО), самый населенный и обладающий сложной структурой населения и экономики, природных условий, геополитического окружения. В советские годы Дагестан (в то время ДАССР) был регионом-донором, обладавшим серьезным промышленным потенциалом. Промышленная мощь республики основывалась в основном на предприятиях ВПК. После развала СССР и наступившего после этого глубокого кризиса экономика Дагестана пережила глубокое падение. Ситуацию усугубила блокада, наступившая с началом чеченской войны: практически все коммуникации, связывавшие Дагестан с остальной Россией, проходили через территорию ставшей мятежной Чечни. В этот период возникают деструктивные тенденции, как в экономике, так и в других сферах общественно-политической жизни республики, которые закладывают долгосрочные проблемы республики.

По сравнению с Чечней, Дагестан остался относительно стабильной республикой, однако происходившие внутри дагестанского общества процессы имели серьезные последствия. В той или иной степени они затрагивали чувствительную для многонационального Дагестана тему идентичности. Сегодня дагестанцы столкнулись с серьезным кризисом идентичности, который еще более усложнил общественно-политическую ситуацию в республике, поставив задачу более глубокую, нежели самоидентификация: утвердится или нет в среде дагестанцев общероссийская идентичность как часть российской политической нации. Данная статья написана на основе проведенных в 2011-2013 гг. полевых исследований, в ходе работы также был использован метод социально-психологического опроса и методы

этнической и кросс-культурной психологии. Для проведения опроса был разработан специальный опросник, соответствующий специфике исследуемых регионов.

Общая характеристика рассматриваемого региона

Дагестан - самый полиэтнический регион России¹⁰⁹. Титульных народов, языки которых поддерживаются на государственном уровне, насчитывается 14 (аварцы – 29,4 % населения, агулы – 0,9 %, азербайджанцы – 4,3 %, даргинцы 16,5 %, кумыки 14,2 %, лакцы – 5,4 %, лезгины – 13,1 %, таты – 0,004 %, табасаранцы – 4,3 %, ногайцы – 1,6 %, рутульцы – 0,9 %, русские – 4,7 %, цахуры – 0,3 %, чеченцы – 3,4 %). Реальное число коренных народов гораздо больше - свыше 30. В официальной статистике обычно не учитываются представители андо-цезских народов и арчинцы, которых учитывают в составе «аварцев». По данным на 01.01.2009 г. численность населения Дагестана составляла свыше 2,7 млн. человек¹¹⁰. Сегодня численность населения республики наверняка превысила 3 млн. человек. Около 95 % верующих – мусульмане (большинство сунниты, до 4 % – шииты), около 5 % – христиане (в основном православные), менее 1 % – иудаисты. Дагестан расположен в северо-восточной части Кавказа, с востока омывается водами Каспийского моря. Географически Дагестан подразделяют также на три зоны: горная (39,9 % территории), предгорная (15,8 %) и равнинная (43,3 %). Как видим, в структуре земельного фонда большую долю занимают горные и предгорные территории, а равнинные земли составляют менее половины всех земель, что создает довольно напряженную ситуацию в земельном вопросе. Здесь же следует отметить, что качество равнинных земель тоже не

¹⁰⁹ Народы Дагестана / Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 2002. С.36.

¹¹⁰ Дагестан. Материал из Википедии. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Дагестан>, дата обращения 01.10.2011 г.

самое лучшее: значительную часть составляют полупустынные территории с солончаками и песками.

Фактор этничности для Дагестана всегда был и в обозримой перспективе останется ключевым, в силу многонациональности республики. В наследие от советских времен дагестанцы получили высокую степень этнического самосознания, народы республики обладают большим уровнем этнической консолидации. Вопрос этнической принадлежности почти всегда всплывает между дагестанцами: они следят за продвижением «своих» во власти, в экономических структурах, даже в религиозных административных структурах. Очевидно, что столь сложные сообщества, как в Дагестане, способны успешно и мирно функционировать лишь в состоянии постоянного «переговорного» процесса, а также контроля над исполнением гласных и негласных договоренностей. Силы, конкурирующие за разного рода ресурсы, группируются по разным признакам, одним из понятных и близких среди которых является именно этнический признак.

Этническая идентичность в Дагестане – один из основных мобилизующих факторов. Республика лидирует по числу межэтнических конфликтов. Однако, по мнению большинства экспертов, ни один из этих конфликтов не основан на чисто этнической неприязни: *«Любой межнациональный конфликт, так или иначе, связан или с земельным вопросом, или с вопросами управления, или с вопросами перераспределения ресурсов»*¹¹¹. Действительно, дагестанские народы за многие века совместной жизни на небольшой территории выработали общую культуру. В этой ситуации у дагестанцев выработан высокий уровень этнической толерантности.

В то же время этническая идентичность имеет ограниченный ресурс, она не может быть общедагестанским объединяющим фактором. Этническое многообразие Дагестана

¹¹¹ Полевые материалы автора (далее - ПМА). Интервью с Ш. Шихалиевым, Зав. отделом восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 14 сентября 2011 г.

при отсутствии безусловно доминирующей этнической группы, создает ситуацию, когда организованные по этническому признаку элиты вынуждены договариваться друг с другом, а относительные меньшинства объединяются против относительного большинства, чтобы не допускать чьего-либо доминирования. При этом представитель того этноса, который выдвинулся на вершину власти, вынужден учитывать интересы представителей других этнических групп, поддерживая систему этнического квотирования во власти. Даже назначенный в январе 2013 г. временно исполняющим обязанности президента республики Дагестан Рамазан Абдулатипов, формально призванный сформировать профессиональную команду, дистанцирующихся от клановой системы, фактически был вынужден учитывать фактор этнической принадлежности кандидатов при формировании правительства республики. Скорее всего, в среднесрочной перспективе такой порядок будет сохраняться в силу исключительного значения этнического фактора в ключевых сферах общественно-политической жизни Дагестана. Об этом свидетельствуют также последние назначения уже избранного президента республики: в частности, вице-премьером в новом правительстве был назначен аварец Гаджи Махачев. Это было воспринято, как стремление главы республики опереться на этнические аварские кланы.

Менее явно этнический фактор проявляется в бизнесе. Эксперты, а также представители разных слоев населения в фокус-группах отмечали тяжелые экономические условия в республике. Если по России уровень регистрируемой безработицы составляет чуть больше 5 %, то по Дагестану последняя цифра составляет 12 %¹¹², на деле, скорее всего,

¹¹² Занятость и безработица в Российской Федерации в мае 2013 года (по итогам исследований населения по проблемам занятости). http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/128.htm, дата обращения 23 ноября 2013 г.

больше 20 % (экономисты говорят о 300 тыс. безработных)¹¹³. Тяжелая ситуация складывается в горных районах: в сельских Цунтинском и Цумадинском районах процент безработных доходил до 75–80 %. Связи, в том числе клановые и родственные, играют большую роль при трудоустройстве. Иными словами, этнический фактор практически всегда связан с политическими, экономическими интересами, проблемой распределения и использования ресурсов и т.д.

В последние годы активизировался процесс формирования общедагестанской идентичности¹¹⁴, основанный как на исторической памяти, так и на опыте совместного проживания в рамках одной административной единицы представителей разных этнических групп, наличии языка межэтнического общения – русского, комбинации кавказских и общероссийских культурных черт, которые и создают уникальную дагестанскую культурно-историческую общность. Как было указано, общедагестанская идентичность имеет не только культурное, но и историческое основание. В разные исторические периоды народы, жившие на территории современного Дагестана, вырабатывали общий язык и общие культурные коды. В дореволюционные годы у жителей Дагестана в качестве языка межнационального общения утвердился тюркский язык, причем на юге и севере это были разные его варианты: на юге скорее огузский, на севере – кипчакский¹¹⁵. Языком же интеллигенции, письменным языком коммуникации был арабский язык. После революции в связи с прошедшими изменениями и форсированной модернизацией, произошли

¹¹³ ПМА. Интервью с Абасом Шапиевичем Ахмедуевым, Главным научным сотрудником Института социально-экономических исследований ДНЦ РАН, 16 сентября 2011 г.

¹¹⁴ ПМА. Интервью с Махачем Мусаевым, Зав. отделом востоковедения Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 15 сентября 2011 г.

¹¹⁵ *Оразаев Г.М.-Р.* Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII–XIX вв.: (Исследование, тексты и комментарии). Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2007. С.56-60.

серьезные трансформации в культурной сфере. В советские годы в межэтническом общении дагестанцев выработался особый вариант русского языка, который характеризуется широким использованием общего для всех дагестанских языков и понятного для всех пласта арабо-персидских слов. Складывается также и особый, молодежный сленг, со своими словами и выражениями, смысл которых имеет местный колорит и понятен только дагестанцам без различия их этнической принадлежности¹¹⁶. Важно, что общедагестанская идентичность еще не устоялась, она в процессе формирования. В первую очередь актуализируется она у дагестанцев, находящихся за пределами республики, среди компактных групп. Сложилось даже широко используемое за пределами Дагестана (само)название «*даг*».

Вызовы общегражданской идентичности

Большую тревогу у дагестанцев вызывает рост антикавказских и шовинистических настроений в стране. Дагестанцы ассоциируют себя с Россией, многие гордятся тем, что они ее граждане. События, последовавшие после волнений на Манежной площади в декабре 2011 года, дагестанцы воспринимают как противопоставление России и Дагестана, видят в этих процессах угрозу лично для себя и своих близких. Вина за рост националистических настроений дагестанцами перекладывается на федеральный центр, который *«плохо владеет ситуацией в республике, не понимает Кавказ, не понимает Дагестан, не понимает его национальный компонент»*¹¹⁷.

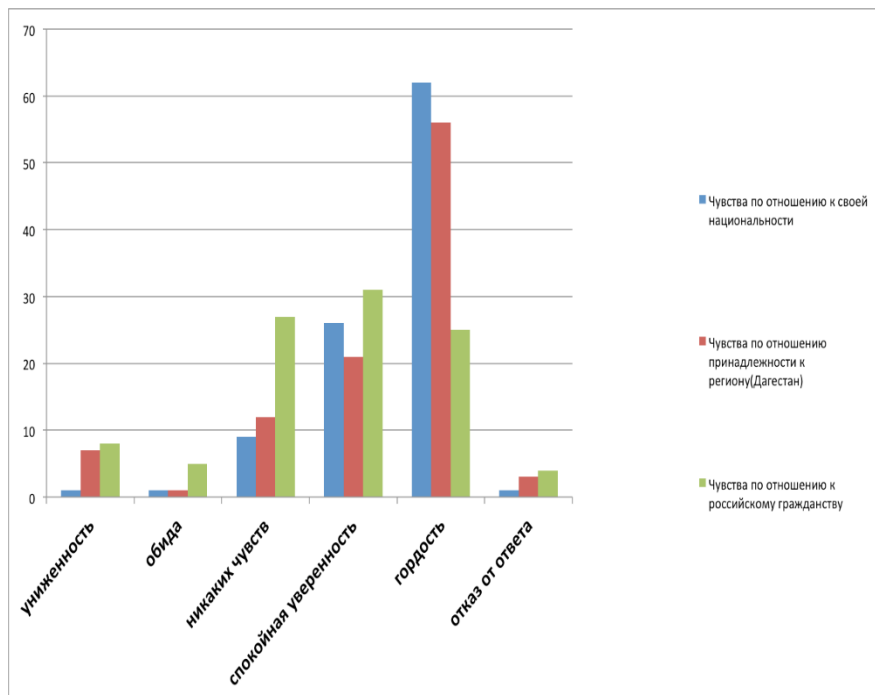
¹¹⁶ Этот вопрос еще ждет своего внимательного исследователя. Пока же можно сказать, что энтузиасты пытаются создавать русско-дагестанские онлайн словари. Один из подобных словарей можно найти по этому адресу: <http://www.dagestanclub.ru/publ/1-1-0-55> дата обращения 18 февраля 2013 г.

¹¹⁷ ПМА. Интервью с дагестанским журналистом (аноним), 24 сентября 2011 г.

Современное дагестанское общество неоднородно. С одной стороны, культурно дагестанцы резко выделяются среди граждан России, в связи с растущей исламизацией увеличиваются ближневосточные компоненты культуры, которые дополняют общекавказские культурные основы. Однако это происходит не через консервацию традиций. Традиции в значительной мере сохраняются в сельской местности, но и там, вопреки устоявшимся мифам, молодежь все менее вовлечена в структуру традиционных взаимоотношений. Нарушился их механизм. Прежняя схема, когда традиции действовали в рамках всего джамаата, объединяя сельскую общину, сломана. Происходит резкое ограничение сферы применения традиций рамками семьи или клана. За их пределами молодой человек ощущает себя свободным.

Таблица 1.

ЧУВСТВА ДАГЕСТАНЦЕВ, СВЯЗАННЫЕ С ЭТНИЧЕСКОЙ, РЕГИОНАЛЬНОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ.

В **таблице 1** представлены ответы жителей Дагестана на вопросы: «*Какие чувства вызывает у вас принадлежность к своей нации? Какие чувства вызывает у вас ощущение того, что вы гражданин России? Какие чувства вызывает ощущение того, что вы житель Дагестана?*».

С помощью данных вопросов о чувствах, связанных с этнической, региональной и государственной принадлежностью нами определялась **позитивность/негативность этнической идентичности**. Как известно, важнейшим компонентом этнической идентичности принято считать ее эмоциональную сторону – всю совокупность чувств,

испытываемых этнофорами по отношению к его этнической группе и факту своей принадлежности к ней. Для исследования этой стороны этнической идентичности участникам опроса предлагалось выбрать из списка (*гордость; спокойная уверенность; никаких чувств; обида; ущемленность, униженность; другое (укажите, какое именно)*) и отметить те чувства, которые они испытывают, думая о своем народе¹¹⁸. Из данных таблицы мы видим, что позитивные чувства у дагестанских респондентов в большей степени связаны с этнической и региональной идентичностью, что может указывать на кризисные явления в области гражданской идентичности.

Кризис идентичности охватывает, в первую очередь, молодежь. Для нее характерна парадоксальная двойственность сознания: больше половины опрошенных молодых дагестанцев заявляют о принадлежности к восточной, основанной на исламе, культуре¹¹⁹. На самом же деле, несмотря на процессы исламизации сознания и культуры, большинство молодых дагестанцев разделяют общие ценности с другими гражданами России. Однако, происходящие в целом в России перемены, а также растущая кавказофобия, толкают молодых жителей республики к поиску себя в стороне от общероссийской общности, обостряя и без того серьезный кризис идентичности.

Идентичность и религия

Дагестан – один из самых исламизированных регионов России, что определяет значение религиозного фактора для республики. Подавляющее большинство населения исповедует ислам, составляющий одну из основ идентичности дагестанцев.

¹¹⁸ Лебедева Н.М. Новая русская диаспора. М., 1995. 285с.

¹¹⁹ ПМА. Интервью с Заидом Магомедовичем Абдулагатовым, Зав. отделом социологии Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 14 сентября 2011 г. Более подробно об исламе в сознании дагестанцев см. его книгу: Абдулагатов З.М. Ислам в массовом сознании дагестанцев. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2008. – 204 с.

Исламское поле Дагестана не ограничивается наличием двух толков суннитского ислама – шафиитского и ханафитского, шиизма и суфизма. Оно более мозаично, представлено различными радикальными группами салафитского толка (так называемые «лесные», «ваххабиты», Ассоциация ученых «Ахль ас-Сунна валь-джамаа»), разными школами и традициями суфизма, определенно маргинальными и немногочисленными группами сторонников Хизб ут-Тахрир, Саида Нурси, а также весьма своеобразной сектой «крачковцев». Все это поле бурлит и непосредственно влияет на состояние дел в республике. В ситуации отсутствия единства, ислам становится основным выразителем протестных настроений, а иногда фактором дестабилизирующим.

Сложилось упрощенное представление о том, что в Дагестане протестную исламскую группу представляют только салафиты, «ваххабиты» и «лесные»¹²⁰. Однако и среди «традиционных» и якобы полностью лояльных суфиев находятся те, кто выражает протестные настроения. В частности, есть в оппозиционной группе самого влиятельного шейха Саида-афанди¹²¹ суфийские деятели, которые всячески ограничивают контакты с государством и существующим режимом. К ним относятся хасавюртовские аварцы, последователи шейха Таджуддина (линия параульских шейхов), а также акушинские и левашинские алимы. Они обосновывают свою позицию тем, что власть находится в руках неверных. Поскольку изменить положение дел сейчас они не могут, то запретили своим последователям идти против власти с оружием в руках, но рекомендовали минимизировать контакты с ней.

¹²⁰ См., например: Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М.: Наука, 2007. С.376-396.

¹²¹ Несмотря на то, что Саид-афанди Чиркеевский погиб в результате террористического акта 28 августа 2012 г., мы будем упоминать его во главе группы мюридов, поскольку до сих пор нет фигуры такого же масштаба, которую можно было бы назвать его преемником.

Итак, салафиты – не единственные, кто представляет протестную линию в исламе. Они действительно хотят установить свою политическую систему. Однако, в стане экстремистски настроенных салафитов¹²² произошли серьезные изменения: за прошедшие 20 лет они потеряли своих интеллектуалов, которые имели политическую платформу, знали, чего они хотят и как этого добиться. Тем не менее, идеология не побеждена, что ведет к росту бессистемного насилия с их стороны, террору против силовиков и представителей власти.

¹²² Таких салафитов в Дагестане обычно называют ваххабитами.

Таблица 2.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ УРОВНЯ СЕПАРАТИЗМА ПО ГРУППАМ СТЕПЕНИ РЕЛИГИОЗНОСТИ.

Достаточно часто на обывательском уровне высокий уровень религиозности принято связывать с растущим уровнем экстремизма, мы в своем исследовании решили проверить эту гипотезу.

В **таблице 2** приведены данные полученного нами распределения уровня сепаратизма по группам и степени религиозности, которые не продемонстрировали статистически значимых различий между данными группами. Присутствует незначительная тенденция, но в целом можно говорить о том, что уровень религиозности у представителей Дагестана в

нашем исследовании с тенденциями к сепаратизму не коррелирует.

То, что в стане непримиримых религиозных экстремистов не осталось тех, с кем можно договариваться, стало очевидно в связи с разворотом властей республики к попыткам способствования внутриисламского диалога в республике. Возглавлявший республику с 2010г. до начала 2013 г. Магомедсалам Магомедов, инициировал дискуссии между разными исламскими группами в республике, в ходе которых умеренная часть салафитов (члены группы «Ассоциация ученых Ахль ас-сунна валь-джамаа») оформилась в некоторое подобие политической силы, представляющей интересы оппозиционных мусульман. Было дано указание прекратить силовые действия против мирных салафитов, в результате чего в республике стали открыто действовать салафитские мечети в Шамхале, Губдене, Буйнакске, салафитские группы в Махачкале. Хотя почти все эксперты скептически оценивают результаты работы и перспективы созданной по инициативе Магомедсалама Магомедова «Комиссии при Главе РД по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить террористическую и экстремистскую деятельность на территории республики», красноречив сам факт ее учреждения, свидетельствующий о желании наладить диалог с крайней оппозицией. Однако сами умеренные салафиты, приветствуя инициативы власти и осторожно участвуя в предлагаемых формах сотрудничества, готовы свернуть диалог: *«Мы открыты и вышли из подполья. Но мы в любой момент готовы вновь уйти, потому что мы не уверены в том, что новая политика всерьез и надолго»*¹²³.

Возможно, при новом президенте Дагестана эти инициативы действительно свернутся. По крайней мере, администрация Р.Г. Абдулатипова не демонстрирует желания продолжать курс прежнего президента. Кроме того, есть

¹²³ ПМА. Интервью с представителем салафитской общины города Махачкалы (аноним), 23 сентября 2011 г.

сведения о том, что со стороны силовиков предпринимаются попытки воздействовать на бизнес умеренных салафитов. В частности, в городе Махачкале в октябре 2013 года прошел ряд рейдов в сети быстрого питания «Азбар», которая относится к салафитскому бизнесу¹²⁴.

Неожиданно вопрос идентичности поднялся в Дагестане перед новым 2013 годом, когда развернулась дискуссия относительно правомочности его празднования мусульманами. О накале дискуссии свидетельствовала развернувшаяся полемика в СМИ и на просторах Интернета, а также дежурство полиции рядом с воздвигнутыми в городах республики новогодними елками. Пользователь под ником «муджахид» на форуме газеты «Черновик», во время обсуждения статьи «Почем сейчас елки?», прямо увязывает вопрос празднования Нового года с проблемой идентичности. Он пишет: *«Ведь Новый год - это больше, чем праздник. Это – торжество общероссийской идентичности, для насаждения которой всё активнее привлекается военная сила. Религиозная, в нашем случае, исламская идентичность должна отойти на второй план и уступить место»*. Далее он утверждает, что общероссийская идентичность для мусульман якобы невозможна: *«Но мы - мусульмане. И мы должны понимать, что нахождение с неверными в рамках единой идентичности, возможно только при условии забвения того, что ниспослал Всевышний»*¹²⁵.

Иными словами, то, что сейчас происходит на исламском поле Дагестана, имеет прямой выход на вопросы идентичности, и это достаточно отчетливо осознается игроками на этом поле. Ситуация осложняется тем, что религия не собирается

¹²⁴ Подробнее об этом см.: В Махачкале работники исламских кафе заявляют о массовых задержаниях в ходе проводимого полицией рейда. Кавказский узел. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/231616/> (дата обращения 24 октября 2013 г.).

¹²⁵ <http://www.chernovik.net/content/religiya/pochyom-seychas-yolki>

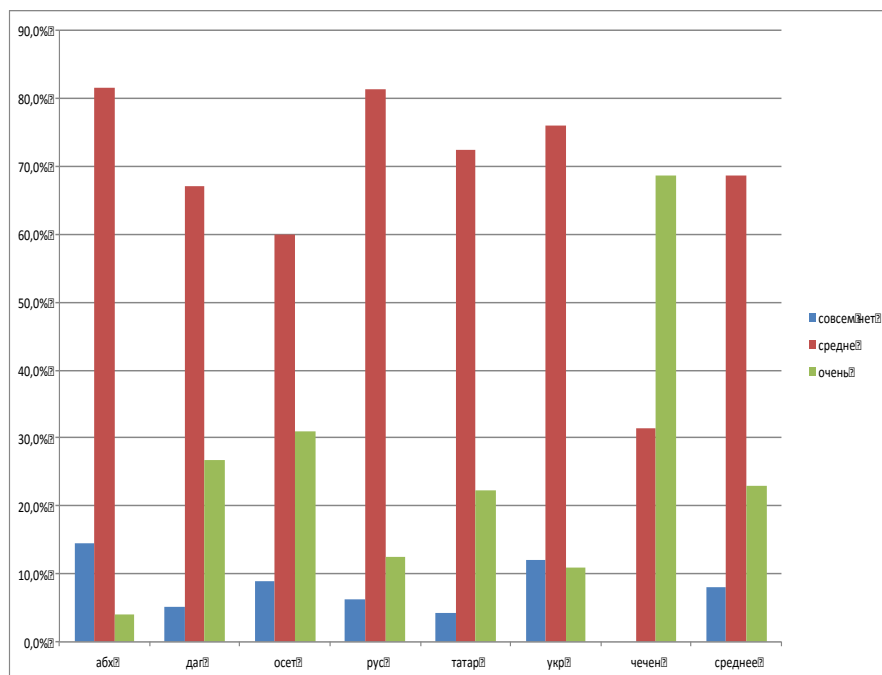
оставаться в очерченном ей пространстве, деятельно вмешиваясь в традиционно светские сферы.

Светское против религиозного

Дагестанцы обладают высокой степенью религиозности, что находит отражение в общественно-политической жизни республики. Религиозные деятели, чувствуя поддержку со стороны консервативно-религиозной части общества, инициативно включаются в полемику со светскими деятелями, пытаются вмешиваться в сферы, далекие от религии, в частности, в научные дискуссии, пытаются вести мониторинг литературы и влиять на круг чтения дагестанцев через запрет nereкомендуемых книг. Вслед за инициативами РПЦ, мусульманские деятели Дагестана активно ставят вопрос необходимости введения уроков ислама в школах.

Таблица 3.

СТЕПЕНЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ ДАГЕСТАНСКИХ РЕСПОНДЕНТОВ В
СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ РЕГИОНАМИ.

В таблице 3 мы поместили сравнительные данные о степени религиозности наших респондентов в разных регионах. Дагестанские респонденты демонстрируют достаточно высокий уровень религиозности, уступая только чеченцам и южным осетинам.

Все чаще встает вопрос о допустимости исламской одежды в государственной школе, совместного обучения девочек и мальчиков и т.д. Чересчур принципиальные сторонники светскости становятся жертвами общественного противостояния. Директор школы в поселке Шамхал Патимат Магомедова была убита в сентябре 2010 г., как считается, из-за

ее непримиримой позиции по поводу ношения хиджаба в школе и уроков физкультуры для девочек¹²⁶.

Однако, в некоторых случаях, по мнению экспертов, не все так однозначно. В частности, часто поднимается вопрос об исламском образовании, которое якобы пытается заменить светское. Престижность светского образования сегодня никем не ставится под сомнение. Кроме того, активно критикуемые исламские вузы Дагестана, по мнению экспертов и даже правительственных чиновников, играют очень важную социальную роль, занимая тех, кто не нашел денег для поступления в светские вузы. Эти молодые люди получают кров, еду, а также воспитываются в исламской морали суфийской направленности, запрещающей вооруженную борьбу и экстремизм¹²⁷.

Проблема разницы поколений в Дагестане обострена до предела. Традиционное общество, регулировавшее передачу знаний, умений, навыков и устоев молодому поколению, все больше размывается под влиянием глобализационных процессов, идущих в мире, а также своеобразной «исламской глобализацией», когда среди мусульман все шире распространяются представления о наличии некоего универсального ислама, который должен быть свободен от различий в плане направления, толка и течения. Мусульманская молодежь в мире, а в последнее время и в Дагестане, все активнее вовлекается в процесс создания экстерриториальных общин, когда вовсе не обязательно принадлежать к общине тех, кто посещает одну и ту же мечеть. Интернет открывает доступ

¹²⁶ Ионов О. Директор школы в Махачкале стала жертвой наемных киллеров... Кавказский узел. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/174704/> (дата обращения 24 сентября 2010 г.).

¹²⁷ ПМА. Интервью с Муртазали Гаджиявовичем Якубовым, главным специалистом Отдела взаимодействия с религиозными образовательными учреждениями и гуманитарного сотрудничества Управления по государственно-конфессиональным отношениям Министерства по национальной политике, делам религий и внешним связям Республики Дагестан, 23 сентября 2011 г.

к впечатляющим коллекциям фетв так называемых «электронных муфтиев», которые становятся новыми кумирами исламской молодежи. Не учитывающие контекст и локальные особенности, фетвы привлекают молодежь своей универсальностью. Официальные религиозные лидеры, цепляющиеся за старые традиции, все больше теряют авторитет в их глазах. Эти люди ассоциируются у молодежи с нынешним строем, а значит, с полной и безоговорочной поддержкой современного состояния дел.

Молодежь остро реагирует на современные проблемы дагестанского общества. Молодые люди на своих плечах испытывают практически все его пороки, особенно коррупцию. Наиболее опасной тенденцией следует признать закрепляющуюся «коррупционность сознания» дагестанской молодежи. Коррупция, отсутствие перспектив для собственного развития ведет к росту протестных настроений среди молодежи. Даже среди образованной молодежи распространены представления о том, что введение шариата – единственный способ решения проблем дагестанского общества. Небольшая, но активная часть молодежи в итоге оказывается среди групп боевиков. Большая же часть молодежи предпочитает трудовую миграцию, поскольку Дагестан отличается не только высокой безработицей, что в условиях аграрной республики, все же не столь опасно, но и низким уровнем заработной платы.

Но, прежде чем рассмотреть проблемы, связанные с миграцией, обратим внимание на бытование шариата: насколько эта проблема реальна и каковы масштабы и перспективы «шариатизации» дагестанского общества. Активная деятельность по учреждению шариатских судов в Дагестане началась примерно с конца 1980-х годов, когда ослабла, а затем и была прекращена антирелигиозная деятельность государства. По всей республике было создано несколько десятков такого рода институтов; в то же время, они так и не смогли составить серьезную конкуренцию государственным судам. Существующие шариатские суды

рассматривают, в основном, дела, связанные с семейно-брачными делами, наследованием. За редкими исключениями, уголовных дел они практически не рассматривают. Кроме того, часто «шариатское» правосудие на самом деле ограничивается применением норм адата (обычного права). Широко распространены также традиции медиаторства, также основанные скорее на нормах адата, пусть даже им занимаются авторитетные в местных общинах-джамаатах имамы. Иными словами, Дагестан все еще очень далек от якобы грозящей ему «повальной шариатизации». Главными факторами, которые мешают широкому распространению шариата в правоприменительной практике, являются низкий уровень исламского образования, нехватка грамотных кадров и высокая степень секуляризации населения.

Каковы перспективы шариата в регионе? Анализ происходящих в Дагестане процессов позволяет предположить, что здесь будет происходить дальнейшее «разрежение» российского правового поля, которое будет размываться, в первую очередь, в сфере наследственного и имущественного права, а также в целом в судебно-процессуальной области. Будет происходить, пусть медленное, но дальнейшее усиление неформальных шариатских структур, таких, как существующие во многих общинах де-факто шариатские суды *кади*. В целом будет расти значение шариата, который с течением времени, скорее всего, будет серьезно конкурировать со светским российским правом и традиционным правом (*адатом*). Растущая конкуренция светского, традиционного и религиозного права будет, с одной стороны, создавать ситуацию «правовой чересполосицы», как территориальной (с шариатскими анклавами и районами, где светское право преобладает), так и ситуационной (в одних случаях будет преобладать светское право, в других религиозное, в третьих традиционное). С другой стороны, это приведет к дальнейшему размыванию правового сознания мусульман региона. Последнее вынужденно подтолкнет к дальнейшему дрейфу мусульманское население Северного Кавказа, уводя сознание

все дальше и дальше от ценностей гражданского правового общества.

В целом традиция, как нормативный регулятор общества, будет и дальше терять свое значение. Однако, это будет происходить не в результате дальнейшего развития модернизационных процессов, а в значительной мере, как результат вытеснения религиозным правом в ходе конкуренции разных правовых систем. В то же время ряд укоренившихся в регионе обычно-правовых практик сохранит свое значение. В частности, сохранятся, а может и будут играть еще большую роль такие формы, как неформальное медиаторство и примирение по *маслахату* (согласию сторон) в случаях непреднамеренного нанесения имущественного и физического вреда; медиаторство с участием авторитетных духовных лидеров (имамов мечетей), женщин. Во всех этих случаях обычное право (адат) не составляет прямую конкуренцию мусульманскому праву и может с ним сосуществовать, тем более, что большую роль в этих обычно-правовых процедурах играют исламские служители культа.

Шариатское право будет относительно успешно конкурировать со светским правом в значительной мере из-за все большего ухода государства из разных сфер жизни дагестанского общества. В частности, тревожным и провоцирующим вызовом является сохранение неопределенности с правовым статусом земельных угодий, захватами в обход российского законодательства земель под строительство и жилье. В связи с этим будет расти число земельных конфликтов, решение которых в условиях отсутствия четких законов, регулирующих земельные отношения все чаще будет происходить на основе шариата и традиционного медиаторства, также принимающего исламскую окраску. В Дагестане растет число случаев, когда земельные конфликты между коренными жителями равнины и переселенцами решаются на основе консенсуальных соглашений джамаатов этих двух групп, заключаемой в мечети

и закрепляемой договором, составленным на арабском языке¹²⁸. Такие соглашения заключаются при активном участии имамов джамаатов, даже если они достигаются не на основе шариата, а традиционного медиаторства.

Привлекательность шариату и адату придают системные проблемы: тотальная коррупция и продажность судебной системы, уменьшение объема и качества государственных услуг (усугубляемое все той же коррупцией), неэффективность правотворческой деятельности государственной власти (в частности, затягивание решения проблемы статуса земель), отсутствие четкой национальной и религиозной политики (в частности, заигрывания с религиозными лидерами и организациями, сочетаемые с вопиющей исламофобией).

В то же время, в связи с ростом привлекательности «традиционных» обычно-правовых и шариатских практик будет происходить их использование криминальными структурами в своих целях и для оправдания своей противоправной деятельности. В регионе криминальные структуры накопили огромный опыт использования общей нестабильности и привлекательных идей и лозунгов в своих целях. Так было во времена *de facto* независимости Чеченской республики Ичкерия, так происходит и в современном Дагестане и Ингушетии. Многие криминальные разборки и нечестная конкуренция с криминальными «наездами» маскируются под случаи *джихада* и борьбы с «неверными» и «лицемерами», согласно общепринятым нормам шариата¹²⁹. Криминал будет все шире использовать псевдо-шариатские структуры и практики: вести криминальные разборки под видом «вооруженного джихада», заниматься банальным рэкетом и вымогательством под видом сбора *садаки* (добровольной милостыни) и *закята* (обязательного для

¹²⁸ См., например: Казенин К. Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. с.44-46.

¹²⁹ Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов-на-Дону, Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. С.330.

верующих благотворительного религиозного налога), принимающих тем самым принудительную криминальную форму, использовать для достижения нужных решений «шариатские суды».

Очевидно, что в Дагестане в целом будет расти роль шариата как идеологического фактора радикальных исламских группировок. В то же время терроризирование мирного населения под видом установления экстремистами шариатского правления приводит к тому, что многие группы населения разочаровываются в мусульманском праве и приходят к выводу, что «шариатизация» общества неизбежно приведет к ухудшению их положения. К таким группам в первую очередь относятся светская интеллигенция (врачи, учителя, преподаватели вузов, работники культуры и т. д.), представители мелкого и среднего бизнеса и т. д. Иными словами, апелляция экстремистов к шариату приводит к подрыву авторитетности мусульманского права среди многих слоев северокавказского общества. Растущая исламская компонента в идентичности дагестанцев, следовательно, испытывает серьезные сложности в связи с противоречивостью «шариатского фактора».

Информационное пространство

Дагестан на всем пространстве Северного Кавказа до сих пор обладает бесценным ресурсом, важным в деле налаживания диалога между народом и политическими институтами. Этот ресурс – достаточно свободные печатные СМИ, а также наличие профессионального и ответственного журналистского сообщества. Дагестанские газеты, среди них: «Новое дело», «Молодежь Дагестана», «Свободная республика», «Настоящее дело», «Черновик» и другие, публикуют достаточно острые репортажи, откликаются на самые животрепещущие проблемы общества и государства, публикуют обращения граждан к властям, мнения граждан о том, что творится в республике. Все

это благоприятно сказывается на состоянии общественной дискуссии.

Тем не менее, сами журналисты отмечают серьезные проблемы. По их мнению, свобода прессы ограничивается, на газеты оказывается все возрастающее давление, журналисты нередко слышат в свой адрес угрозы. В целом же интервью и фокус-группы выявили высокий уровень недоверия в дагестанском сообществе. Наибольший уровень недоверия фиксируется в отношении власти: коррупция, неспособность проводить в жизнь принятые программы, закрытость – все это создает атмосферу недоверия.

ТАБЛИЦА 4.

ХАРАКТЕРИСТИКИ УРОВНЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ ДАГЕСТАНЦЕВ.

Таблица 4 позволяет судить о невысоком уровне институционального доверия ко всем представленным институтам. Наиболее высокий уровень доверия наши респонденты продемонстрировали по отношению к Совету Муфтиев России, Духовному управлению мусульман и

Образовательным учреждениям (*школам, институтам*). Самый низкий уровень доверия мы зафиксировали по отношению к Общине салафитов, Политическим партиям и Протестантской церкви.

Вот что учителя и социальные работники говорили на фокус-группе: «Вот Вы нас спрашиваете про проблемы. Но мы даже не верим, что стоит об этом говорить, и что что-то изменится. Мы даже не интересуемся программами, потому что изначально знаем, что они не будут реализовываться в Дагестане!»; «Власть не способна нас защитить. Люди надеются только на себя»; «Наша власть, любого уровня, не живет проблемами народа»¹³⁰. Политическая система дагестанцев не удовлетворяет. Что интересно, высокую степень политической сознательности проявили фермеры, которые самостоятельно подняли на фокус-группе вопрос выборов. По их мнению, выборы глав должны быть всенародными. Очевидно, что решение Народного собрания Республики Дагестан, отменившего в 2013 г. всенародные выборы главы республики, было воспринято многими дагестанцами отрицательно.

Итоги

Таким образом, ситуация в Республике Дагестан характеризуется высокой степенью динамики. В республике сложился тревожный фон, который усиливается почти ежедневным насилием. Серьезным вызовом для дагестанского общества является поразивший его системный кризис, выход из которого видится только в решительном проведении болезненных реформ и преобразований. Кроме того, полиэтнический Дагестан переводит многие проблемы в привычную межнациональную плоскость, что может отвлечь

¹³⁰ Фокус-группа с учителями и социальными работниками, с. Терекли-Мектеб Ногайского района Республики Дагестан, 16 сентября 2011 г.

исследователей и власти от сути этих жизненно важных проблем.

Необходимо понимать, что системный кризис, поразивший Дагестан, находит свое выражение также и в кризисе идентичности, принявшем затяжной и глубокий характер. Как показывает наше исследование, происходящие в республике процессы зачастую имеют разнонаправленный характер, что не дает надежды на скорое разрешение упомянутого кризиса идентичности. А ведь культурно-цивилизационный и политический выбор дагестанцев во многом зависит от того, какой из многочисленных векторов развития окажется ведущим. Случай Дагестана выпукло показывает, насколько важно не упустить момент формирования общегражданской идентичности. Наше исследование еще раз убеждает, что кризисные явления в этой чувствительной области не могут быть преодолены без комплексных мер и болезненных преобразований.

РАЗДЕЛ 6.

Конфликты на Северном Кавказе: факторы нестабильности и социальная реальность

СЕРГЕЙ МАРКЕДОНОВ

Калейдоскоп амиров и социальная реальность

Сайты, близкие северокавказскому подполью после длительного молчания, в конце марта 2014 года заявили о смерти лидера Имарата Кавказ Доку Умарова. На сегодняшний день полной ясности в причинах смерти северокавказского террориста номер один нет. Первым источником информации о ликвидации руководителя «Имарата Кавказ» стал президент Чечни Рамзан Кадыров. Практически синхронно с заявлением

Кадырова в youtube появилось видео, в котором некий «представитель сопротивления» фактически подтвердил информацию руководителя Чечни. Заявление о создании «Имарата Кавказ» в 2007 году стало определенным символическим рубежом в политической истории постсоветского Кавказа. Доку Умаров продолжил идеологический дрейф в сторону радикального исламизма, начатый ранее. В мае 2005 года была предпринята серьезная попытка координации различных террористических организаций на общекавказском уровне. Был создан так называемый «Кавказский фронт», включивший в себя т.н. «Дагестанский сектор» («джамаат Шариат», «Дербентский джамаат»), «Ингушский сектор» («джамаат Галгайче»), «Кабардино-балкарский сектор» («Кабардино-Балкарский джамаат»), «Ставропольский сектор» (так называемый «Ногайский батальон»), «Карачаево-Черкесский сектор» («Карачаевский джамаат»). Создание фронта провозгласил т.н. «президент Чеченской Республики Ичкерия» Абдул-Халим Садулаев (1966-2007). Садулаев был последним из лидеров «ичкерийцев», кто пытался соединить линию радикальных исламистов с линией сепаратистов. Какое-то время ему это удавалось. Однако исламистское начало постепенно взяло верх.

23 июня 2006 года Умаров заявил, что для борьбы против «колонизации Кавказа» он намерен создать несколько «фронтов». 6 июля он подписал «указ» о создании «Уральского и Поволжского фронтов». На посту «президента» Чеченской Республики Ичкерия Умаров также прославился тем, что присвоил звание «генералиссимус» «террористу номер один» Шамилю Басаеву.

Оговоримся сразу. Все эти террористические ячейки, называющие себя «фронтами», «секторами» и т.п. в действительности осуществляли свои операции не в соответствии с принципами единоначалия. «Кавказский фронт» (забегая вперед, скажем, что и «Имарат Кавказ») – сетевая структура, части которой объединены неким общим набором идеологических представлений. При этом конкретные

операции могли проводиться в соответствии с местной «повесткой дня», а не неким стратегическим планом, присылаемым «сверху». Другой вопрос - информационно-пропагандистская война, которую вели и ведут террористы для формирования представлений об их борьбе, ее целях и задачах, а также имеющихся у них ресурсах и возможностях.

Политический язык, используемый умаровцами, стал принципиально отличаться от языка сепаратистов. На их главном интернет-ресурсе «Кавказ-центр» и в других материалах проводится последовательная антироссийская, антиамериканская и антиевропейская пропаганда. Так, например, войска США и Великобритании в Афганистане называются «оккупантами», «врагами». И не случайно в этой связи США включили Умарова и ведомый им «Имарат» в «черные террористические списки» Госдепа. При этом многие из соратников Умарова принадлежали (и теперь принадлежат) к другому поколению радикалов, которые сделали свою специфическую карьеру уже в постсоветский период. В отличие от Дудаева или Масхадова многие из них родились в конце 1970-х или 1980-х годах, не имея за плечами опыта советских военных училищ и курсов по марксизму-ленинизму и научному атеизму. Распад СССР произошел, когда им было 10-15 лет, а кто-то и вовсе родился уже в новой России. В этих реалиях национализм (так популярный в перестройку) уже достиг пика своей популярности. На смену культу этноса приходили идеи возвращения к «чистому исламу».

Причины такого «разворота» многоплановы, и вряд ли их можно описать в рамках небольшой статьи. Заметим лишь, что ограничивать все это неэффективной государственной политикой не представляется возможным. Споры нет, она имеет свое негативное влияние. Но не меньшее влияние оказывает и кризис идентичности для бывших граждан СССР, живущих на всем постсоветском пространстве. Впрочем, схожие сюжеты мы видим и в куда более благополучных европейских странах или США, где вызовы «саморадикализации» также фиксируются. Как бы то ни было, а с выходом Доку Умарова на

первые роли функционирование подполья, его цели и задачи существенно изменились. Как изменились и его символы, и политический язык.

Как бы то ни было, а в июле 2013 года Доку Умаров нарушил свое молчание и заявил о необходимости активизации деятельности подполья с целью срыва Олимпиады в Сочи. В своем видеообращении к сторонникам на Северном Кавказе и в Поволжье он заявил о снятии «моратория» на проведение террористических атак против гражданских объектов на территории России. По его словам сворачивание боевой деятельности «Эмирата» было воспринято Москвой, как проявление его слабости. Лидер джихадистов выразил готовность продемонстрировать наличие у него ресурсов и возможностей для продолжения диверсий и терактов. И такая «привязка» к играм в Сочи автоматически способствовало повышению интереса к персоне «эмира» на международном уровне.

В то же самое время судьба Умарова и споры о его жизни и смерти в очередной раз поднимают вопрос о соотношении чисто технических аспектов и политических (можно даже сказать идейно-политических) последствий. В течение 2009-2013 гг. были ликвидированы такие знаковые лидеры джихадистского подполья, как Марат Гулиев, Анзор Астемиров, Магомедали Вагабов, Саид Бурятский, Аскер Джаппуев, Ибрагим Валиджанов, Супьян Абдуллаев, Казбек Ташуев, Адам Цыздоев, Алим Занкишиев, Руслан Батырбеков, Джамалейл Муталиев и многие другие. Однако решительного психологического и политического перелома в борьбе с терроризмом не произошло. Свидетельство этому - недавние волгоградские трагедии.

Эта ситуация объясняется, в первую очередь, тем, что российская власть делает ставку на сокрушение боевиков, уделяя намного меньшее внимание изменению социальной реальности, которая делает возможным их повторное воспроизводство. До сих пор практически не уделяется внимания изменению существующих республиканских

моделей власти. Взять хотя бы арест влиятельного мэра Махачкалы Саида Амирова (2 июня 2013 года), игравшего огромную неформальную роль в республиканской системе власти. Этот шаг стал лишь демонстрацией властных возможностей «вертикали», но не началом системы мер по изменению властных отношений, в которых определяющую роль играют не институты, а личные договоренности и лояльности.

Нельзя признать и слишком эффективными такие инициативы властей, как распространение уголовной ответственности на семьи и родственников террористов, поскольку они базируются на не вполне адекватных представлениях о сохранении на Северном Кавказе в первозданном виде неких «особых традиций» и кровнородственных связей. В реальности же традиционные общественные структуры кавказских народов переживают серьезный кризис и трансформации. Тот же чеченский тейп более не проживает компактно, не владеет общей землей. Институт старейшин вырождается, будучи подорванным вооруженными конфликтами, когда обладание оружием становилось важнее возраста. Процесс исламского возрождения сопровождается конфликтом поколений. И для салафитской молодежи старшее поколение, являющееся «неправильными», «поверхностными» мусульманами не является авторитетом. В этой связи попытки использования практик «коллективной вины» могут сработать против Российского государства, консолидировав жителей Кавказа вокруг неприятия политики Москвы.

Терроризм сам по себе не может достигать цели, если политические силы, использующие его как инструмент, будут лишены моральной легитимности. А для лишения врагов государства (здесь без всякой иронии) этой легитимности сама держава должна выглядеть достойно. Только в этом случае люди, недовольные властью, пойдут с государством и будут рассматривать его не как меньше зло, а как партнера. Для этого терроризм нужно сделать экономически и политически

нерациональным. Это возможно только тогда, когда российские граждане, проживающие на Северном Кавказе, ощутят выгоду от поддержки и защиты России. А эта цель принципиально не реализуема только в рамках одного отдельно взятого региона.

Насколько вообще необходима охота за террористами? Думается, что боязнь возмездия - важный фактор. В особенности для людей, которые сознательно преступили закон и для которых цель оправдывает всякие средства. Такая боязнь может решить отдельные тактические задачи (например, удержать некоторые горячие головы от терактов, нападений или захватов). Однако тактические выпады против боевиков должны подкрепляться искоренением предпосылок, которые делают их деятельность востребованной, выгодной, интересной, в особенности молодому поколению. Без этого настоящей «смены вех» не произойдет. Будь то символическое наказание или незамеченная ликвидация.

СОЛОМОН ЛЕБАНИДЗЕ

«Лезгинский вопрос» как фактор нестабильности

«Лезгинский вопрос» грозит стать еще одним фактором нестабильности в Кавказском регионе. Игнорирование проблем лезгинского народа, разделенного границами Азербайджана и России, ведет к радикализации лезгинской молодежи, толкает их в ряды действующих в регионе исламских фундаменталистов. В частности, об этом было заявлено 18 июня 2012 года на конференции, посвященной проблемам лезгинского народа.

Генезис проблемы

Лезгины - коренной этнос Кавказа. Значительная часть лезгин исповедует ислам суннитского толка. В культурном, этническом и лингвистическом плане являются наследником народностей мощного государства древности - Кавказской Албании (Алпани). После интеграции лезгинских территорий в состав Российской Империи, территория их проживания оказалась разделенной между собственно Россией и Азербайджаном. Решением ВЦИК от 20 января 1921 была образована Дагестанская АССР, граница, которой, рассекаясь, с советским Азербайджаном, была установлена на реке Самур. В период правления Сталина и после его смерти лезгины много раз обращались к советскому руководству с просьбой либо образовать лезгинскую автономную единицу в составе Азербайджанской ССР, либо всех лезгин объединить в составе Дагестанской АССР, либо объединить всех лезгин в отдельную Лезгинскую АССР.

Наиболее остро эта проблема встала перед лезгинами после развала Советского Союза и обретения Азербайджаном самостоятельности. Народ оказался разделенным между двумя различными государствами. По данным общественных

организаций лезгинского народа, в Азербайджане проживает более миллиона представителей лезгинских народов. По данным же Института этнологии и антропологии РАН, численность лезгинского населения в Азербайджане составляет 250-260 тыс. чел. Компактные поселения лезгин имеются на территории Кубинского, Кусарского, Хачмазского и Кабалинского районов Азербайджана. Этнический массив лезгинских этнических групп был разделен по реке Самур, которая протекает на границе российского и азербайджанского государств. По данным дагестанской газеты «Новое дело», в Южном Дагестане проживают 474 тыс. лезгин. Лезгинский язык является языком обучения в 1-4 классах сельских школ, а в городских школах преподается лезгинский язык и литература. За счет местного бюджета на лезгинском языке ведется телерадиовещание, выходит газета. Аналогичные права имеют и азербайджанцы Дагестана, которые признаны одним из титульных народов Дагестана. По данным газеты «Новое Дело» - совершенно иная картина наблюдается в Азербайджанской республике. Согласно переписи 2009 года лезгин в этой стране проживает 180 тысяч. И они официально являются вторым по численности народом после азербайджанцев. Но таких национальных привилегий, которыми обладают азербайджанцы в Дагестане, лезгины в Азербайджане не имеют.

Лезгинские общественные деятели активно обвиняют азербайджанское руководство в ущемлении прав лезгин и в насильственной ассимиляции представителей лезгинского народа. Лезгины обвиняют официальный Баку в «тюркизации» лезгин и запрете лезгинского языка. Жаркие баталии разгорелись вокруг исторических памятников лезгин в Азербайджане: суннитской «Лезги мечети».

Так, представители созданного в Азербайджане Духовного управления мусульман Кавказа (УМК) потребовали изменить историческое название суннитской мечети в Баку из «Лезгинской» в «Ашурбекскую». Переименование мечети стало обязательным условием для перерегистрации

религиозной общины - лезгин. Эта обязательная перерегистрация всех религиозных организаций - четвертая с 1991 года, когда Азербайджан получил независимость. Азербайджанские власти отвергают все эти обвинения. Так, несогласие со многими оценками, прозвучавшими на конференции 18 июня 2012 года, выразил президент Федеральной национально-культурной автономии азербайджанцев "АЗЕРРОС" Союн Садыков. В своем выступлении он напомнил, что представители лезгин длительное время занимают высокие посты в руководстве Азербайджана.

Суннитско-шиитские противоречия

Актуализация лезгинского вопроса также связана с напряженностью в суннитско-шиитских отношениях. С обретением независимости Азербайджан обрел и массу проблем этнополитического характера. Доперестроечный период для азербайджанской государственности протекал в условиях острого противостояния политического центра и национальных окраин. Карабахский конфликт послужил Баку сигналом для ужесточения политики в отношении национальных меньшинств. Опасаясь повторения карабахского сценария, руководство Азербайджана приступило к свертыванию государственных программ по поддержке национальных меньшинств. Нежелание азербайджанских властей публично признавать существование «лезгинского вопроса» также связано с напряженностью в суннитско-шиитских отношениях, которые уходят своими корнями в период противостояния Персии (Иран) и России в регионе. По неофициальным данным, в Азербайджане ислам суннитского толка исповедует около 35% населения республики, около 65% являются шиитами. Суннитами являются, помимо дагестанских народов, некоторое количество азербайджанцев. Проживают сунниты, в основном, на севере государства. Много суннитов проживает в крупных городах страны. Во второй русско-

иранской войне (1826-1828) суннитская часть населения Азербайджана поддержала русские войска. Наблюдатели сходятся во мнении, что процедура перерегистрации стала своего рода «чистилищем» неугодных государству общин из реестра юридических лиц. Первыми жертвами перерегистрации стали суннитские общины, в частности «Лезги мечеть». В конфликт были втянуты также религиозные деятели Южного Дагестана, которые выступили с заявлением, в котором осудили политику Азербайджана в отношении суннитского наследия - «Лезги мечети».

Властями под надуманными предлогами была введена практика закрытия суннитских мечетей. Подобная участь постигла мечети «Абу-Бакр» и «Шехидляр» в Ясамальском и Сураханском районах. В то же время в Азербайджане при перерегистрации не испытывают никаких проблем не традиционные религиозные общины. Особая роль в деле контроля над верующими отводится государством муфтию Азербайджана - Аллах шукюр Пашазаде. Именно с его подачи было трижды запрещено призывать мусульман к молитве через громкоговорители, введён запрет в стране на исламскую пропаганду. С 2010 года в азербайджанских школах официально запрещено носить хиджаб. Азербайджанские же эксперты отрицают существование каких-либо проблем в сфере национальных отношений, а возможные этнополитические обострения связывают с деятельностью внешних сил. Гонения на активистов лезгинского «Садвала» и Талышского национального движения, которых обвинили в экстремизме, полностью вытеснило национальные меньшинства от участия в политической жизни республики. Все это создает предпосылки для маргинализации лезгинского национального движения.

Еще одним фактором раздражения в регионе может стать ратификация договора о государственной границе между Азербайджаном и Россией, который, был подписан, в сентябре 2010г. Данным соглашением, два лезгинских анклава в России (Храх-Уба и Урьян-Уба) перешли под юрисдикцию

Азербайджана. Это шаг вызвал серьезное негодование среди лезгинской общественности, поскольку все эти годы бескомпромиссная политика официальных властей Азербайджана в отношении лезгинского общественного движения вынуждала лезгинских активистов искать опору в России. Однако после передачи лезгинских сел Азербайджану некоторые лезгинские активисты начали утверждать, что среди лезгин начали нарастать антироссийские настроения. Россия стала первой страной, с которой Азербайджан урегулировал приграничный вопрос. По информации «Эхо Кавказа», Россия и Азербайджан также заключили соглашение об эксплуатации реки Самур.

«Эти документы имеют основополагающий характер для дальнейшего развития отношений стратегического партнерства России и Азербайджана и вносят реальный вклад в укрепление безопасности и стабильности на Кавказе», - считает помощник президента России Сергей Приходько. «Договор в полной мере отвечает российским интересам, его ратификация позволит осуществить мероприятия по укреплению режима границы с Азербайджаном, не создавая при этом препятствий свободному общению граждан двух государств", - так утверждается на сайте Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками.

Лезгинская общественность болезненно восприняла это соглашение и посчитала этот договор началом передачи лезгинских селений Дагестана Азербайджану. После заключения договора о границах, по утверждению лезгинских общественных организаций, власти Азербайджана стали препятствовать свободному перемещению местных жителей (лезгин) из приграничных сел.

В одном из сюжетов на сайте Федеральной Лезгинской Культурной Автономии утверждается, что «крайне пассивная политика Москвы на азербайджанском направлении может привести к потере авторитета России как регулятора ситуации в этом регионе. А потеря авторитета чревата осложнениями не только во внешнеполитическом направлении, но может

привести к напряженности на российском Кавказе». Лезгинский политолог, Руслан Курбанов выходом из трудной политической ситуации считает, федерализацию Азербайджана. В интервью *Caucasus Times*, он заявил, что наряду с автономией Нахчивана и Нагорного Карабаха, малочисленные народы Азербайджана - лезгины, аварцы, талыши - также должны иметь национальную автономию.

Московская конференция: замалчивание исламского фактора

Участники конференции в Москве приняли резолюцию, в которой призвали ускорить заключение договора между РФ и Азербайджаном о правах лезгинского и аварского народов. Рекомендовали РФ открыть своим консульства в Азербайджане : в городах Кусары, Кабала и Закатала (места компактного проживания этих народов), а при посольстве России в Азербайджане учредить должность советника посла по правам этих народов. В резолюции конференции также было отмечено целесообразность обеспечения теле вещания на лезгинском языке и организации изданий в периодических газетах с государственным финансированием. Отдельным пунктом был выделен вопрос исторической мечети в Баку - «Лезги мечети».

Однако все эти рекомендации на фоне раскрытых (вышеперечисленных) конфликтных узлов, выглядят немного запоздавшими. На мероприятии ни сказано ровным счетом ничего о маргинализации лезгинского движения и роли политического ислама в радикализации лезгинской молодежи.

«Лесные братья» - террористическая организация, действующая в Азербайджане, охватывает территорию преимущественно заселёнными лезгинскими народами, а также северо-западные районы Азербайджана, населённые преимущественно аварцами и переселенцами азербайджанцами-суннитами. В начале апреля 2012 года стало известно о проведении очередной крупной операции в северных территориях спецслужбами Азербайджана. Оперативные

мероприятия, проведённые силами Министерства национальной безопасности (МНБ), прошли в районах, непосредственно примыкающих к российской границе, населённых преимущественно дагестанскими народами.

Сотрудниками МНБ Азербайджана в ходе серии спецопераций были задержаны 17 членов незаконной вооружённой группировки «Лесные братья», которые, как говорилось в сообщении Центра общественных связей МНБ, планировали диверсионно-подрывные и террористические акции «с целью подрыва общественно-политической стабильности в стране и создания среди населения паники». У членов группировки было изъято незаконно хранившееся оружие, а также литература, «пропагандирующая джихад и терроризм». Во время проведения операции в Гяндже сотрудники группы специального назначения «Гартал» МНБ Азербайджана встретили ожесточённое вооружённое сопротивление со стороны боевиков. Так, в ходе операции в Гяндже, были задержаны двое. Одним из задержанных оказался постоянно проживающий в городе Сумгаите уроженец Кусарского района Амир Мурадов (1987 г. р.). По данным силовиков, задержанные планировали диверсионно-подрывные и террористические акции.

Эксперты сходятся во мнении о том, что лезгинское национальное движение сегодня претерпевает серьёзную трансформацию. Всё большее значение в нём начинает играть ислам. В 90-х годах, в пик развития национальных движений горских народов, в своих идеологических программах «исламские» тезисы в расчёт практически никем не брались.

Но сегодня ситуация изменилась в корне. Примеров подобных эволюций национальных движений в мире множество, как правило, все они преследуют простую цель – «реанимацию» движения и вывод его из сложившегося организационного тупика и идеологической «спячки». Азербайджан боится реанимации «лезгинской идеи» воссоединения народа под новой, уже наднациональной идеологией. В то же время Азербайджан продолжает ошибочно

видеть решение «лезгинского вопроса» исключительно в силовых методах. Нерешенность «лезгинского вопроса», игнорирование широкого спектра проблем лезгинского населения грозит Кавказскому региону появлением нового очага исламского фундаментализма.

СЕРГЕЙ МАРКЕДОНОВ

**«Казачья полиция»:
защита от мигрантов
или новый конфликтный фактор?**

2 августа 2012 года губернатор Краснодарского края Александр Ткачев заявил о необходимости создания «казачьей полиции». По мнению руководителя Кубани, эта структура, преданная правоохранительным органам, будет надежно защищать край от наплыва «нежелательных мигрантов». Остроты ситуации добавил тот факт, что Ткачев, говоря о мигрантах, имел в виду не иностранных граждан, а выходцев из северокавказских республик. То есть тех, кто обладает, таким же, как и он, российским гражданством. И, тем не менее, Кубань, по мысли губернатора, должна стать неким «фильтром», который призван защитить большую Россию от проблемного региона. И хотя инициатива Ткачева на словах призвана помочь не допустить разжигания межэтнической розни на вверенной ему территории, ее реализация на практике может завязать новые конфликтные «узелки» вдобавок к тем, которые уже имеются.

Этнополитическое развитие так называемых «русских регионов» Северного Кавказа (Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области), в отличие от ситуации в национальных республиках российского Юга, остается вне информационного фокуса. В данном случае действует стереотип: угроза сепаратизма, терроризма, распада страны исходит из национально-государственных образований в составе России. «Русские» же регионы традиционно рассматриваются как аванпосты российской государственности на окраинах. В августе нынешнего года его снова повторил и кубанский губернатор. Однако такой подход игнорирует целый ряд принципиальных обстоятельств. В начале 1990-х годов Россия переживала всплеск этнополитической активности этнических меньшинств. Реакцией на парад суверенитетов,

установление этнократических режимов в российских национально-государственных образованиях, дискриминацию по отношению к «нетитульным» этносам и массовый исход русского населения с территории бывших окраин империи стало «пробуждение» этнического большинства.

«Русское пробуждение» как процесс можно было бы оценивать нейтрально или даже позитивно. Однако сегодня колебание «этнополитического маятника» сопровождается ростом ксенофобии, апелляциями к державному величию и этническому превосходству. В этой связи рассмотрение этнополитических процессов в Краснодарском крае представляется чрезвычайно важным. От стабильности на его территории зависит не только безопасность зимней Олимпиады в Сочи, но и государства в целом. Край имеет в своем составе черноморское побережье, оставшееся России после распада СССР и «ухода» Украины с Грузией. Здесь расположены крупные курортные центры международного значения: Сочи (около 345 тыс.чел. жителей) и Новороссийск (189 тыс.чел.). В Новороссийске также завершаются нефте- и газопроводы из Азербайджана и Казахстана. Новороссийский и Туапсинский порты занимают первое и третье место в стране по грузообороту. Краснодарский край в перспективе станет основной базой российского Черноморского флота.

Именно в Краснодарском крае идеология этнозащитного национализма еще в 1990-х годах стала практически официальной, а традиционалистские ценности (общинность, коллективизм, антипрогрессизм) транслируются, начиная со средней школы и заканчивая губернаторским уровнем. Доктрина «созидательного сопротивления» Москве родилась не в дудаевском Грозном и не в шаймиевской Казани. Ее автором стал заместитель главы администрации края (в период правления Николая Кондратенко в 1996-2000 гг.) Николай Денисов. Сопротивление либерализации и модернизации, идущим из Кремля, стало важнейшей составляющей «кубанской идеи». В одном из своих выступлений (2000 год) атаман Всекубанского казачьего войска (на тот момент также

вице-губернатор края) Владимир Громов заявил: «Мы [казаки – С.М.] на Кубани исторически коренной народ. Мы, кстати, единственный субъект федерации, в Уставе которого записано, что Кубань является территорией формирования и проживания кубанского казачества и русского населения, и с этим обстоятельством должны считаться при формировании органов власти».

Именно на Кубани в начале 2000-х годов была официально оформлено вытеснение за пределы края целой этнической группы (турок-месхетинцев). Выезд турок-месхетинцев на постоянное место жительства в США – первый случай массовой эмиграции из современной России по этническим причинам. В Краснодарском крае власти могли позволить себе особые внешнеполитические воззрения и подходы. Это было продемонстрировано во время российско-украинского противостояния из-за Тузлы (осень 2003 года), во время избирательной кампании в Абхазии (октябрь-декабрь 2004 года). Антиармянская риторика краевой элиты во многом работает против стратегически важного для РФ российско-армянского союза. Вместо поиска путей и способов скорейшей социальной интеграции этнических меньшинств в кубанский социум региональная власть создала по отношению к ним образ врага. При этом эксплуатация тезиса о нарастании миграционной угрозы и радикальном изменении этнического состава на Кубани основывается не на реальном анализе динамики миграций, а на эмоционально окрашенных стереотипах.

Впрочем, в этнополитической сфере в начале 2000-х годов произошли определенные изменения: если губернатор Николай Кондратенко (1996-2000 гг.) предпочитал вести борьбу с «сионистским заговором» в Москве, провоцируя тем самым рост антисемитских и антимосковских настроений, то его преемник Александр Ткачев не раз озвучивал антиармянские, антитурецкие и антикурдские лозунги. В 2012 году он переключился и на выходцев из Северного Кавказа, противопоставляя им кубанских казаков. Не говоря уже о том,

что такое противопоставление находится в явных неладах с Конституцией РФ, стоит отметить, что современное казачье движение практически нигде и никогда в постсоветской истории не было эффективным политически.

Современное казачество было бы правильнее определить, как неоказачество. Использование данного термина кажется оправданным в силу нескольких причин. Во-первых, движение за возрождение казачества возникло в условиях, когда исходный казачий социум претерпел принципиальные социальные трансформации за предыдущие семь десятилетий. Ушло в небытие казачье общинное землепользование, как и сама община. Перестали существовать казачьи войска, как административная и военная единица. Во-вторых, сами казаки утратили свою социальную корпоративность, и их потомки оказались включенными во все группы советского, а потом и российского социума. В итоге движение за «возрождение» базировалось лишь на мобилизованной исторической памяти. Отсюда и невозможность считать современных казаков казаками в традиционном понимании этого явления, как оно сложилось на момент революции 1917 года и последующей гражданской войны.

За два десятка лет неоказаки провели ни один десяток «кругов», «сходов», приняли десятки резолюций и обращений. Однако влиятельной политической силой они не стали. Прежде всего, потому, что оказались не в состоянии найти нишу в современном обществе и погрязли в поисках «золотого века». Мобилизация казачьей истории изначально была конфликтной, а к масштабному конфликту лидеры «новых казаков» были не готовы. Что и показали события последних двадцати лет. Их было не видно в деле защиты русского населения в Чечне и в других республиках Северного Кавказа, зато в борьбе с мигрантами на той же Кубани они оказались во всеоружии. Неоказаки либо полностью свернули свою деятельность в республиках Северного Кавказа (Чечня, Ингушетия), либо стали младшими партнерами республиканских элит (Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия) и

отдельных влиятельных кланов (северная часть Дагестана). На Кубани же они превратились в некий символ региональной власти. Неоказачье движение свелось в основном к церемониальной функции. Заметим, этот символ получал и получает определенную подкормку из государственного бюджета.

В этой связи непонятно, каким образом явление, не нашедшее своего места в современной истории, сможет выполнять актуальные политические функции. Пусть даже и явно противоречащие Конституции РФ. Отсюда и возникает вопрос о том, не накалит ли ситуацию создание «казачьих полицейских». Или даже попытка такого создания. В особенности, если принять во внимание несопоставимые ресурсы этнонациональных движений и неоказачьих в Северокавказском регионе. И если кавказские элиты начнут в ответ создание своих «полиций», то каким образом должен вести себя центр? Поддерживать одних своих граждан против других? Но даже, если предположить, что преференции для казаков будут приняты на Кавказе мирно, то не запросят ли этнонациональные движения региона аналогичных прав и для себя? И где в таком случае окажется само государство? Пока не поздно, этими вопросами необходимо задаться уже сегодня.

СЕРГЕЙ МАРКЕДОНОВ

Кадыров и Евкуров: спор соседей в контексте «пограничных» проблем

В начале августа 2012 года руководители двух северокавказских республик Чечни и Ингушетии вступили в публичную полемику. Формальным поводом для нее стали различные оценки и интерпретации инцидента в ингушском селе Галашки. Пересказывать подробно аргументы и контраргументы сторон вряд ли имеет смысл, поскольку в прессе и интернете все это уже многократно делалось. Напомним, что Глава Чечни Рамзан Кадыров, комментируя спецоперацию, проведенную чеченскими силовиками 1 августа в ингушском селе Галашки, раскритиковал руководителя Ингушетии Юнус-Бека Евкурова за недостаточно активную борьбу с террористами. Кадыров также объявил, что настало время обратить внимание на вопрос административной границы между двумя субъектами.

Отметим лишь, что спор глав двух соседних республик лишь выпукло обозначил тот набор проблем, который накопился в отношениях между Чечней и Ингушетией за долгие годы. Ведь сколько бы ни говорили о том, что вайнахи - это два братских народа, политические отношения существенно корректируют тот позитив, который накоплен рядовыми жителями двух республик за многие десятилетия. Между тем, именно политических отличий между Ингушетией и Чечней, начиная с советского периода, накоплено немало. В советский период в рамках единой Чечено-Ингушской АССР две составные части единой автономии имели разную социально-экономическую специализацию. И поскольку в то время приоритет отдавался промышленному сектору, а не аграрному, то территории современной Чечни имели лучшую инфраструктуру (от городов и гостиниц до школ и вузов). Даже сегодня, когда и Союз ССР и советская экономика ушли в прошлое, городское население Ингушетии составляет лишь

чуть больше 42 % от общей численности населения, а единственным относительно крупным городом является Назрань (бывший во времена Чечено-Ингушской АССР районным центром). Отсюда и устойчивые представления в массовом сознании о некоем особом привилегированном положении Чечни в сравнении с Ингушетией. Добавим к этому и тенденции последних лет, когда Чеченская Республика под водительством отца и сына Кадыровых стала важным символом путинской России и лично «национального лидера» Владимира Путина.

В публичном политическом пространстве ни один региональный руководитель в РФ не имеет такой свободы для выражения мнения как Рамзан Кадыров. И это не говоря уже об уровнях федеральных трансфертов и личной поддержки со стороны обитателей Кремля. В ходе же августовской дискуссии, наряду с проблемами оценки эффективности антитеррористической борьбы и религиозной политики, Рамзан Кадыров затронул столь острую тему, как определение границ между двумя соседними субъектами РФ. «Если Евкуров не желает сплоченности, братских отношений, то для нас эти принципы являются святыми, и поэтому мы определим границы и проведем их там, где исторически и по законам РФ они должны быть. При этом со всей ответственностью могу заявить, что ни одного квадратного метра исконно ингушской земли не останется в пределах территории Чечни», - резюмировал глава Чеченской Республики.

В самом деле, административные границы между двумя образованиями в составе РФ не урегулированы до конца. Эта история также тянется с советских времен. В 1934 году две автономные области Чеченская и Ингушская были объединены в одну. В 1936 году объединенная автономия получила статус АССР. После депортации чеченцев и ингушей в 1944 году упраздненная автономная республика была разделена между несколькими северокавказскими образованиями и Грузией. Тогда же была заложена такая «мина замедленного действия», как конфликт из-за Пригородного района между Северной

Осетией и Ингушетией. В 1957 году началась реабилитация депортированных народов, включая и восстановление упраздненных ранее национально-административных единиц.

В итоге появилась Чечено-Ингушская АССР в новых границах (без Пригородного района и с запретом на заселение ряда высокогорных территорий, но с Шелковским и Наурским районами). После «ичкерийской революции» и объявления «суверенитета Чеченской Республики» (1 ноября 1991 г.), две части некогда единой автономии избрали два разных пути политического развития - самопровозглашенная и не признанная международным сообществом «Чеченская республика Ичкерия» и Республика Ингушетия в составе РФ. В начале 1992 г. граница между двумя республиками условно прошла по административным рубежам районов бывшей Чечено-Ингушской АССР. После выделения Чечни из единой автономии к ней отошли 11 районов (83% территории ЧИАССР), к Ингушетии - 3 района. Четвертый Джейрахский район в составе Ингушетии (ее южная часть) был образован уже в октябре 1993 года. И части территорий Малгобекского и Сунженского районов являются спорными между Чечней и Ингушетией. Даже после того, как сепаратистский проект на территории Чечни не удался, а лояльность республиканского руководства Москве сегодня стала внешне выглядеть, как демонстрация верности во времена пресловутого застоя.

И хотя определение границ между Чечней и Ингушетией не сопровождалось конфликтами (как это было в 1992 году между Ингушетией и Северной Осетией) проблема время от времени становилась предметом публичного обсуждения. Так, вопрос о Сунженском районе был обозначен в 1992 году. В итоге было принято компромиссное решение. Были образованы 2 администрации - чеченская и ингушская. В 1997 году лидер непризнанной Ичкерии Аслан Масхадов поднял вопрос о том, что ингушская сторона в одностороннем порядке передвигает милицейские посты вглубь чеченской территории. Потребовалась встреча и переговоры между Масхадовым и тогдашним президентом Ингушетии Русланом Аушевым для

того, чтобы разрядить обстановку. Интересно, что этот вопрос время от времени извлекался и сепаратистскими лидерами, и властями, настроенными лояльно по отношению к Кремлю. Так, еще во время первой антисепаратистской кампании вопрос об уточнении административных рубежей поднимал президент-лоялист Доку Завгаев (последний первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС и первый после депортации «национальный» партийный руководитель). Не раз звучала в последние годы и «объединительная тема». В марте 2003 года, когда сепаратистский проект уже не представлял столь серьезной угрозы, как в 1990-х годах, руководство двух республик подписало протокол. В соответствии с этим документом под юрисдикцией Чечни оставались село Серноводское и станица Ассиновская Сунженского района. Остальная же территория Сунженского района отходила Ингушетии. Тем не менее, в июне 2005 года тема определения административной границы была снова обозначена Грозным. На этот раз она была актуализирована проводимой на общероссийском уровне реформой местного самоуправления. Тогда Москва отложила определение границы по формальным критериям (в Чеченской Республике не был избран парламент). Однако как только эта проблема была решена, к вопросу вернулись.

В апреле 2006 года спикер парламента Чечни Дукваха Абдурахманов предложил братьям-вайнахам вернуться в объединенный субъект РФ. Помимо Ингушетии Абдурахманов предлагал и Дагестану подумать о возможной интеграции в укрупненный северокавказский регион. В 2008 году эта «объединительная» инициатива снова была снова запущена, однако на этот раз уже без всякого упоминания Дагестана. Впрочем, ингушские власти интеграционного оптимизма не питали. Ни в 1990-х, ни в середине и конце 2000-х годов. Но без согласия субъекта РФ процесс объединения стартовать не может.

Однако помимо формата интеграции Грозный инициировал также идеи, связанные с контролем над безопасностью в

соседней Ингушетии. Этот вопрос поднимался Рамзаном Кадыровым после покушения на Юнус-бека Евкурова в 2009 году. Время от времени чеченский руководитель выражает скепсис относительно того, насколько соседняя республика эффективно справляется с антитеррористической борьбой. В августе 2012 года сразу несколько отмеченных выше сюжетов слились в серию взаимных претензий между руководителями соседних северокавказских республик.

Между тем, любое изменение административных рубежей между Ингушетией и Чечней чревато созданием серьезного прецедента, который по своему значению для российской внутренней политики может быть крайне опасен. Северный Кавказ и Юг России в целом богат не до конца разрешенными или «замороженными» спорами. Самый серьезный из них - это осетино-ингушский, который осенью 1992 года уже выливался в северокавказскую «пятидневную войну», в результате которой погибло 583 человека, и 939 было ранено. Долгие годы проблема ингушских вынужденных переселенцев стояла в качестве камня преткновения в отношениях между Северной Осетией и Ингушетией. Только в 2009 году во многом благодаря позиции Юнус-бека Евкурова и Таймураза Мамсурова удалось найти определенный компромисс: Ингушетия отказывается от территориальных притязаний, а Северная Осетия признала право на возвращения вынужденных переселенцев. Заметим, что этот компромисс был далеко не всеми в Ингушетии признан. Достаточно посмотреть на тот накал борьбы, который наблюдался во время пятого по счету Съезда народа Ингушетии в том же 2009 году! И любое изменение ситуации вокруг административного размежевания Ингушетии и Чечни в состоянии изменить тот позитивный тренд (кстати, один из немногих положительных трендов), который наметился в осетино-ингушских отношениях.

Немало сложностей существует и в Дагестане. Чего стоит одна только «ауховская проблема». Вкратце предыстория этого вопроса такова. В феврале 1944 г. из Ауховского района республики были депортированы чеченцы-аккинцы

(самоназвание «аккьой»). Чечнецы-аккинцы проживают сегодня в Хасавюртовском и Новолакском районах. Сам Ауховский район был в 1944 г. территориально «урезан» (некоторые его части были переданы другим административным образованиям), переименован в Новолакский, стал территорией заселения и хозяйственного освоения лакцев и аварцев. Переселение в равнинный Новолакский район поощрялось властями. В результате была изменена этнодемографическая ситуация, выросло число аварцев (с 1970 по 1989 гг. почти в пять раз). После начала реабилитации чеченцев и ингушей (1957) власти Дагестана создавали административные барьеры для возвращения на родину чеченцев-аккинцев. В конце 1980-х гг. представители общественных организаций чеченцев-аккинцев на волне общедемократических лозунгов стали требовать восстановления исторической справедливости. В 1989 году, еще до появления закона «О реабилитации репрессированных народов», была создана специальная комиссия по ауховской проблеме во главе с тогдашним председателем республиканского правительства А.А.Мирзабековым.

В июле 1991 г. на III съезде народных депутатов республики было принято решение о восстановлении Ауховского района (но без земель, переданных в 1944 г. Казбековскому району) и о переселении лакцев Новолакского района. Предполагалось первоначально до 1996 года осуществить переселение лакцев в Кизилюртовский район с выплатой им компенсаций и выделением кредитов. В 1992 г. после принятия закона № 3093-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» в Дагестане была создана республиканская комиссия по его исполнению. С 1992 по 2000 гг. прежним владельцам в Хасавюрте были возвращены 33 частных дома. Однако намеченные изначально цели - восстановление Ауховского района, возвращение чеченских названий населенным пунктам - не были реализованы. А ведь вокруг этой проблемы завязаны интересы чеченцев-аккинцев, лакцев, аварцев и кумыков! Немало «подводных течений» есть

и в «лезгинском вопросе». В особенности, принимая во внимания выход данной проблемы на международный уровень (лезгинский ареал распределен между Дагестаном в составе РФ и Азербайджаном). И сегодня многие лезгинские национальные организации крайне скептически относятся к достигнутым Москвой и Баку договоренностям и делимитации и демаркации государственной границы (2010), в результате которой обострилась проблема статуса для анклавных сел Храхоба и Урьяноба. В ходе дискуссии даже возникает тема «сдачи» лезгинских сел Азербайджану.

Сегодня спор о так называемых «черных землях» между Астраханской областью и Калмыкией считается разрешенным, о нем также стоит сказать в контексте противоречий между различными субъектами РФ. После депортации калмыков в 1943 году и ликвидации калмыцкого национально-государственного образования 390 тыс. га в районе так называемых «черных земель» было передано Астраханской области. С началом реабилитации калмыков Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 января 1957 г. были определены границы их национально-территориального образования. В соответствии с этим актом 390 тыс. га, используемых де-факто Астраханской областью, оставили в пределах Калмыкии. В 1990-х годов возник спор относительно сроков пользования «черными землями». В 2003 году Высший арбитражный суд России поставил точку в этом споре. Однако прецедент пересмотра административных границ может снова актуализировать старую проблему. Тем паче, что территории «черных земель» проходит 87 километров нефтепровода Каспийского трубопроводного консорциума.

В этой связи реакция федерального центра на дискуссию двух северокавказских руководителей непонятна. Тем более, что и реакцией ее назвать трудно. Скорее, по смыслу это – игра в молчанку. Означает ли это, что центр так уверен в своей силе, что просто игнорирует проблему? Если судить по реакциям на другие события, то это не так. И «национальный лидер», и второй младший член «тандема» весьма активны в своих

заявлениях и оценках по поводу деятельности оппозиции и «вашингтонского обкома». Однако в вопросах, имеющих для страны и для ее целостности, принципиальное значение, жесткая риторика оказывается не востребованной. Впрочем, Кадыров и Евкуров тут далеко не единственные. Кремль также не дал никакой внятной интерпретации по поводу инициативы Ткачева. Между тем, такое молчание опасно по вполне прагматическим причинам. Сегодня руководители будут спорить о границах или по вопросу о желательности приезда к ним в регион других граждан России (как в случае с кубанским губернатором), а кто завтра даст гарантию, что они не начнут реализовывать свои слова на практике. Увы, любой прецедент с уточнением или переопределением границ может иметь не самые позитивные последствия в регионе, переполненном острыми проблемами и травмированной исторической памятью.

«Кумыкский вопрос» в Дагестане

Кумыки — второй по численности после азербайджанцев тюркоязычный народ на Кавказе. Кумыки являются крупнейшим тюркским народом на Северном Кавказе и третьим по численности народом Дагестана. Территория их традиционного расселения : Кумыкская плоскость и предгорные районы Дагестана. В Дагестане кумыкский этнос третий по численности, он составляет более 14% всего населения республики. «Кумыкский вопрос» тесно связан с земельным вопросом, который является одним из главных катализаторов напряжённости на Северном Кавказе. Механизм конфликта был заложен политикой насильственных переселений, которую вела советская власть на Северном Кавказе.

Восстановление ЧИАССР (Чечено-Ингушетии) в 1957 году сопровождалось перекройкой административных границ и переселением целых этносов. Так, ЧИАССР были возвращены шесть районов, присоединенных в 1944 году к Дагестанской АССР. Население Дагестана, которое в 1944 году было насильственно переселено на чеченские и ингушские земли, в обратном порядке было возвращено в Дагестан. Тем не менее, только часть дагестанцев из Чечни была возвращена в свои прежние места проживания: в Ботлихский, Цумадинский, Цунтинский и др. горные районы. Другая часть, под предлогом отсутствия в их прежних местах обитания (в горных районах республики) условий для жизни, была расселена на территории, которые традиционно населяли кумыки (Хасавюртовский, Кизилюртовский, Бабаюртовский, Каякентский и другие) равнинные районы советского Дагестана, территория так называемой кумыкской равнины. В результате этого, а также миграционных потоков, вызванных процессом урбанизации в СССР, произошло резкое сокращение территории с компактным проживанием кумыкского

населения, в результате чего кумыки превратились в этническое меньшинство на Кумыкской равнине и на других территориях. Эти демографические изменения были связаны с миграцией населения горного Дагестана на равнину.

Развал СССР, сопровождавшийся появлением политических свобод, актуализировал кумыкский вопрос. Во второй половине 80-х годов в республике начинают складываться совершенно иные условия для политической деятельности: стало возможным вовлечение в нее представителей самых различных социальных групп. С весны 1989 года начинает формироваться Кумыкское Народное Движение "Тенглик" (КНД). Впервые о своих этнических правах кумыки заявили на Первом учредительном съезде КНД 19 ноября 1989 года в Эндирее. В нем приняли участие 375 делегатов. Были приняты программа и устав движения, избраны руководящие органы, председатель КНД. Согласно программным документам, "Кумыкское Народное Движение (Къумукъ Халкъ Гъаракаты) - общественно-политическая организация, возникающая в результате политической активности народа, объединяющая демократические силы в борьбе за социальную справедливость, национальное возрождение и политическое, экономическое самоопределение кумыкского народа и других народов республики".

В качестве основной цели КНД установил: "Создание национального государственного образования кумыкского народа путем создания демократической парламентской республики, в условиях которой можно будет облегчить развитие экономики и культуры, справедливое урегулирование национальных проблем", где будут возможны "национальное равноправие и политическое самоопределение путем утверждения этнополитической самостоятельности, экономического и социального прогресса кумыкского народа как нации".

9 ноября 1990 года на втором съезде кумыкского народа была провозглашена Кумыкская республика. «Кумыкская республика - суверенное национальное государство,

образованное в результате свободного осуществления кумыкской нации своего неотъемлемого права на самоопределение, добровольно входит в состав федераций - РСФСР и СССР», - пишется в принятой съездом декларации. Все это, естественно, вызывало противодействие со стороны других гражданских формирований, прежде всего аварского Народного Фронта им. Имама Шамиля, а также недовольство органов местной и республиканской власти. Указанные силы видели в решениях КНД и Милли Маджлиса призыв к ликвидации Дагестана как целостного государства. Все заверения кумыков о том, что "если в результате свободного самоопределения других дагестанских наций и народностей будут образованы их национальные республики, то Кумыкия по договору добровольно может объединиться с ними в федеративное государство", не были приняты во внимание. В прессе появились обвинения КНД в сепаратизме и национализме.

Кумыкское движение, оставаясь достаточно организованной и влиятельной политической силой, все же утратило рычаги влияния на политический процесс в республике. В большей степени это связано со ставкой Кремля на аварцев, как доминирующего этноса в Дагестане. Отмена института выборов вовсе лишило население Дагестана рычагов воздействия на политическую жизнь в республике. Все это, плюс миграционные процессы актуализировали кумыкский вопрос в 2010 году. Так, в 2010 году кумыкская общественность обратилась к президенту РФ Д.А.Медведеву. Обращение хорошо характеризует актуальность этой проблемы. В обращении сказано что «в республике реализуется политика доминирования интересов так называемых "правящих этносов" (аварцев), при полном игнорировании интересов других коренных народов республики». «Кумыкский народ, роль которого в создании республики была определяющей, уже более 80 лет не допускается на руководящие должности в Дагестане. Хотя основная часть политической и экономической жизни республики происходит на кумыкской земле. И

большинство населения республики тоже проживает на Кумыкской территории, тогда как самих кумыков здесь уже всего около 20% », - утверждает в обращении кумыкской общественности.

В другом обращении кумыкского народа к главе российского государства, распространенном в июле 2008 года, кумыкская общественность ставит в известность руководство России о том, что в случае игнорирования Россией проблем кумыкского народа, кумыки будут обращаться к международному сообществу за помощью. «Кумыкский вопрос» имеет глубокие корни. Его актуализация в современной России спровоцирована в первую очередь неграмотной политикой федеральной власти на Северном Кавказе, которая обеспечивает свое присутствие в регионе предоставлением широких полномочий местным элитам, что на практике означает узурпацию власти конкретными этническими группами, как это происходит в Дагестане. Доминирование во власти представителей одной этнической группы в условиях Северного Кавказа непременно влечет за собой нарушение культурных прав другой этнической группы. Нерегулируемые миграционные процессы в национальных районах становятся дополнительным фактором напряженности в регионе. Общественность кумыкского народа очень болезненно принимает потерю былого лингвистического и демографического доминирования на востоке Северного Кавказа. Земельный и кадровый вопросы тесно связаны с вопросом демографического доминирования. Нерешенность кумыкской проблемы еще больше накаляет и без того взрывоопасную ситуацию в Дагестане. Нерешенность этого вопроса толкает кумыкскую молодежь в ряды исламских радикалов. Наряду с «черкесским», «кумыкский вопрос» требует от России безотлагательного политического решения своих проблем.

Балкарцы и кабардинцы: извечный спор за землю

Земельный вопрос является одним из главных факторов напряженности на Северном Кавказе. Данная проблема не обошла стороной и Кабардино-Балкарию. Закон от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" актуализировал в республике земельный вопрос, который уже несколько лет является катализатором земельных конфликтов.

13 октября 2009 года президиум общественной организации "Хасэ" заявил о намерении обратиться в Координационный совет кабардинских общественных организаций с предложением о проведении съезда кабардинского народа. Необходимость его проведения возникла из-за проблем, связанных с реализацией 131 Федерального закона "Об организации местного самоуправления в Российской Федерации", сообщил руководитель организации "Хасэ" Ибрагим Яганов. Общественный деятель считает, что для легитимности работы в согласительной комиссии надо знать мнение народа. По его словам, прошло пять заседаний согласительной комиссии, однако решения не достигнуто даже по регламенту.

"Балкарская сторона требует принятия решения по консенсусу, остальные за принятие решения двумя третями голосов. Законопроект, представленный балкарской стороной, предусматривает полную ликвидацию межселенных территорий. В этом случае горные пастбища, а это 70 процентов всей территории республики, отходят к четырем балкарским селам", - говорит Яганов. По проекту, представленному организацией "Хасэ", горные пастбища следует разделить между всеми населенными пунктами поровну - независимо от

места их расположения и национального состава, как это было при советской власти и ранее. На последнем заседании балкарская сторона выдвинула ультиматум, что в случае непринятия их предложений, они покинут комиссию. Кабардинская сторона заявила, что считает ультиматумы неуместными.

11 октября 2009 года в Нальчике состоялся съезд общественной организации балкарского народа "Алан". В работе съезда приняли участие 318 делегатов, а также гости из республик Северного Кавказа - Карачаево-Черкесии, Республики Северная Осетия-Алания, Республики Южная Осетия, Ингушской Республики. Председатель общественной организации "Алан" Суфиян Беппаев в качестве задач, которые должен решить съезд назвал "объективную оценку ситуации", а также "найти способы и меры... в решении проблем стабильности в республике".

Напомним, что при парламенте Кабардино-Балкарии была создана согласительная комиссия, в состав которой вошли 36 человек, представляющих три титульных этноса республики: 12 кабардинцев, 12 балкарцев и 12 русских. В задачи комиссии входит поиск путей по решению проблем, возникших в связи с реализацией 131 Федерального закона. Идея создания согласительной комиссии по решению проблемы отгонных пастбищ принадлежит президенту Кабардино-Балкарии Арсену Каноккову, который в марте этого года направил письмо в парламент республики. Земельный вопрос в Кабардино-Балкарии является одним из главных источников напряженности. Этническое меньшинство и второй титульный народ республики - балкарцы периодически напоминают республиканским властям о своих правах на земли, которые, по их мнению, были отданы кабардинцам во время депортации балкарского народа.

В Кабардино-Балкарии почти 80 тысяч балкарцев, но кабардинцев чуть ли не в пять раз больше. Этническое происхождение двух народ различно. Принадлежность

кабардинцев к адыгской группе у историков сомнений не вызывает. Прошлое балкарцев ещё во многом остаётся неясным. Есть версия, что в формировании балкарского этноса приняли участие западные осетины (аланы) и пришедшие сюда примерно в 14 веке кипчаки. Согласно другой версии, балкарцы – это часть крымско-татарского этноса, переселившаяся в горы Центрального Кавказа примерно в 16 веке. До двадцатых годов двадцатого века балкарцев называли «горными татарами» или «отуреченными кавказцами», поскольку их язык, как и родственных им карачаевцев, принадлежит к тюркской группе. Балкарская автономия в прошлом уже существовала. 6 января 1922 года этнический округ был выделен из Горской республики в Балкарскую автономную область. Но через 10 дней, эту область соединили с Кабардинской. Так на карте появилась Кабардино-Балкарская АО, а в 1937 году – автономная республика в составе РСФСР.

У балкарцев советская власть отобрала статус автономии по причине недостаточного экономического потенциала территории – в Приэльбрусье, среди скал и горных долин можно заниматься только животноводством и развивать рекреационную сферу. Однако туристический комплекс здесь приобрел общесоюзное значение уже во второй половине 20 века, да и то почти весь принадлежал Москве. Словом, и в царское, и в советское время в горах Балкарии о каком-либо благополучии людей речи быть не могло. Это обстоятельство способствовало интеграции балкарцев и кабардинцев, которая наиболее полно проявилась уже в 19 веке. По речным долинам балкарцы приходили на богатые равнинные земли кабардинских князей. Они охотно сдавали горцам землю в аренду, нанимали их работниками. Земля объединила людей разных национальностей. Постепенно стал складываться единый социум. Воспользовались им и большевики, образовав «парную» автономию. Нечто похожее происходило и между соседними народами – карачаевцами и черкесами.

В 1944 году балкарцы были лишены права проживания на землях своих предков. Советские власти утверждали, что

высылают их в Казахстан и Киргизию навсегда. Однако замыслу Кремля не суждено было осуществиться - через 13 лет балкарцы, как и чеченцы, ингуши и карачаевцы были реабилитированы и вернулись в родные горы. Но депортированные народы, по сравнению с другими северокавказцами, оказались отброшенными в своём развитии на много десятилетий назад. К тому же, в ссылке балкарцы, например, потеряли третью часть своего населения. Депортация нанесла большой удар по духовной и материальной культуре народа, прервала процесс формирования интеллигенции. В покинутой горной части республики не развивалась промышленность, а пахотной земли было очень мало. Тырныаузский вольфрамо-молибденовый комбинат, давший работу 30 тысячам человек, в балкарских горах построили только в середине 1970-х годов.

Советский период создал множество национальных проблем на Северном Кавказе. В Балкарии их оказалось не меньше, чем в Чечне и Ингушетии. Очевидно поэтому, после развала Советского Союза, балкарцы активно приступили к их решению. Выход этнические лидеры увидели, как и многие другие, в обретении суверенитета. В отличие от кабардинских общественных движений, балкарский Национальный совет не ставил вопроса о выходе республики из состава России. Напротив, свои надежды лидеры связывали с реализацией российского закона «О реабилитации репрессированных народов», принятого в апреле 1991 года. Он позволил поставить вопросы о воссоздании всех балкарских районов, ликвидированных после депортации, и о более серьёзном представительстве в республиканских властных структурах - кабардинцев во власти было гораздо больше. Однако созданная комиссия Верховного Совета Кабардино-Балкарии по проблеме территориальной реабилитации балкарцев стала искусственно затягивать время. 16 ноября 1991 года балкарские депутаты в знак протеста покинули зал заседания Верховного Совета, а уже на следующий день съезд балкарского народа принял решение о создании самостоятельной Республики Балкария.

Любопытно, что Верховный Совет КБР поддержал эту инициативу. Через месяц с небольшим в балкарских населённых пунктах прошёл референдум о выходе Республики Балкарии из состава КБР, на котором почти 90 процентов населения поддержали решение национального съезда. Последующие события стали развиваться стремительно и, как тогда казалось, благоприятно для балкарского национального движения.

В начале января 1992 года и съезд кабардинского народа провозгласил создание Кабардинской Республики. Как считают наблюдатели, это решение было частью стратегии борьбы кабардинских неформальных лидеров с номенклатурой, которую возглавил победивший 5 января этого же года на прямых выборах президент КБР Валерий Коков. До балкарских проблем представителям противостоящих лагерей (номенклатура на 80-90 процентов состояла из кабардинцев) почти не было дела. К тому же и Национальному совету балкарского народа явно не хватало искушённых в политических баталиях и коридорных интригах политиков.

Апогей противостояния между властями КБР и Конгрессом кабардинского народа пришёлся на осень 1992 года, когда неформалы попытались взять штурмом Дом правительства республики. Штурм фактически сорвали российские силовые структуры, пригрозившие кабардинским радикалам применением огня на поражение. Москва чётко дала понять, на кого она ставит в затянувшемся противостоянии, несмотря на то, что чуть более года назад номенклатура во главе с Валерием Коковым активно поддержала ГКЧП, а кабардинские общественные лидеры отстаивали интересы «демократической России». Борьба за власть в республике стала утихать, тем более что многие лидеры Конгресса кабардинского народа были приняты в состав номенклатуры, а председатель конгресса Юрий Калмыков получил в итоге должность министра юстиции России. Кое-что перепало в общей кампании раздачи пряников и балкарским общественным деятелям. Во всяком случае, сепаратистский запал Национального совета балкарского

народа к тому времени значительно ослаб. О себе он ещё раз напомнил в ноябре 1996 года, за два месяца до вторых выборов президента КБР. Тогда вновь съезд балкарского народа, организованный НСБН, провозгласил Республику Балкарию, но буквально через несколько дней глава совета генерал-лейтенант в отставке Суфьян Беппаев выступил по республиканскому телевидению с покаянной речью, подчеркнув, что к такому решению съезд подтолкнули «отдельные действия лиц балкарской национальности в правительстве Кабардино-Балкарии». История повторилась почти фарсом. Уместно заметить, что чуть позже генерал Беппаев тоже вошёл в состав номенклатуры - получил должность главы комиссии по правам человека и реабилитации жертв политических репрессий при президенте КБР.

К середине 90-х годов в Кабардино-Балкарии, как и в целом по России, завершился раздел власти. Идеи «Великой Черкессии» и «Великой балкарской Алании» ушли в прошлое – политики и общественные деятели, как тогда казалось, уgomонились. Поэтому для московских журналистов и экспертов стал неожиданностью в ноябре прошлого года немногочисленный пикет в центре Москвы, на Лубянке. Его участники называли себя представителями общественной организации «Балкария» и говорили о притеснении балкарцев в КБР. До этого в российской прессе уже стали появляться материалы об обострении «земельного вопроса» в республике.

Получалось, что «островок стабильности» на Северном Кавказе, как называли с середины 90-х годов КБР, неожиданно стал местом проявления довольно болезненных для всей страны проблем. Власти приступили к дележу земли. Большие участки стали попадать в руки скоробогатеев. Формально покупать землю в Кабардино-Балкарии ещё нельзя, но на аукционах можно её приобретать в длительную аренду, что фактически приравнивается к выкупу. Местный парламент ввел такое понятие, как «межселенные земли» - территории, находящиеся между населенными пунктами, и выведенные из-под юрисдикции органов местного самоуправления.

В результате там, где прежде сельчане пасли скот, очень быстро стали появляться рестораны и игральные заведения. А в горах Балкарии «межселенные земли» оказались участками территорий с пансионатами и домами отдыха. Разумеется, у них уже появились свои конкретные хозяева. Поскольку ключевые посты в органах власти в республике заняты кабардинцами, они имеют очевидные преимущественные позиции и в бизнесе. Балкарцев не устраивает, что большая часть собственности в «их» горах и окрестностях балкарских населённых пунктов принадлежит кабардинским предпринимателям.

Два крупных балкарских селения – Хасанья и Белая речка – и вовсе попали в черту города Нальчика. Теперь разрешение, например, на постройку дома или выделение пастбищ для выгула скота дают городские власти, а не сельсовет. Жители двух селений решили провести референдум с вопросом о выходе «из состава города Нальчика», но республиканские власти заявили, что подобное голосование будет квалифицировано как незаконное мероприятие. Но Хасаньинский сельсовет всё-таки назначил референдум на 29 мая 2005 года. За две недели до голосования у ворот собственного дома был застрелен инициатор проведения референдума глава администрации села Артур Зокаев. Убийство до сих пор не расследовано, но балкарцы не сомневаются, что оно носило политический характер. В лице Зокаева народ потерял нового лидера, поскольку генерал Беппаев, возглавив общество «Алан», стал откровенно потакать, на взгляд активистов организации «Балкария», республиканским властям.

События эти вновь реанимировали среди балкарцев лозунги начала 90-х годов – об образовании самостоятельной республики. Но власти КБР ведут себя намного жёстче, чем в те годы. То, что раньше позволялось общественным организациям, сегодня пресекается с помощью Прокуратуры, Судов и Омонов. Прокуратура потребовала, а Верховный суд республики вынес решение о ликвидации в 2006 году общественной организации «Госсвет Балкарии». Но есть ещё

одно важное отличие. В начале 90-х годов чиновники и неформальные лидеры делили между собой власть. Сегодня уже сама власть делит собственность и землю. В результате простые люди остаются без земли, что в условиях региона означает : остаться без средств к существованию. Балкарцы сегодня выживают в основном благодаря натуральному хозяйству, которого у них становится всё меньше. Можно сказать, что этнический фактор ещё не даёт окончательно развернуться беспределу власти в Кабардино-Балкарии. Горцы и жители равнинных селений будут отстаивать свою землю до конца. Но и постсоветское чиновничество на Северном Кавказе по своему характеру остаются хищническим, оно не привыкло останавливаться в погоне за личной выгодой перед проблемами простых людей. Подобный антагонизм может привести к такой ситуации, при которой мирный раздел Кабардино-Балкарии покажется самым счастливым разрешением накопившихся проблем.

Новый президент КБР Арсен Каноков попытался несколько смягчить ситуацию, связанную с «межселенными землями». Осенью 2005 года парламент принял новый вариант закона о границах муниципальных образований, согласно которому таких земель в Эльбрусском районе стало меньше. Каноков отозвал полномочного представителя президента КБР в Эльбрусском районе. Этот чиновник был назначен ещё Валерием Коковым с целью, как утверждают балкарские общественные деятели, не дать возможность администрации района продать акции Тырныазского ГОКа «нежелательным для Нальчика структурам». Однако балкарские проблемы так и не решены, - заявил в беседе со мной один из общественных лидеров балкарцев Руслан Бозиев. - Такое понятие, как «межселенные земли» существует на Юге России только в малоземельной Кабардино-Балкарии. В Эльбрусском районе на этих землях оказалось даже сельское кладбище. Местная администрация не сможет ничего сделать, если республиканские чиновники захотят его снести. Более 60

процентов территорий района, согласно закону, находятся вне зоны контроля районной администрации.

Бывший президент Каноков на встрече с местными предпринимателями заявил, что будет добиваться «полномасштабной приватизации» земли в 2007 году. Эти обещания в очередной раз напугали балкарцев. Среди них муссируются слухи, что республиканские власти готовят уникальные рекреационные территории в горах для продажи богатым представителям адыгской диаспоры Ближнего Востока. Похожая ситуация и вокруг селений Хасанья и Белая речка – эти места в пригороде Нальчика очень хорошо подходят для строительства элитных коттеджей, гостиниц и ресторанов.

8 марта 2007 года в Нальчике состоялся митинг представителей балкарских населенных пунктов. В резолюции они вновь потребовали исключить из республиканского законодательства понятие «межселенные земли» и восстановить «административно-территориальные районы Балкарии по состоянию на день депортации 8 марта 1944 года». В 1957 году, напоминают балкарские активисты, из четырёх «балкарских» районов было восстановлено только три. Ответа на требования жителей балкарских населённых пунктов власти не дали. Впрочем, мало кто из участников митинга ожидал ответа. Проблемы «подвешены в воздухе».

Власти же Кабардино-Балкарии, признавая частично правомерность претензий, высказываемых балкарцами,жимают плечами и ссылаются на Федеральный закон прямого действия. Так, комментируя *Caucasus Times* требования балкарцев, касающиеся земель, бывший президент Кабардино-Балкарии Арсен Каноков заявил, что само понятие "межселенные земли" было введено в правовой оборот именно федеральными властями, и возлагать ответственность за его использование на республиканское руководство, неправомерно: "Если мы говорим о 131 Законе, сегодня недовольство вызвано тем, что города-спутники, которые расположены вокруг Нальчика, потеряли представительные органы. Я считаю, что это Федеральный Закон прямого

действия и от нас, даже от меня, ничего не зависит. Я не возражаю против того, чтобы эти населенные пункты имели представительные органы, но нельзя сегодня говорить, что руководство республики виновато. В любом случае надо вернуться к этому вопросу, нужно посмотреть, если они реально ущемлены или их условия жизни из-за этого поменялись, конечно, надо народу помочь сориентироваться. Но спешить и заявлять, что ущемляются права по федеральному закону или по каким-то иным основаниям... Я думаю, что население детально в законах не разбирается. Вы спросите, кто из опрошенных читал 131 Закон, кто из них знает, где эти межселенные земли. ...если балкарцы страдают и от нас что-то зависит, я думаю, мы это будем устранять». (см. интервью с А. Каноковым по ссылке: <http://caucasustimes.com/article.asp?language=2&id=11857>) Если земля в прошлые времена объединила балкарцев и кабардинцев, то сегодня в республике она становится причиной раздора, приобретающего все в большей степени характер межэтнического противостояния. И, по словам представителей Совета старейшин балкарского народа, еще раз, как в 1944 году, балкарцы землю терять не намерены.

МИХАИЛ ЗИЛЬБЕРТ

Горцы против «модернизации»

Глобальные планы Федерального центра по развитию курортов Северного Кавказа, красочно изложенные в проекте создания туристического кластера на территории Северо-Кавказского федерального округа, разбиваются об острые углы внутриполитических проблем Кабардино-Балкарии. Для реализации проекта туристического кластера на территории Северо-Кавказского федерального округа согласно информации, опубликованной на официальном сайте КСК, в регион планируется инвестировать, по предварительной оценке специалистов, 451,4 млрд руб. Предполагается, что часть объектов в рамках проекта будет построена за счет государственного финансирования, в том числе из средств бюджетов федеральных целевых программ «Юг России (2008–2012 годы)» и «Развитие транспортной системы России (2010–2015 годы)». Также планируется привлечь ресурсы Инвестиционного фонда РФ и средства, освободившиеся в ходе корректировки ряда инвестиционных программ.

По замыслу разработчиков проекта, особое внимание будет уделено формированию благоприятного инвестиционного климата для частных инвесторов за счет кредитной поддержки государственных банков, политики таможенных и налоговых льгот, придания территориям статуса ОЭЗ в соответствии с Федеральным Законом РФ от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». По предварительным оценкам экспертов, ОАО «Курорты Северного Кавказа», вклад проекта в валовой региональный продукт которого к 2020 году должен составить порядка 700 млрд. руб., обусловит более чем двукратный рост экономики регионов Северо-Кавказского федерального округа. При этом, авторы проекта уверяют, что доходы бюджетов всех уровней достигнут более 200 млрд. руб., из них порядка 120 млрд. руб. поступят в бюджеты федерального уровня, а 80 млрд. руб. — в

бюджеты регионального и муниципального уровней. Совокупные налогооблагаемые финансовые потоки по отраслям экономики за предусмотренные двадцать лет составят более 2 трлн. руб. Налогообложение, по связанным с ОАО КСК отраслям экономики, за тот же срок достигнет свыше 640 млрд. руб. В целом, специалисты предполагают, что в ходе реализации проекта будет создано более 160 тысяч постоянных рабочих мест, а при полной реализации потенциала — до 320 000 рабочих мест.

Между тем, бравурные планы по развитию курортов на Северном Кавказе сталкиваются с объективной реальностью, которая никоим образом не была учтена авторами данной концепции. И в первую очередь это касается вопроса безопасности, который, согласно опросам общественного мнения, является вторым по важности для жителей модернизируемого региона. Так, 69% опрошенных пражским агентством Medium-Orient жителей республики к наиболее острым проблемам отнесли проблемы безопасности. Достаточно вспомнить громкое убийство туристов из Москвы в районе Приэльбрусья и подрыв канатной дороги в феврале 2011 года.

Еще одним фактором, препятствующим «глобальному размаху», является земельный вопрос, актуализировавшийся в Кабардино-Балкарии задолго до появления вышеуказанной стратегии развития. Не зная о существовании и остроте земельного вопроса в КБР авторы концепции не могли. Если же существование проблемы попросту игнорировалось, то это свидетельствует в первую очередь о том, что администрация полпреда Хлопонина руководствовалась принципом: «главное не победа, главное участие». Если не сказать большего....

В ближайшее время ожидается делегирование "КСК" управления территорией особых экономических зон в Дагестане, Северной Осетии и Карачаево-Черкесии. В Адыгее кадастровый учёт завершается, а в Кабардино-Балкарии кадастрирование земель в связи с нерешенностью «вопроса собственности на землю» откладывается на неопределенные

время. Накануне презентации своего очередного доклада об успехах в реализации проекта генеральный директор ОАО «Курорты Северного Кавказа» Алексей Невский признал существование земельной проблемы. Земля, зарезервированная под курорты Северного Кавказа, не продаётся частным лицам, - с таким заявлением в интервью федеральному информационному агентству на днях выступил Алексей Невский.

Компания, созданная для реализации в регионе гиперпроекта, вынуждена была отреагировать на появившиеся в СМИ утверждения, что северокавказские чиновники якобы скупают "курортные" земли на имена своих родственников, чтобы затем, когда проекты, собственно, и начнут реализовываться, перепродать их намного дороже. Господин Невский тут же уступчиво делает несколько шагов назад: ""Естественно, там есть участки, принадлежащие частным лицам. Однако это не носит критических масштабов, не влияет существенно на оформление особых экономических зон и не может стать препятствием для продвижения проекта Северокавказского туристического кластера".

Он убеждает, что ОАО "КСК", со своей стороны, всесторонне содействует оптимизации процесса оформления земельно-имущественных отношений на территориях будущих курортов, хотя формально это является сферой ответственности региональных властей и муниципалитетов. Около года власти Кабардино-Балкарии ведут "разъяснительную" работу среди жителей горных территорий, где и должны быть проложены лыжные трассы и вырасти современные курортные комплексы, но, увы, безуспешно.

Горцы сомневаются, что когда земли заберут под строительные объекты, у них сохранятся территориальные права на владение ими. До сих пор нерешённый в республике «вопрос частной собственности на земли сельхозназначения» загоняет проблему модернизации региона под туристический кластер в тупик. Представители КСК не раз устраивали для сомневающихся жителей горных поселений презентации

проектов, заверяя: будет только лучше! После этих акций муниципальная власть горячо рапортовала о сокращении числа недовольных, однако они по-прежнему есть и с периодичностью заявляют о своих правах.

Так, около 100 человек - жителей селения Безенги Черекского района республики организовали митинг протеста. Митингующие заявили, что отказываются поддержать создание туристического кластера на территории СКФО до тех пор, пока "их исконные земли" не будут переданы в муниципальную собственность сельского поселения. По их мнению, это требование полностью соответствует 131 ст. Федерального Закона, неисполнение которого и привело к возникшей земельной проблеме. Между тем, некоторые наблюдатели утверждают, что республиканским властям выгодно консервирование конфликта, мол, пока одни протестуют, у других есть время стать собственниками спорных территорий. Казалось бы, масштабы Олимпийской стройки в Сочи могли вдохновить инвесторов на освоение близлежащего региона с похожими возможностями. Однако все вышеизложенные проблемы плюс нарастающие опасения, что конкуренции с Сочинским олимпийским комплексом ни Приэльбрусье, ни Мамисон, ни Архыз, ни другие территории явно не выдержат, пугают даже самых отчаянных инвесторов.

Заключение

ИСЛАМ ТЕКУШЕВ

Северный Кавказ и факторы нестабильности: некоторые выводы

Представленные в данной книге аналитические статьи и результаты социологических исследований свидетельствуют в первую очередь о том, что тезис о нормализации и стабилизации положения на Северном Кавказе в целом, активно распространяемый центральными и региональными средствами массовой информации в России, является, по меньшей мере, весьма спорным. Благодаря беспрецедентным мерам насилия и столь же беспримерным финансовым вливаниям, которые были применены в Чечне, Москве удалось вернуть в правовое русло эту беспокойную северокавказскую республику. Однако, неблагоприятная социальная реальность на Северном Кавказе, подавление свобод, в том числе и религиозных, создали благоприятные условия для усиления роли различных социальных групп на Северном Кавказе. Доминирующую роль

среди них играют религиозные и этнические социальные группы, часто вступающие между собой в конфликт.

Реальное положение вещей на Северном Кавказе имеет мало общего с бодро оптимистической картиной ситуации в регионе, часто изображаемой официальными российскими СМИ. В 2014 году Северный Кавказ продолжает оставаться наиболее нестабильным регионом в России, болезненно реагирующим на малейшие внешние раздражители, что далеко не всегда учитывается федеральным центром в его политике в северокавказском регионе. Ярким тому примером служит Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации", призванный урегулировать земельный вопрос, который в действительности стал еще одним источником напряженности на Северном Кавказе.

Так, 28 июня 2011 года, в рамках 131 ФЗ, парламент Кабардино-Балкарской Республики (КБР) принял закон об отгонных пастбищах, согласно которому большие площади, отведенные под отгонное животноводство в балкарских районах (212 800 га), были отнесены к республиканской собственности, которая может быть арендована, но не приватизирована. Балкарцы обвинили власти в попытке отобрать землю, которую они считают своей этнической территорией. В ситуацию вмешались кабардинские лидеры, которые ответили на притязания балкарцев тем, что сочли требования балкарских активистов чрезмерными, поскольку свыше 60 процентов из них проживают теперь на равнине (численность балкарского населения составляет 108 тысяч человек, что составляет менее четверти всего населения республики). Если же к остальным 40 процентам перейдут пастбища, эта небольшая часть населения получит контроль

почти над половиной территории КБР, где сосредоточена основная часть ее природных ресурсов.¹³¹

Таким же источником напряженности для Москвы стала Олимпиада в Сочи, призванная мобилизовать российское общество. На практике она привела к мобилизации разного рода протестов на Юге России: это протесты против дискриминации сексуальных меньшинств, черкесские протесты и выступления экологов в защиту уникальной природы Кавказа.

Конфликтный потенциал на Северном Кавказе продолжает оставаться весьма значительным, находя свое выражение в росте религиозного экстремизма среди молодежи и в падении доверия к местным и федеральным властям, правоохранительным органам и основным государственным институтам в целом. При этом, деятельность различных джихадистских структур, все увереннее образующих параллельную систему власти в северокавказских республиках, с их лозунгом «чистоты ислама» и освобождения всего Северного Кавказа от «неверных», оказывает все более заметное влияние на умонастроения молодежи в северокавказских республиках. Главными катализаторами нестабильности на Северном Кавказе продолжают оставаться экономические проблемы, преступность, религиозный экстремизм. Так, согласно опросам общественного мнения, проведенным ИА «Medium Orient» в 2013 году в Дагестане, подавляющее большинство опрошенных жителей республики - (60,5%) к наиболее острым проблемам отнесли социально-экономическую сферу, отметив, в первую очередь, высокий уровень безработицы среди молодого трудоспособного населения. К наиболее острым проблемам были также отнесены проблемы безопасности (терроризм и преступность) - 50,3%. Религиозную сферу выделили в качестве наиболее острой

¹³¹ Источник: Доклад Международной Кризисной группы "Северный Кавказ: сложности интеграции". Доклад International Crisis Group №220 (Европа), 19 октября 2012 года.

проблемы 26,1% респондентов. Межэтнические противоречия являются главной проблемой Дагестана для 2,8% опрошенных жителей республики. Аналогичное число респондентов (2,8%) затруднились ответить на данный вопрос.

Аналогичная картина складывается и в соседней Кабардино-Балкарии, где подавляющее большинство опрошенных (85%) указало в качестве первоочередной социально-экономические проблемы. К наиболее острым проблемам были также отнесены проблемы безопасности (69%) и проблемы в религиозной сфере, прежде всего распространение ваххабизма (59%). Примечательно, что в ходе аналогичного опроса в Кабардино-Балкарии в сентябре 2005 г. лишь 44% опрошенных назвало наиболее важную проблему безопасности и только 6% отнесло к самым острым проблемам религиозную сферу. Таким образом, за прошедшие семь лет число тех, кто считает наиболее актуальной проблему безопасности, выросло с 44% до 69%, т.е. более чем в полтора раза. Однако наиболее разительный рост произошел среди тех респондентов, кто относит к числу самых острых в республике проблему религии. Число этих людей выросло с 6% в 2005 г. до 59% в 2012 г., т.е. практически в десять раз, что ярко демонстрирует крайне тревожное и неблагоприятное положение в данной сфере. Наибольшую обеспокоенность населения вызывает, прежде всего, стремительный рост исламского радикализма в республике и связанный с этим всплеск насилия.¹³²

Всплеск вооруженного насилия вокруг Олимпиады в Сочи, взрывы в Волгограде в 2013 и 2014 годах являются конкретными примерами проявления накопленного на Северном Кавказе колоссального конфликтного потенциала. Сохраняющаяся террористическая активность на Северном

¹³² Источник: Caucasustimes.com. «Опрос в Кабардино-Балкарии: падающий рейтинг руководства республики на фоне роста исламского фундаментализма и нарушений прав человека»

Кавказе (СК), распространение террористической угрозы за пределы СК, латентные межэтнические и социальные противоречия, - все это является убедительным свидетельством предостережения от накопления многогранного конфликтного потенциала. Открытые и скрытые конфликты на Северном Кавказе требуют незамедлительных и системных мер со стороны федерального центра. Москва же в ответ на эти вызовы продолжает ограничиваться кратковременными карательными акциями в отношении региональных элит и боевиков, уделяя мало внимания изменению социальной реальности.

Не меньшим злом оборачиваются на Кавказе и законодательные инициативы Москвы, направленные на борьбу с неправительственными организациями. Так, вслед за терактами в Волгограде российские парламентские фракции внесли на рассмотрение в Госдуму пакет из трех законопроектов, направленных на усиление борьбы с терроризмом. Поправки касаются уголовного, административного права, законов, регулирующих связь, интернет, банковскую, правоохранительную деятельность, работу НКО и региональных органов власти. По мнению главы представительства Международной Кризисной группы в России, директора проектов по Северному Кавказу Екатерины Сокирянской, ЭТО усложняет работу НПО по взаимодействию с властью, в том числе региональной, но никак не способствует снижению уровня насилия в регионе.¹³³

¹³³ Источник: Caucasustimes.com. Интервью с главой представительства Международной Кризисной группы в России, директора проекта по Северному Кавказу Екатериной Сокирянской.

Сведения об авторах

ЯРЛЫКАПОВ АХМЕТ, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

МАРКЕДОНОВ СЕРГЕЙ, кандидат исторических наук, приглашенный научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон).

РОЩИН МИХАИЛ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения Российской академии наук (Москва).

ТЕКУШЕВ ИСЛАМ, журналист, социолог, директор информационного агентства Medium Orient, главный редактор сайта www.caucasustimes.com (Прага).

ФИЛАТОВ СЕРГЕЙ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения Российской академии наук (Москва), руководитель исследовательского проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России».

ШЕВЧЕНКО КИРИЛЛ, доктор исторических наук, сотрудник Центра российского образования в Чехии (Прага).

ЛЕБАНИДЗЕ СОЛОМОН, грузинский политолог. Тбилисский государственный университет имени Иванэ Джавахишвили, Тбилиси.

ШМУЛЕВИЧ АВРАХАМ, журналист, политолог, президент «Института Восточного Партнерства»,

ЧАБИЕВА ТАНЗИЛА, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ИЭА РАН